Fregata-dukter
Parta char

Marjen Raterford she maoris

bay Nikolai Chukovski

Водители фрегатов
Часть четвертая

Матрос Рутерфорд в плену у новозеландцев

Николай Чуковский

Piktura bay Yevgenia Laletina / Рисовала Евгения Лалетина

Hasima

"Nu bu gai-te lai ahir," bosmen shwo a kapitan Koffain. "Gai-te go direktem a Ostralia, a Port-Jekson."

Kun hena bosmen zai kan maoris kel fulefai on dek. Hir li es ya gro-mucho, gro-mucho brun tatui-ney bey, plecha, fas! Maoris go-go inter mastula kwasi masta – librem, naglem. Ye tal menga de longe piroga kadalok, ke bli sahil akwa ga bu fa-vidi. E skwila de ti maoris bringi fo vendi na swinas es ya basta fo fa-gluhe.

"Yu jan muy hao ke nu bu mog-te go direktem a Port-Jekson," kapitan Koffain jawabi fatigi-nem. "Pi-akwa ye-te sol fo dwa dey. Si nu bu wud lai ahir, nu wud morti por pyasa."

Kapitan Koffain turni wek fon bosmen e en-kan sahil.

Es yo yar 1816. Charshi sem yar he pasi afte ke Kuk un-nem visiti-te Nyu-Siland. Yedoh Nyu-Siland es haishi hampi same – savaje, bukoni-ney.

Baya zai brili sub surya kom shuin, al mah-blinde-si. Baya es kamari-ney bay roka-ney kolina kun shulin. On kolina-simas, kom kronas, ye staka-baranas. To es "ipu", fortesa de maoris. Baken ramla-ney chyenlok ye muh de kway riva ke mahan mar-safarer Kuk he nami Temsa.

Разгром

– Мы напрасно зашли сюда, – сказал боцман капитану Коффайну. – Нужно было бы идти прямо в Австралию, в Порт-Джэксон.

Боцман с ненавистью глядел на новозеландцев, заполнивших всю палубу «Агнессы». Сколько их здесь, этих коричневых татуированных спин, плеч, лиц! Новозеландцы бродят между мачтами, словно хозяева, – развязно и смело. Кругом собралось такое множество длинных пирог, что возле берега не видно воды. Можно оглохнуть от шума голосов и от пронзительного визга свиней, привезенных новозеландцами на продажу.

– Вы отлично знаете, что мы не могли идти прямо в Порт-Джэксон, – устало ответил капитан Коффайн. – Воды у нас осталось только на два дня. Если бы мы не зашли в Новую Зеландию, мы погибли бы от жажды.

Капитан повернулся к боцману спиной и стал разглядывать берег.

Шел уже 1816 год. Миновало сорок семь лет с тех пор, как Кук впервые посетил Новую Зеландию. А Новая Зеландия оставалась почти такой же – дикой, неведомой.

Бухта сверкала на солнце, как ртуть, и слепила глаза. Она была опоясана каменистыми холмами, заросшими лесом. На вершинах холмов, словно короны, стояли деревянные частоколы. Это были и-пу, крепости новозеландцев. За песчаной отмелью лежало устье быстрой реки, которую великий мореплаватель Кук назвал Темзой.

Miden baya brig "Agnesa" zai stan. In parus ye dun tra kel pes de skay fa-vidi, e pakla ragi aus borda. Duran dwa yar "Agnesa" bu bin in nul portu, duran dwa yar it bu he miti nul ship. Yedoh it glubefai ya in akwa! Suy duza es sobrefulisi-ney bay perla e tortuga-shel. Sey perla e sey tortuga-shel, kapitan Koffain he pai it fon islajen de Kyete Osean - pur kelke ligika de glas-mala e pur stanum-pyata. Pyata kosti po un pens per para ge, e perla es gro-guy. Kapitan Koffain zai returni a janmalanda kom richa.

Посреди бухты стоял бриг «Агнесса». Сквозь дыры его парусов виднелись клочки неба, из бортов лезла пакля. Два года «Агнесса» не была ни в одном порту, два года не встречала она в океане ни одного корабля. Но зато как низко сидела она в воде! Брюхо ее было переполнено жемчугом и черепаховой костью. Этот жемчуг и эту кость капитан Коффайн получил у жителей островов Тихого океана в обмен на несколько связок стеклянных бус и оловянные тарелки. Тарелки стоили по одному пенни за пару, а жемчуг не имел цены. Капитан Коффайн возвращался на родину богатым человеком.

"Treba mah sey rauber aus," bosmen shwo for. "Li zai bechori nu. Oni bu mog ya wahti li oli. Li he tiri yo gro-mucho naga aus planka. Plankas ve defixi tuy ke nu go inu mar. Goni li oli wek, kapitan."

– Нужно выгнать вон этих разбойников, – продолжал боцман. – Они нас обкрадывают. Ведь за ними не усмотришь. Они уже повытаскали все гвозди из обшивки, и доски отвалятся, едва мы выйдем в море. Гоните их всех в шею, капитан.

Kapitan Koffain ek-smaili.

Капитан Коффайн усмехнулся.

"Kan ba," ta shwo.

– Глядите, – сказал он.

Kada maori teni in handa un korda, pa kel-ney fin un grave ston es ligen. To es dashat-ney arma de maoris – "mer". Bay un darba de mer maori rasrupti kapa de kontrajen. In handa-batala mer es zuy dashat-ney arma. Maori-menga kel fulefai on dek de "Agnesa", li zai virti meres in aira kun koy glume alegritaa. Stokas de ston zai virti al zumbi kwasi mucho gran bumbar.

Каждый новозеландец держал в руке веревку, на которой болтался тяжелый камень. Это было страшное оружие новозеландцев – мэр. Одним взмахом мэра новозеландец расшибает голову противника. В рукопашной схватке нет более страшного оружия, чем мэр. Толпа, заполнившая палубу «Агнессы», с каким-то мрачным весельем вращала мэрами в воздухе. Сотни камней кружились и кружились, жужжа, словно большие шмели.

"Bu fogeti ya ke nu bu es un-ney blan jen kel visiti sey sahil," kapitan Kaffain shwo for. "Nuy samlandajen kel bin hir bifoo nu, li shuti-te maoris kom bestias. Maoris

– Не забывайте, что мы не первые белые, посетившие эти берега, – продолжал капитан Коффайн. – Наши соотечественники, побывавшие здесь до нас, расстреливали

hev muy hao memoria. Al nau hir li es amini tristo jen, e nu es sol shi-pet. Me he sendi pet maryuan a sahil fo akwa.. Non, nau bu val kwereli kun li. Me ve shwofu li tu go wek salam-nem."

"Apena hi li ve go wek," bosmen grumbli.

"Emaii!" kapitan voki lautem.

Aus maori-menga chu un jen do sirke charshi-pet yar, gao e masbute. Suy muskula muvi sub tatui-ney derma. Suy har es orni-ney bay gran kolori-ney plumas kel ragi a oli taraf kom dense bush. Maoris rasstepi kun respekta, bikos es shefa. Ta stopi bifoo kapitan al smaili gro, yedoh ta kontinu virti suy mer tanto kway ke it sembli tume halka.

"Emaii, dukti ba yur jenta wek fon hir, li impedi me," kapitan shwo al klarisi swa-ney worda bay handa.

Shefa-ney fas es muy hao-muda-ney, yedoh ston de suy mer flai-flai yus bli kapitan-ney nos. Shefa oda bu samaji, oda bu yao samaji.

"Audi ba, Emaii," kapitan shwo al simuli ke ta bu merki mer kel zai virti furia-nem. "Me es yur amiga hi. Me he doni a yu char stal-kinjal e un vere marjen-kostum." (Fo pyu-ney klaritaa kapitan ek-sheiki swa-ney kinjal sin tiri it aus kinjaldan, tachi mansha de swa-ney klaida.) "Pruvi ba ke yu es vere amiga, Emaii. Dukti ba yur jenta wek fon ship."

новозеландцев, словно зверей. У них отличная память. Их тут по крайней мере триста человек, а нас всего пятнадцать. Пятерых матросов я отослал на берег за водой... Нет, ссориться с новозеландцами сейчас не стоит. Я уговорю их уйти миром.

– Уйдут они, как бы не так! – проворчал боцман.

– Эмаи! – громко крикнул капитан.

Из толпы вышел новозеландец лет сорока пяти, высокий и крепкий. Мускулы двигались под татуированной кожей. Волосы его были утыканы большими раскрашенными перьями, которые торчали во все стороны пышным кустом. Толпа почтительно расступилась, потому что он был вождь. Он остановился перед капитаном, улыбаясь во весь рот, но продолжал вертеть свой мэр с такой быстротой, что камень казался едва заметным темным кольцом.

– Эмаи, уведи отсюда своих людей, они мне мешают, – сказал капитан и движением руки объяснил свою просьбу.

Лицо Эмаи расплывалось от благодушия, но камень его мэра пролетал перед самым носом капитана. Вождь либо ничего не понимал, либо не хотел понять.

– Послушай, Эмаи, – проговорил капитан, делая вид, что не замечает неистово кружащегося мэра. – Ведь я твой друг. Я подарил тебе четыре стальных кинжала и настоящий матросский костюм. – Для большей ясности капитан тряхнул кортиком, не вынимая его из ножен, и пощупал пальцами рукав своего камзола. – Докажи, что ты настоящий друг, Эмаи, уведи с корабля своих воинов.

Bat Emaii kontinu gro-smaili e virti mer bli kapitan-ney fas.

"Ta bu samaji," kapitan sospiri kun denada.

"Ta simuli," bosmen shwo.

"Ta yao mah nu dai koysa a ta," kapitan murmuri. "Treba wadi koy kosa a ta... Kwo yu yao, Emaii?" kapitan kwesti islajen.

Kapitan kelke ves extendi suy handas versu shefa, diki-yen pama-holikas, kwasi dai-yen koysa a ta.

Al sey ves Emaii samaji tuy. Al extendi lefte handa, ta tachi bay finga den banduk kel pendi baken kapitan-ney bey.

"Yu yao banduk ku?" kapitan kwesti. "Hao. Go a sahil kun oli yur gwerjen e weiti. Wen nuy bota snova go fo akwa, it ve bringi banduk a yu".

Bat islajen snova en-bu-samaji.

"Yu yao pai banduk nau hi?" kapitan shwo for, al trai mah vos suoni zuy dule posible.

Emaii niki.

"Hao. Pren ba. Sol go wek kway kun oli yur kanalya."

Но Эмаи по-прежнему улыбался во весь рот, и камень по-прежнему кружился у самого лица капитана.

– Не понимает! – с отчаянием вздохнул капитан.

– Притворяется, – сказал боцман.

– Он хочет выманить у нас какую-нибудь вещь, – пробормотал капитан. – Нужно ему что-нибудь посулить. – И, обращаясь к дикарю, спросил: – Что ты хочешь, Эмаи?

Он несколько раз протянул вождю свои ладони, собранные пригоршнями, как бы давая ему что-то.

Теперь Эмаи понял его сразу. Протянув левую руку, он коснулся пальцами ружья, висевшего за спиной капитана Коффайна.

– Ты хочешь ружье? – спросил капитан. – Хорошо. Поезжай на берег со своими воинами и жди его там. Когда наша шлюпка поедет снова за водой, она привезет тебе ружье.

Но дикарь опять перестал понимать.

– Ты хочешь получить ружье сейчас? – продолжал капитан, стараясь придать как можно больше ласковости своему голосу.

Эмаи кивнул головой.

– Ну ладно. Получай. Только поскорее убирайся отсюда со всем своим сбродом.

Kapitan depon banduk fon plecha e handi it a maori. Emaii kalmem onpon it on bey. Ta kontinu smaili e stan bifoo kapitan, ta zwo nul stepa wek. Vanem hi kapitan gro-pregi ta tu go wek. Ta bu samaji for, e sol mer virti in aira.

Капитан снял с плеч ружье и передал его новозеландцу. Эмаи спокойно надел его себе на спину и, улыбаясь, продолжал по-прежнему стоять перед капитаном, не думая двигаться с места. Напрасно капитан умолял его удалиться. Он был непонятлив по-прежнему, и только мэр кружился в воздухе.

"Kanalya!" bosmen hisi, klemi kulakes e lai a smaili-she maori.

– Негодяй! – прошипел боцман и, сжав кулаки, подошел к улыбающемуся новозеландцу.

"Kwiti ba," kapitan shwo. "Es norasum-ney tu kwereli kun li nau. Nu es in li-ney handas. Sol fuga mog salvi nu".

– Оставьте, – сказал капитан. – Сейчас безрассудно с ними ссориться. Мы в полной их власти. Спасти нас может только бегство.

Bosmen stepi wek al grumbli gluhem.

Боцман, глухо ворча, отошел в сторону.

Bli ship-borda pleska de remas en-suoni. Kapitan kan nich e vidi un bota, in kel ye pet gran barela. Hampi oli barela es vakue. Char maryuan eforti remi. Pet-ney maryuan sidi pa rul, ta es do gro-gaotaa e do har hwan kom slama.

У борта корабля раздался плеск весел. Капитан глянул вниз и увидел шлюпку, в которой стояло пять больших бочек. Почти все бочки были пусты. Четверо матросов усердно налегали на весла. Пятый, огромного роста, с желтыми, как солома, волосами, сидел у руля.

Bota lai a ship. Oni nichisi ship-sulam. Hwan-har-ney maryuan fasilem klimbi-salti a dek e go versu kapitan. Maoris glumem rasstepi bifoo ta. Ta fai nul atenta om li, kwasi dek es ga vakue.

Шлюпка подошла к кораблю. Спустили трап. Желтоволосый матрос с легкостью вскочил на палубу и зашагал к капитану. Новозеландцы угрюмо расступились перед ним. Он не обращал на них никакого внимания и шел так, как будто на палубе было пусто.

"Raterford!" kapitan krai. "Way yu lai bak tanto kway?"

– Рутерфорд! – крикнул капитан. – Почему вы так скоро вернулись?

"Savajas bu he lasi nu pren akwa," hwan-har-ney jawabi. "Wen nu probi-te landi, li begin-te lansi ston a nu. Nu bu mog-te trapasi a riva bikos yu he prohibi

– Дикари не дали нам набрать воды, сэр, – ответил желтоволосый. – Когда мы попробовали высадиться на берег, они стали швырять в нас камнями. Мы не могли пробиться к

shuti. Dar ye gro-trupa de li, e li es dushte kom diablas.

"Wel, nu majbur departi sin akwa," bosmen shwo.

"Ob nu ve pai departi?" kapitan remarki.

"Treba probi."

"Hao, nu probi ba," kapitan shwo. E krai: "Oli a mastula! Lifti parus!"

Maryuan – li es shi-dwa – en-klimbi uupar mastula-korda. Sol tri inglishjen resti on dek: kapitan, bosmen e kuker. Korda en-skriki, parus en-muvi.

Maoris, al kan uupar, en-krai. Ti sidi on rea na maryuan Raterford kan nich e vidi menga de dushte fas. Maoris samaji ya plan de kapitan Koffain, li bu ve lasi "Agnesa" chu inu mar.

Bosmen desendi inu ofser-shamba. Kapitan Koffain sole zai stan bifoo Emaii. Maori-shefa haishi zai smaili e haishi virti mer bli fas de gariba-shefa. Kuker es dalem, ta zai konti swinas ke maoris he bringi fo vendi.

In ofser-shamba bosmen ofni lemar, tiri aus it den shi gran pistola, raspon li on tabla. Al presi labas ta sharji pistolas un afte otre, poy lifti lapa de suy klaida e kuti li inu it. Poy ta returni a dek.

реке, потому что вы запретили нам стрелять. Их там целое войско, и все они злы, как черти.

– Что ж, нам придется уйти отсюда без воды, – сказал боцман.

– Удастся ли уйти? – заметил капитан.

– Надо попытаться.

– Ладно, попытаемся, – сказал капитан. И крикнул: – Все на мачты! Подымай паруса!

Матросы – двенадцать человек – по вантам полезли наверх. На палубе осталось только трое англичан – капитан, боцман и повар. Канаты заскрипели, паруса задвигались.

Новозеландцы, задрав головы, закричали. Матрос Рутерфорд, сидевший верхом на рее, глянул вниз и увидел множество злобных лиц. Нет, новозеландцы поняли план капитана Коффайна и не дадут «Агнессе» выйти в море.

Боцман по трапу спустился в кают-компанию. Капитан Коффайн один стоял перед Эмаи. Вождь новозеландцев, с ружьем за плечами, по-прежнему улыбался и по-прежнему вертел свой мэр у лица вождя чужеземцев. Повар был далеко, на корме, он считал свиней, привезенных новозеландцами на продажу.

В кают-компании боцман открыл ящик буфета, вынул из него десять больших пистолетов и разложил на столе. Сжав губы, он поочередно зарядил все пистолеты и, подняв полу своего камзола, завернул их в нее. И по трапу снова вышел на палубу.

Ta lai a avan-mastula, stopi, tiri un pistola e turan gro-krai:

"Wek fon hir, doga-ney mortika!"

Al sey kraisa Emaii-ney handa ek-tremi idyen. Grave mer lwo on kapa de kapitan Koffain. Kapitan, al rupti-ney kapa, lwo bli shefa-ney pedas.

Bosmen shuti pa avos rektem bifoo swa. Un yunge maori gwerjen graspi duza e lwo. Bosmen shwai pistola tra borda e kway tiri otre-la. Bat darba de mer trefi ta fon baken, e ta lwo, torsi-yen por tunga.

Kuker graspi un gro-sikin do kati swina e lopi fo helpi bosmen. Bat ta zwo sol kelke stepa e poy lwo morta-ney al kapa rasrupti-ney.

Dan islajenes en-klimbi uupar mastula-korda versu sinarma-ney maryuanes kel zai sidi on mastula. Maryuanes vidi ke resista es noposible. Kun foba li weiti kontrajenes kel zai klimbi uupar e uupar kun ajilitaa de maimun. Char maryuan do pyu yunge yash salti fon mastula yus inu akwa, trai swimi wek. Bat tote flotilia de pirogas en-goni afte li. Ga sun li es kapti-ney, tiri-ney aus akwa e ligi-ney.

Sit gwerjen pren hwan-har-ney Raterford fon mastula. Ta bu fai resista. Oni ligi ta-ney handas-pedas e pon on dek bli otre timyuan. Swinas eskapi-te aus barilok; li zai lopi kadalok on brig. Desnen Raterford maryuan

Остановившись у фок-мачты, он вынул один из пистолетов и закричал во всю глотку:

– Вон отсюда, собачья падаль! Вон!

При этом крике рука Эмаи едва заметно дрогнула. Тяжелый мэр рухнул на голову капитана Коффайна. Капитан с проломленным черепом повалился к ногам вождя.

Боцман выстрелил наудачу прямо перед собой. Молодой новозеландский воин схватился руками за живот и упал. Боцман швырнул пистолет за борт и выхватил другой. Но удар мэра обрушился на него сзади, и он упал, корчась от боли.

Повар схватил огромный нож, которым он резал свиней, и побежал на помощь боцману. Но не успел он сделать и двух шагов, как упал мертвым с разбитой головой.

Тогда новозеландцы полезли по вантам к безоружным матросам, которые сидели на мачтах. Матросы видели, что сопротивление невозможно и в страхе поджидали врагов, которые с легкостью обезьян лезли все выше и выше. Четверо моряков помоложе прыгнули с мачт прямо в воду и попытались уплыть. Но за ними погналась целая флотилия пирог, и в одну минуту они были пойманы, вытащены из воды и связаны.

Желтоволосого Рутерфорда сняли с мачты шестеро воинов. Он не сопротивлялся. Его связали по рукам и ногам и положили на палубу рядом с товарищами. Свиньи вырвались из загородки и бегали по всему бригу. Справа от Рутерфорда лежал матрос Джек Маллон, восемнадцатилетний мальчик, и плакал, стуча

Jek Mallon to shi-ot-yar-ney boy zai lagi al plaki e al tuki bay denta. Leften Raterford wundi-ney bosmen zai torsi in premorta-ney tormenta.

Fas-kontra-fas batala

Nau "Agnesa" es fulem in handas de maoris. Oli tresor de blan jenta – oli banduk, acha, shapa, sikin, bartan, jaka, glas, pipa, shu, gro-kapra de parus – oli sey nokontibile richitaa mus bikam posesa de jiter.

Bat way jiter zai deri? Way, inplas tuy desendi nich a kabinas e rupti sunduk, li zai gurti konfusi-nem bli swate kwadra-ney luku?

Kausa es ke maoris haishi nulves gwo bi inen ship. Den dek, li jan it muy hao. Bat nulwan jan kwel danjas fa-ahfi dar, in sey tume misteriaful glubitaa, sirkumbari-ney bay grose balka. Ob oni mog sinpuna-nem desendi inu habitilok de blan jenta, iven si li oli zai lagi on dek ligi-ney e sinmahta-ney? Gwerjen hesiti-shem zai stan sirkum luku e kan-kan li-ney shefa Emaii.

Feng zai muvi pluma on kapa de shefa. Ta lai a luku ga blisem e kan nich duran longtaim. Poy ta lentem en-desendi sulam. Suy bunte pluma desapari nichen, in tumitaa. Gwerjenes deri spira al weiti kwo eventi.

In beginsa Emaii desendi aika kuraja-nem. Bat wen

зубами. Слева корчился в предсмертных мучениях раненый боцман..

Поединок

«Агнесса» была в руках новозеландцев. Все сокровища белых – ружья, топоры, шляпы, ножи, кастрюли, куртки, стекла, курительные трубки, башмаки, огромные полотнища парусов, – все эти неисчислимые богатства должны достаться победителям.

Но отчего победители медлят? Отчего, вместо того чтобы спуститься вниз, в каюты, и скорее громить сундуки, они в замешательстве толпятся вокруг черной квадратной дыры люка?

Дело в том, что новозеландцы никогда еще не были внутри судна. Палубу они знали вдоль и поперек, но кто может сказать, какие опасности прячутся там, в этой темноватой, таинственной глубине, огороженной со всех сторон толстыми бревнами. Можно ли безнаказанно спуститься в жилище белых, даже если они сами лежат связанные и беспомощные на палубе? Воины в нерешительности стояли вокруг люка и поглядывали на своего вождя Эмаи.

Ветер шевелил перья на голове вождя. Он подошел к самому люку и долго смотрел вниз. Потом стал медленно спускаться по трапу. Его пестрые перья исчезли внизу, в темноте. Воины затаили дыхание, поджидая, что будет.

Эмаи спускался сначала довольно храбро. Но, когда трап

sulam turni e uuparen-luma desapari, ta en-sta nokalme. Skriking de gradina sub peda alarmi ta. Ta begin fai gro-stepa, misstepi, lwo e glidi on bey til fin de sulam. Ta en-vidi syao ronde winda kel brili. On tabla kuprum-ney ketla zai glan. Emaii es in ofser-shamba.

Al lwo ta ushibi, bat ta abyasi bu atenti ushiba. Ajilem ta en-stan pa salta e kun chauka lai a tabla. Suy okos haishi zai adapti a haf-luma. Trai-yen superi alarma, ta examini tabla. Bli ketla zai lagi un gran kuki-sikin. Emaii en-joi, pren it e sovi it a kamar.

Poy ta turni bak. E tuy ek-krai-ki.

In angula ye un jen.

Bu blan jen, non. Si to wud bi blan jen, Emaii wud trai kili ta tuy. To es maori. Emaii klarem vidi tatu on ta-ney sina e galsa. Baken plechas ye banduk, pa kamar ye sikin, in handa ye mer. Toy jen zai kan Emaii gro-atenta-nem.

Emaii un-nem dumi ke es koy gwerjen kel he desendi baken ta. Bat poy ta merki bunte pluma on kapa de gwerjen. Sol shefa raiti porti pluma. Hu hi sey enigma-ney shefa es?

Emaii fai un stepa versu bukoniwan. Bukoniwan fai un stepa versu Emaii. Emaii diki denta. Bukoniwan toshi diki denta. Emaii grauli, bat bukoniwan fai nul suon.

повернул и свет над его головой исчез, ему стало не по себе. Скрип ступеней под ногами тревожил его. Он стал делать большие шаги, оступился, упал и на спине съехал до самого конца трапа. Перед ним сверкало маленькое круглое окошко. На столе тускло блестел медный чайник. Эмаи был в кают-компании.

Падая, он сильно ушибся, но он привык не обращать на ушибы никакого внимания. С легкостью вскочил он на ноги и осторожно подошел к столу. Глаза его все еще не могли привыкнуть к полумраку. С трудом преодолевая тревогу, он осмотрел стол. Возле чайника лежал большой столовый нож. Эмаи обрадовался, схватил его и сунул за пояс.

Потом обернулся. И тихо вскрикнул.

В углу стоял человек.

Не белый, нет. Если бы это был белый, Эмаи попытался бы сразу убить его. Это был новозеландец. Эмаи ясно видел татуировку у него на груди и на шее. За плечами его висело ружье, за поясом блестел нож, а в руке он держал мэр. И не отрываясь смотрел на Эмаи.

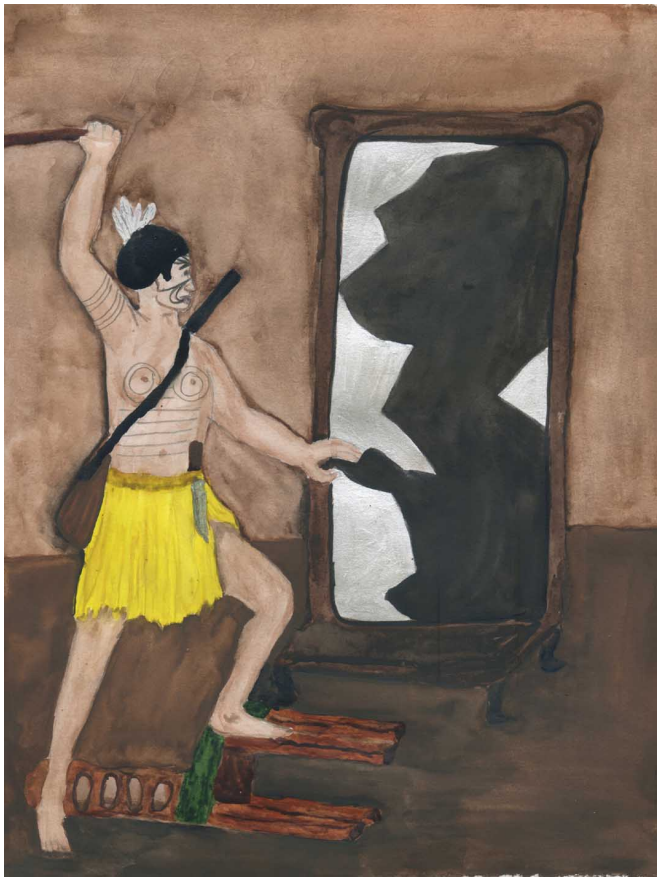
Эмаи подумал было, что это какой-то воин спустился за ним вниз. Но сразу же заметил пестрые перья на голове воина. Только вождь имеет право носить перья. Кто же этот загадочный вождь?

Эмаи сделал шаг навстречу незнакомцу. Незнакомец сделал шаг навстречу Эмаи. Эмаи оскалил зубы. И незнакомец тоже оскалил зубы. Эмаи зарычал, но незнакомец не произнес ни звука. Эмаи, одним прыжком перелетев всю комнату, кинулся

Emaii fa-lansi a bukoniwan e bay un salta traflai shamba. Bukoniwan lansi swa a Emaii al fai yus same salta. Li stopi un kontra otre, nos kontra nos, e kan mutu-ney okos kun dushte alarma.

Emaii senti swa kwasi in kaptika. Way bukoniwan repeti oli suy muva? Emaii en-yao fini oli foba tuy. Ta lifti mer. Bat mer de bukoniwan fa-lifti pa same taim. Fobi-yen ke bukoniwan mog darbi pa un-ney, Emaii gro-kway mah-lwo mer on ta-ney kapa. Ye gluhisi-she baja, e peses de rupti-ney mira pluvi on fobisi-ney shefa.

Emaii salti-flai uupar sulam a dek.



к незнакомцу. Незнакомец кинулся к Эмаи, сделав совершенно такой же прыжок. Они остановились друг против друга, нос к носу, одинаковые, и со злобной тревогой смотрели друг другу в глаза.

Эмаи чувствовал себя в западне. Зачем незнакомец повторяет все его движения? Эмаи захотел покончить со всеми своими страхами разом. Он поднял мэр. Но мэр незнакомца поднялся в то же мгновение. Боясь, как бы незнакомец не опередил его, Эмаи стремительно опустил мэр ему на голову. Раздался оглушительный звон, и осколки разбитого зеркала посыпались на испуганного вождя.

Эмаи взлетел по трапу на палубу.

In plen

Gwerjen sun fa-tedi por weiti shefa. Li bu pyu kan-kan misteria-ney luku, li begin shuki koysa fo profiti on dek. Ti bosmen lasi raslwo na pistola tuy es pren-ney. Li bu osi beshuki plenjen bikos plenjen es shefa-ney shikar. Also li mog profiti sol bay naga, korda e parus. Kun gro-kushalitaa bay ston-acha li zai tiri gro-naga aus dek-ney planka. Afte kelke minuta ol dek es destrukti-ney, planka es tori-ney wek, swate dun gapi kadalok, e maoris mah-lwo stoka de naga inu li-ney

В плену

Воинам скоро надоело поджидать своего вождя. Не заглядывая больше в таинственный люк, они принялись разыскивать, нельзя ли чем-нибудь поживиться на палубе. Пистолеты, разбросанные боцманом, были мигом подобраны. Так как обыскивать пленников они не смели: пленники – добыча вождя, им для поживы оставались только гвозди, канаты и паруса. С какой ловкостью вытаскивали они каменными топориками огромные гвозди из палубных досок! В несколько минут вся палуба была разворочена, доски оторваны, всюду зияли черные дыры, и новозеландцы сбрасывали гвозди

piroga. Klimbi-yen pa mastula e rea, li kadalok kati korda. Sey korda sembli gro-valorful a li. Li bu janmog destavi parus, also li sol austori parus-peses. Restas de parus kaosem trepi e fa-lansi segun feng. Elegante jamila-brig bikam no-ordinnik.

"Nu zai floti!" ti lagi bli Raterford na Jek Mallon turan shwo e stopi plaki fo un minuta.

Raterford bu mog vidi akwa, bat bay senta de anubav-ney marjen ta samaji ke brig zai muvi. Ta torsi okos fo kan sahil, e shulin-ney loping konfirmi ke li zai muvi al gro-kwaytaa.

"Savajas yao-te chori anka-korda e he kati it," ta shwo. "Afte shi sekunda nu imbati kontra roka e olo fini.

Jek Mallon en-plaki snova, yoshi pyu lautem.

"Basta plaki, boy!" Raterford fai kraisa a ta. "Yu gai joi, bu plaki, ke nu sal bi rasrupti-ney. Oda yu yao ke oni dedermisi yu jivi-she?"

Yedoh brig bu rupti kontra roka. It-ney kilya imbati kontra chyenlok, dek inklini, ship stopi. Raterford-ney pedas fa-uupar, kapa fa-nich. Hema aflui a kapa, in aures en-baji. Ta-ney duma fa-tangli, rude rondas en-floti bifoo okos. Kwasi tra somna ta audi kraisa de wundi-ney bosmen kel lagi bli.

E maoris, li haishi bu osi desendi inu ship. Dek es yo

целыми сотнями в свои пироги. Лазая по мачтам и реям, они всюду, где могли, срезали канаты. Эти канаты казались им большой драгоценностью. Снять паруса они не умели и только вырывали из них куски. Клочья парусов в беспорядке метались и бились по ветру. Стройный красавец бриг превратился в неряху.

– Мы плывем! – вдруг сказал Джек Маллон, лежавший рядом с Рутерфордом, и на минуту перестал плакать.

Рутерфорд не видел воды, но чутьем опытного моряка понял, что бриг движется. Он скосил сколько мог глаза, и бег леса на берегу окончательно убедил его, что они несутся с огромной скоростью.

– Дикари хотели украсть якорные канаты и перерубили их, – сказал он. – Через десять секунд нас разобьет о скалы и все кончится.

Джек Маллон снова заплакал, еще громче прежнего.

– Не хнычь, мальчишка! – прикрикнул на него Рутерфорд. – Ты должен радоваться, что нас сейчас разобьет, а не плакать. Или ты хочешь, чтобы с тебя живьем содрали шкуру?

Но бриг не разбился о скалы. Киль его врезался в мель, палуба наклонилась, и он остановился. Ноги Рутерфорда поднялись, кровь прилила к слишком низко опущенной голове, зазвенело в ушах. Мысли его спутались, перед глазами поплыли красные круги. Как сквозь сон, он слышал крики раненого боцмана, лежавшего рядом с ним.

А новозеландцы все еще не решались спуститься внутрь судна.

ruini-ney, ye nixa fo raubi pyu. Por to li fa-vexi e ataki swa-ney hi swinas ke li bringi-te fo vendi. Hir e dar li en-sidi on swina bey e rupti suy kapa bay mer. Mucho swina, al trai salvi swa, salti inu akwa e swimi. Maoris swimi-yen goni li, ateni, en-sidi on bey e kili. On akwa sirkum ship en-ye gadle rude spota. Den swina-ney lash oni lodi inu piroga.

Duran to Emaii kalmifi yo afte suy fas-kontra-fas batala kun mira. Ta snova komandi. Ta desidi ke treba zun swa-ney prope shikar to plenjen. Kun helpa de dwa gwerjen ta lifti e mah-sidi oli plenjen, mah-apogi-yen li kontra mastula. Ta bu tachi sol wundi-ney bosmen kel lagi for al krai lautem.

Raterford rikonsi. Ta vidi rude aksham-ney surya e samaji ke ta he lagi sin konsa aika longem. Destrukti-ney dek es kovri-ney bay swina-hema. Emaii zai beshuki e deklaidi plenjen. To bu es fasile, bikos bifoo deklaidi treba deligi kada plenjen. Emaii deligi li po un jen, por chauka. Ta yoksuni li de sikin, pipa, tabakdan, mani. Ta depon shus, jaka e shapa fon kadawan, lyu-yen sol panta, poy riligi plenjen e go a otre-la.

Al lai a Raterford, Emaii stopi. Es ya giganta! Kun admira ta palpi twerdifi-ney handas de Raterford, poy klapi-klapi suy masbute balji-she sina bay pama. Poy ta deligi ta e komandi bay signa tu en-stan. Reveli ke Raterford es pyu gao kem shefa, pa tote kapa. E Emaii es ya pyu gran kem eni suy gwerjen. Wen Raterford snova en-sidi, Emaii depon shapa fon ta e kun astona

Палуба была опустошена, и они, раздосадованные тем, что грабить больше нечего, кинулись на своих же собственных свиней, которых привели продавать. Они садились свиньям на спины и разбивали им головы мэрами. Многие свиньи, спасаясь от преследования, бросились в воду и поплыли. Новозеландцы кинулись за ними вплавь, догнали, сели верхом и убили. На воде вокруг судна появились мутно-красные пятна. Туши свиней сваливали в пироги.

Между тем Эмаи успел успокоиться после своего поединка с зеркалом. Он снова всем распоряжался. Он решил, что пора заняться своей собственной добычей – пленниками. С помощью двух воинов он всех их поднял и посадил, прислонив к мачтам. Он не тронул только раненого боцмана, который остался лежать, громко крича.

Рутерфорд очнулся. Он увидел вечернее красное солнце, низко плывущее над холмами, и понял, что пролежал без сознания довольно долго. Развороченная палуба была залита кровью свиней. Эмаи обыскивал и раздевал пленников. Это было не так просто, потому что каждого, прежде чем раздеть, приходилось развязать. Эмаи развязывал каждого поодиночке – из осторожности, – отнимал нож, трубку, кисет, деньги. Потом, сняв с пленника башмаки, куртку, шляпу и оставив ему одни штаны, связывал его и переходил к другому.

Подойдя к Рутерфорду, Эмаи остановился. Какой великан! Он восхищенно щупал огрубелые руки Рутерфорда. Затем похлопал его ладонью по выпуклой крепкой груди. Потом, развязав, знаком велел ему встать. Рутерфорд оказался на целую голову выше вождя. А ведь Эмаи был крупнее всех своих воинов. Когда Рутерфорд снова сел, Эмаи снял с него шляпу и

examini suy har. Oli maori es swate-har-ney. Klare, agnilik kolor de Raterford-ney har mah shefa admiri iven pyu kem suy giganta-ney gaotaa. Longem ta myati plenjen-ney har bay finga, kwasi trai-yen samaji, aus kwo it es zwo-ney.

принялся удивленно разглядывать его волосы. Все новозеландцы черноволосы, и светлый, огненный цвет волос Рутерфорда поразил и восхитил вождя еще больше, чем его исполинский рост. Он долго мял пальцами волосы пленника, как бы пытаясь понять, из чего они сделаны.

Wen oli plenjen es deklaidi-ney e riligi-ney, Emaii komandi tu porti li a piroga. Oni shwai blan jen nich rek fon dek, kwasi naga o korda. Remer in piroga kapti li al flaisa e pon li bli swina-lash. Lash de kapitan e lash de kuker es shwai-ney e pon-ney pa hunta kun jivi-she jen. Bli Raterford zai lagi wundi-ney bosmen. Pa fin ta stopi krai e sol gemi-ki.

Когда пленники были раздеты и вновь связаны, Эмаи приказал отнести их на пироги. Белых кидали вниз прямо с палубы, словно гвозди и связки канатов. Гребцы, сидевшие в пирогах, ловили их на руки и клали рядом со свиными тушами. Трупы капитана и повара были брошены вместе с живыми. Рядом с Рутерфордом лежал раненый боцман. Он наконец перестал кричать и только тихо стонал.

Nocha in ipu

Por ke brig lusi-te anka, feng mah-te it floti yus a muh de riva Temsa. It fa-bloki on chyenlok sol pa charfenka de milya fon sahil. Also pirogas ateni sahil aika kway.

Afte landi, maoris deligi plenjen-ney pedas e mah li go aus pirogas. Povre bosmen stopi-te gemi – ta morti-te. Kun kuyda maoris pon tri jen-lash on herba. Aus tim de "Agnesa" sol maryuan - shi-dwa jen – resti jivi.

Ночь в и-пу

Бриг, потеряв якоря, был отнесен ветром к самому устью реки Темзы. Он сел на мель в какой-нибудь четверти мили от берега. Поэтому пирогам пришлось плыть недолго.

Пристав к берегу, новозеландцы развязали пленникам ноги и вывели из пирог. Несчастный боцман перестал стонать. Мученья его кончились – он умер. Новозеландцы бережно положили на траву три трупа. Из экипажа «Агнессы» остались в живых только матросы – двенадцать человек.

Oni dukti plenjen, sirkumi-ney bay menga de gwerjen, inu shulin. Avanen oni zai porti lash de kapitan, kuker e bosmen. Tange shulin-ney daokin oltaim go uupar. Surya lwo. Chaure pina-brancha e giganta-ney farna zai shirmi skay. Pa norda-ney isla de Nyu-Siland tumitaa lai hampi momenta-nem. Fa-tume. Daokin es muy tange, e dasta majbur fa-stiri inu longe banda. Plenjen bu vidi mutu pyu, e li-ney foba yoshi fa-pyu. Kadawan dumi-dumi ke oli suy ko-jen es yo kili-ney e ke ta resti sole miden savajas. Also fon taim a taim marjen fai mutu-voking:

"Hey, Jon Wotson, ob yu haishi jivi?"

"Jivi, Smit, me jivi! Wo es Raterford? Me longtaim bu audi suy vos."

"Me es avanen!" Raterford-ney mahtaful braisa lai fon dalem.

Maoris zai go silensa-nem e bu atenti sey mutu-voking. Daokin bikam oltaim pyu krute. Pa fin, afte haf-ora afte landing, grupa ateni plate sima de kolina. Kontra staraful skay oni vidi denta de gao stakatot. To es ipu to maori-ney fortesa.

Oni dukti plenjen inu fortesa tra tange geit. Menga de gina e kinda miti lai-sha.

"Airmaree! Airmaree!" li krai.

Пленников, окруженных толпой воинов, повели в лес. Впереди несли трупы капитана, повара и боцмана. Узкая лесная тропинка шла все время в гору. Солнце зашло. Широкие ветви сосен и исполинские папоротники заслоняли небо. Темнота на Северном острове Новой Зеландии наступает почти мгновенно. Стемнело. Тропинка была очень узкая, и отряду пришлось растянуться длинной лентой. Пленники потеряли друг друга из виду, и страх их еще усилился. Каждому ежеминутно приходило в голову, что товарищи его уже убиты и что он остался один среди дикарей. И время от времени матросы перекликались:

– Эй, Джон Уотсон, ты жив?

– Жив, Смит, жив! А где Рутерфорд? Я давно не слышу его голоса.

– Я впе-ре-ди! – донесся издали могучий рев Рутерфорда.

Новозеландцы шли молча и не обращали на перекличку никакого внимания. Тропинка становилась все круче и круче. Наконец через полчаса после прибытия на берег отряд достиг плоской вершины холма. В звездном небе вырисовывались зубцы высокого бревенчатого частокола. Это была и-пу – крепость новозеландцев.

Пленников провели внутрь крепости через узкие ворота. Новоприбывших встретила толпа женщин и детей.

– Айр-маре! Айр-маре! – кричали они.

Se maini "namastee" pa maori.

Inen stakatot ye sirke dwashi slama-huta. Kelke agni zai jal inter huta, sirkum li zai sidi da nude kinda e magre doga. Kun dushte wauking oli doga fa-lansi a plenjen, trai-yen kusi li-ney gamba. Apena maoris rasgoni doga, al krai e al swingi stik.

Oni dukti plenjen a chaure maidan baken vilaja. Miden maidan ye kelke pina. Oni ligi marjen bay korda a sey pina, po un jen a kada pina.

Poy gwerjen go wek, lyu-yen sol dwa gardi-sha kel tuy zwo un agni, en-sidi on arda e en-chabi koysa. Pyu gardi-sha bu treba bikos plenjen es ligi-ney a baum tanto fortem ke li bu mog muvi ni gamba ni bracha.

Vilaja en-silensi. Yedoh, kelke ves duran un-ney haf de nocha silensa gei disturbi bay animi-ney grupa-ki de gwerjen kel returni fon kapti-ney brig. Li porti sak kun bartan e klaida. Muchos hev banduk baken plechas. Raterford

Это означало по-новозеландски «здравствуйте».

За частоколом находилось два десятка соломенных хижин. Вокруг костров, горевших между хижинами, сидели голые ребятишки и тощие собаки. Собак в деревне было множество. Они со злобным лаем кинулись к пленникам, пытаясь укусить их за ноги. Новозеландцы с трудом отогнали псов, крича на них и размахивая палками.

Пленников вывели на широкую площадь, расположенную за деревней. Посреди площади росло несколько сосен. Моряков прикрутили канатами к этим соснам, по одному к каждой сосне.

Затем воины удалились, оставив возле пленников только двух сторожей, которые тотчас же развели костер, сели на землю и принялись что-то жевать. Больше стражи и не требовалось, потому что пленники так крепко были привязаны к деревьям, что не могли шевельнуть ни ногой, ни рукой.

В деревне все смолкло. Впрочем, в первую половину ночи тишина несколько раз нарушалась оживленными кучками воинов, возвращавшихся с захваченного брига. Они тащили на себе тюки с посудой и одеждой. У многих за плечами были ружья. Из этого Рутерфорд заключил, что новозеландцы уже проломали

konklusi ke maoris yo he rupti dek e geti inu ship.

Sertem, plenjen bu somni ol nocha. Bat nulwan shwo, bikos korda zai tungisi gro, bikos dashat por pasi-ney dey es gro, bikos foba om futur es gro. Sol wen maiste parta de nocha yo pasi, marjen Wotson shwo kyetem:

"Kan ba, agni-luma!"

Raterford lifti kapa e vidi ke baken stakatot, baken shulin ye agni-luma in skay.

"Kwo zai jal?" Jek Mallon kwesti.

"Shulin, shayad," koywan jawabi.

"Non, bu shulin," Raterford shwo. "Pa toy taraf es baya, mar."

"Kwo hi jal, si bu shulin?" Jon Wotson kwesti.

"Nuy "Agnesa" jal," Raterford shwo glumem.

E tuy ye gluhisi-she guruha. Mil-vos-ney monta-eho jawabi bay longe shum. Pina-sima ek-swingi. Dogas en-wuli pa alarma, somnaful maoris lopi aus huta.

"Nuy barut-depo he explosi!" Raterford exklami. "Barut he explosi e sertem rasrupti brig inu mil pes. Nuy "Agnesa" nau yok!"

палубу и забрались внутрь судна.

Пленники, конечно, не спали всю ночь. Но веревки так больно врезались в тело, ужасы минувшего дня так утомили их, страх за будущее был так велик, что никто не говорил ни слова. И только когда прошла уже большая часть ночи, матрос Уотсон тихо сказал:

– Глядите, зарево.

Рутерфорд поднял голову и увидел, что за частоколом, за лесом, в небе стоит зарево.

– Что это горит? – спросил Джек Маллон.

– Лес, должно быть, – ответил кто-то.

– Нет, не лес, – сказал Рутерфорд. – В той стороне бухта, море.

– А что ж, по-твоему, если не лес? – спросил Джон Уотсон.

– Это горит наша «Агнесса», – угрюмо проговорил Рутерфорд.

И тотчас же раздался оглушительный грохот. Тысячеголосое эхо гор ответило ему протяжным гулом. Вершины сосен качнулись. Собаки тревожно завыли, и сонные новозеландцы выскочили из своих хижин.

– Это взорвался наш пороховой склад! – воскликнул Рутерфорд. – Порох взорвался на бриге и, конечно, разнес его вдребезги! Нашей «Агнессы» больше не существует!

Tak pasi sey sinfin-ney, duhaful nocha. Agni-luma fa-syao tuy afte explosa bat totem fa-yok sol al suryachu.

Kila

Afte ke surya fa-uupar sobre shulin, ol vilaja jami sirkum plenjen. Emaii bay swa-ney handas deligi li fon pinas. Gro-fatigi-ney marjen bu mog stan on gambas e lwo. Bat li es lifti-ney, trani-ney a sinbaum-loko e mah-sidi-ney bli mutu miden dense herba. Emaii en-stan on ston e krai koysa. Dan oli gina e kinda go wek. Sol gwerjen resti, li es sirke dwasto jen. Li en-sidi on herba pa gran sirkula. Emaii go a mida de sirkula. Ta gei akompani bay pet laojen. Li-ney kapa es toshi orni-ney bay pluma, obwol bu tanto densem kom kapa de Emaii. Li es vilaja-ney laoyuan, subshefas de tribu. E sobreshefa es Emaii.

Shefas begin fai longe bashan. Plenjen bu samaji nul worda, yedoh li samaji ke li-ney kisma gei desidi. Li zai shwo adyoo a jiva. Jek Mallon snova zai plaki kyetem, al kovri fas bay handas.

In beginsa gwerjen audi shefas pa fule silensa. Bat shao-po-shao muchos begin krai, disputi-yen koysa. Kelke gwerjen iven en-stan fon suy plasa e lopi a mida de sirkula. Bat Emaii fai ugrosi-she kansa a li, e li en-silensi. Shefas toshi gro-disputi inter mutu, al hampi batali. Den un tro kraishil shefa Emaii iven mah-wek fon asembla. Sey asembla duri sirke un-e-haf ora. It

Так прошла эта бесконечная, мучительная ночь. Зарево стало уменьшаться сразу после взрыва, но исчезло совсем только с восходом солнца.

Убийство

Когда солнце поднялось над лесом, вокруг пленников собралась вся деревня. Эмаи собственноручно отвязал их от сосен. Утомленные моряки не в состоянии были держаться на ногах и упали. Но их подняли, выволокли на поляну и усадили рядком в густой траве. Эмаи встал на камень и что-то закричал. Тогда все женщины и дети ушли. Остались только воины – человек двести. Они уселись в траве широким кругом. На середину круга вышел Эмаи в сопровождении пяти каких-то стариков. Их головы были тоже украшены перьями, но не так густо, как голова Эмаи. Это были старейшины деревни, младшие вожди, подчиненные верховному вождю племени. А верховным вождем был Эмаи.

Вожди стали произносить длинные речи. Пленники не понимали ни слова, но знали, что решается их участь. Они прощались с жизнью. Джек Маллон опять тихо плакал, закрыв лицо руками.

Воины сначала слушали своих вождей в полном молчании. Но мало-помалу многие из них стали кричать, о чем-то споря. Некоторые даже повскакали со своих мест и выбежали на середину круга. Но Эмаи угрожающе обвел их взором, и они стихли. Вожди тоже ожесточенно спорили между собой и чуть не дрались. Одного особенно крикливого вождя Эмаи даже выгнал с собрания. Заседание это продолжалось часа полтора.

fini bay longe Emaii-ney bashan, duran kel oli silensi. Kisma de plenjen es desidi-ney.

Окончилось оно длинной речью Эмаи, во время которой все стихло. Судьба пленников была решена.

Oni dukti marjen a mida de sirkula e mah-stan pa fila. Kadawan gei teni bay dwa masbute gayar, obwol plenjen bu probi fugi. Emaii lai a un-ney marjen in fila e darbi ta bay mer. Marjen lwo morta-ney. Trupa wuli pa extas.

Матросов вывели на середину круга и поставили в ряд. Каждого из них держали двое дюжих молодцов, хотя пленники и не пытались бежать. Эмаи подошел к самому крайнему из матросов и ударил мэром по голове. Матрос упал мертвым. Толпа восторженно взвыла.

Emaii lentem go along fila. Ta bu tachi dwa-ney plenjen bat kili tri-ney. Ta go pas char-ney bat kili pet-ney. Tak ta kili oli plenjen do nopare numer, lyu-yen las do pare-la. Al kada darba de ta-ney mer, trupa wuli pa joisa.

Эмаи медленно шел по ряду. Второго пленника он не тронул, но третьего убил. Пропустив четвертого, он убил пятого. Так убивал он всех нечетных, оставляя в живых четных. И при каждом взмахе его мэра толпа радостно выла.

Raterford zai stan nin-ney. Ta mus bi kili-ney. Ta zai klemi denta e mah-chu nul suon. E ti stan bli na Jek Mallon zai krai lautem, obwol ta es ot-ney e bu sal bi mortisi-ney.

Рутерфорд стоял девятым. Он должен был быть убит. Он сжал зубы и не проронил ни звука. А стоявший рядом с ним Джек Маллон громко кричал, хотя он был восьмым и казнь ему не угрожала.

Emaii kili sem-ney plenjen, go pas Mallon sin kan ta, e lai a Raterford. Raterford es pale bat fai silensa. Shefa yo lifti handa. Bat turan, kwasi remembi-yen koysa, ta nichisi handa lentem. Kun admira ta kan masbute sina e chaure plechas de marjen. Afte doni jiva a Raterford, ta kili shi-ney e shi-dwa-ney plenjen, turan swichi-yen fon nopares a pares.

Убив седьмого и не взглянув на Маллона, Эмаи подошел к Рутерфорду. Рутерфорд был бледен, но молчал. Вождь уже поднял руку. Но вдруг как будто что-то вспомнил. Рука его медленно повисла. Он с явным восхищением оглядел могучую грудь и широкие плечи моряка. Даровав ему жизнь, он убил десятого и двенадцатого, внезапно перейдя с нечетных номеров на четные.

Sit jen es kili-ney, sit jen resti jivi. Li nami: Raterford, Jek Mallon, Jon Wotson, Jon Smit, Jefferson e Tompson.

Шестеро было убито, шестеро осталось в живых. Их звали: Рутерфорд, Джек Маллон, Джон Уотсон, Джон Смит, Джефферсон и Томпсон.

Festachia

Den lash de kapitan, kuker, bosmen e de sit kili-ney marjen oni kati inu pes bay acha. Acha es stal-ney, Europa-ney, chori-ney fon "Agnesa". Duran ke kelkes kati mortijen, otres kavi miden feldakin den gran ronde yamas. Inu sey yamas oni pon suhbranchika e agnisi it. Sobre suhbranchika oni pon stones. Wen stones es nakali-ney, oni pon pes de jenmasu on li. Poy oni kovri yamas bay arda e en-weiti wen masu es peki-ney.

Gina e kinda snova hunti a gwerjen, li toshi yao partisipi in festachia. Yeroshi-ney laoginas e nude pet-yar-ney kindas zai kan-kan yamas hunga-nem, sin ahfi nosabra.

Raterford sta gro-mushkile. Ta muaki por nafra.

"Li lyu nu kom reserva," ta dumi. "Manya o aftemanya li chi nu toshi. Magari to eventi sun, oni bu mog toleri tal duha".

Dabe bu vidi nixa, ta en-lagi on herba, pon fas on arda e klosi okos. Suy ko-jen, sinforsa-ney por olo anubavi-ney, lwo in mushkile, nokalme somna. Raterford toshi sinki inu koy sinkonsitaa e malgree gro-shum lagi sin ofni okos duran kelke ora.

Ta rikonsi sol wen koywan pushi ta in flanka bay peda.

Пир

Трупы капитана, повара, боцмана и шестерых убитых матросов разрубили топорами на части. Топоры были стальные, европейские, украденные с «Агнессы». Пока одни рубили мертвецов, другие копали посреди поляны большие круглые ямы. В эти ямы набросали хворосту и зажгли его. Поверх хвороста наложили камней. Когда камни раскалились до того, что к ним нельзя было притронуться, на них положили куски человечьего мяса. Потом засыпали ямы землей и стали ждать, когда мясо испечется.

К воинам опять присоединились женщины и дети. Они тоже хотели принять участие в пиршестве. Растрепанные старухи и голые пятилетние мальчуганы с жадностью поглядывали на ямы, не скрывая своего нетерпения.

Рутерфорду было невыносимо тяжело. Его тошнило от отвращения.

«Мы оставлены про запас, – думал он. – Завтра или послезавтра и нас съедят. Поскорей бы, а то невозможно больше так мучиться!»

И, чтобы ничего не видеть, он лег на траву, уткнулся лицом в землю и закрыл глаза. Товарищи его, обессиленные всем пережитым, заснули тяжелым, беспокойным сном. Рутерфорд тоже погрузился в какое-то забытье и, несмотря на страшный шум, пролежал, не раскрывая глаз, несколько часов.

Очнулся он только тогда, когда его кто-то толкнул ногою в бок.

Suy ko-jen yo zai sidi on herba pa ronda. Raterford en-sidi bli li.

Festachia es fini-ney.

Emaii desidi, ke es taim fo mah-chi jivi-she plenjen. Segun komanda de shefa oni montoni bifoo marjen den rosti-ney fish (jenmasu gei opini kom gro-valor, also oni bu ofri it a plenjen). Bat festachia de jen-chier mah marjen lusi hunga, e li bu tachi fish. Li gro-yao pi. Un gwerjen bringi a li den akwa in kruga, zwo-ney aus holisi-ney nangwa. Afte ke marjen defai pyasa, oni komandi ke li en-stan, e oni dukti li versu hutas.

Al go along vilaja-gata, nau li vidi kwo li bu mog-te vidi yeri por tumitaa. Huta simili gran mifendom. Bifoo huta ye staka, on staka ye jen-kapal.

"Walaa kapa de blan jen!" Jek Mallon krai.

Oli turni e vidi un kapa do ga klare derma. Afte lai pyu blisem, li rekoni it. Es kapa de kapitan Koffain.

Товарищи его уже сидели кружком на траве. Рутерфорд сел рядом с ними.

Пир был окончен.

Эмаи решил, что пора накормить оставшихся в живых пленников. По приказу вождя перед матросами навалили гору жареной рыбы – человечье мясо считалось драгоценностью, и пленникам его не предложили. Но пир людоедов отбил у моряков желание есть, и к рыбе они не прикоснулись. Им очень хотелось пить. Какой-то воин принес им воды в кувшине, сделанном из выдолбленной тыквы. Когда моряки утолили жажду, им приказали встать и повели к хижинам.

Идя по деревенской улице, они теперь увидели то, чего не могли рассмотреть вчера вечером из-за темноты. Хижины были похожи на большие пчелиные ульи. Перед хижинами торчали колья, на кольях – человеческие черепа.

– Вон голова белого! – крикнул Джек Маллон.

Все обернулись и увидели голову с совсем светлой кожей. Подойдя ближе, они узнали ее. Это была голова капитана Коффайна.

Oni mah li zin un huta kel es plexi-ney aus slama e brancha. Dwar es tanto nise ke al zin marjen mus inklini hampi til arda. Winda yok, luma fa-inu sol tra gap-ki in mur. Ochak e fumtuba toshi yok, bikos maoris kuki fan sub skay. On arda-poda ye monton de senu godi-she fo somnilok. In senu lagi plenjen-ney jaka e kamisa ke oni pren-te fon li yo on ship. Se surprisi li.

Пленников ввели в хижину, сплетенную из соломы и веток. Дверь была так низка, что моряки, входя в нее, согнулись почти до земли. Окон не было, и свет проникал только через щели в стенах. Не было ни очага, ни дымохода, так как новозеландцы готовили пищу под открытым небом. На земляном полу лежала куча сена, из которого можно было сделать постели. В сене лежали куртки и рубашки пленников, отобранные еще на корабле. Это очень их удивило.

"Way li returni klaida a nu, si li yao kili nu manya?" Raterford kwesti.

– Зачем они вернули нам одежду, если хотят завтра убить нас и съесть? – спросил Рутерфорд.

"Me bu yao, bu yao morti!" Jek Mallon krai.

– Как я не хочу умирать! – крикнул Джек Маллон.

"Silensa, boy!" Raterford mah-stopi ta. "Bu nadi vanem. Manya dogas ve glodi nuy ostas."

– Молчи, мальчишка! – оборвал его Рутерфорд. – Не надейся по-пустому. Завтра псы будут глодать наши кости.

"Si oni bu kili nu manya," Jon Wotson shwo, "me fugi."

– Если завтра нас не убьют, – проговорил Джон Уотсон, – я удеру.

Marjen klaidi swa e en-lagi on senu. In huta bli dwar resti char maori, armisi-ney bay mer, lanza e acha. Sun fa-tume, poy fa-nocha. Raterford longtaim bu mog en-somni. Ob ye vaika syao nada de fa-salvi? Non, non, oni bu mog expekti rahimtaa.

Моряки оделись и разлеглись на сене. В хижине у входа остались четверо новозеландцев, вооруженных мэрами, копьями и топорами. Скоро начались сумерки, затем наступила ночь. Рутерфорд долго не мог заснуть. Неужели у них есть хотя бы слабая надежда спастись? Нет, нет, пощады ждать нельзя.

"Mama! Mama! Mama!" Jek Mallon zai plaki kyetem in angula.

– Мама! Мама! Мама! – тихо плакал в углу Джек Маллон.

"Povre boy!" Raterford dumi. "Ta he go inu mar pa un-ney ves. Mata zai weiti ta in Dublin. Ob ta toshi neva ve lai a dom?"

«Бедный мальчуган! – подумал Рутерфорд. – Он в первый раз вышел в море. Его ждет в Дублине мать. Неужели и он никогда не вернется домой?»

Eshu to docha de shefa

Wen Raterford en-jagi, surya yo lumi tra oli gap-ki in mur. Suy ko-jen zai sidi on senu e weiti kwo eventi for. Raterford en-stan kway. Ta he somni sufi-shem e snova senti swa freshe e forte. Ta lai a dwar, inklini e chu huta. Gardi-sha bu stopi ta.

Gro-surprisi-ney por to, oli otre plenjen toshi chu plenlok e stopi ausen bli dwar. Gardi-sha chu afte li, bat shwo nixa.

"Oni gardi nu bu tro striktem hir," Jon Wotson shwo al brila in swate okos. "Si tak hi es for, shayad nu ve pai fugi."

"Wo yu mog fugi?" Raterford kwesti. ""Agnesa" es jal-ney, nu es separi-ney fon ol munda."

"Me ve ahfi in shulin e weiti ke koy otre ship lai."

"Ship lai ahir un ves per shi yar," Raterford ek-smaili.

Maori-vilaja zai fai salam-ney jiva. Gwerjen zai somni sub shaisa, yedoh kun arma in handas. Sub staka kun jen-kapa gina zai mah-chi kinda e zai plexi gran basketa aus pruta. Al vidi plenjen li en-stan kway e begin examini li kun jigyas. Mucho gina smaili, e sey smaila sembli aika amigalik a Raterford. Un mata de gran familia, sirkumi-ney bay nude kinda, extendi a li

Дочь вождя Эшу

Когда Рутерфорд проснулся, солнечный свет бил уже во все щели хижины. Товарищи его сидели на сене и ждали, что будет дальше. Рутерфорд вскочил на ноги. Он выспался и чувствовал себя снова свежим и сильным. Подойдя к двери, он нагнулся и вышел из хижины. Сторожа его не задержали.

Чрезвычайно этим удивленные, все остальные пленники тоже покинули свою тюрьму и остановились на улице перед дверью. Воины, сторожившие их ночью, вышли вслед за ними, но ничего не сказали.

– Нас здесь не очень строго сторожат, – проговорил Джон Уотсон, блестя черными глазами. – Если так будет продолжаться, нам, пожалуй, удастся удрать.

– Куда же ты удерешь? – спросил Рутерфорд. – Ведь «Агнесса» сгорела, и мы оторваны от всего мира.

– Я спрячусь в лесу и буду дожидаться прихода какого-нибудь другого корабля.

– Корабли заходят сюда раз в десять лет, – усмехнулся Рутерфорд.

Новозеландская деревушка жила мирной жизнью. Воины спали на солнцепеке, не выпуская, впрочем, оружия из рук. Под кольями, на которых торчали отрубленные человеческие головы, женщины кормили детей и плели из прутьев большие корзины. Увидев пленников, они повскакали с мест и принялись с любопытством их разглядывать. Многие женщины улыбались, и улыбки эти показались Рутерфорду

den handa kun basketa wo ye kelke pes de rosti-ney masu.

Marjen fai gro-hunga, bat li bu tachi masu. Li haishi dumi ke es masu de ley kili-ney ko-jen. Toy gina, vidi-yen ke li bu chi masu, bringi fo li den basketa kun rosti-ney fish e peki-ney patata. Marjen en-chi fish kun patata, e ginas parti masu inter mutu.

Turan aus zuy gran huta chu Emaii, akompani-ney bay pet subshefa. Ti somni-ki sub surya na gwerjen tuy en-stan, e gina kun kinda go a taraf. Emaii komandi koysa, gwerjen sirkumi plenjen e graspi li-ney brachas. Plenjen es serte ke nau oni sal dukti li a feldakin e kili.

Bat inplas feldakin oni dukti li a stakatot e tra geit dukti li aus vilaja. Hir Emaii shwo adyoo a subshefas. Subshefas e maiste savaja returni a vilaja, e Emaii kun plenjen e charshi gwerjen go inu shulin. Li zai go versu lo inen de isla, oltaim pyu dalem fon mar. Kada marjen gei dukti bay dwa gwerjen kel teni suy brachas. Resta-ney gwerjen es lodi-ney bay kosas chori-ney fon "Agnesa". Li porti banduk, acha, furka, manta, kukipot, sak-ki kun kula e barut, marjen-klaida – ol shikar ke Emaii lyu fo swa selfa. Un maori porti sub arma den gran kitaba do rude kovra kun stampi-ney skribitura: "Ship-jurnal de tri-mastula-ney brig Agnesa do yar 1816".

Shulin-ney daokin nau krutem go uupar, nau lopi nich.

довольно приветливыми. Одна почтенная мать семейства, окруженная голыми ребятишками, протянула им корзинку, в которой лежало несколько кусков жареного мяса.

Моряки были очень голодны, но к мясу они не притронулись. Им все казалось, что это мясо их убитых товарищей. Женщина, увидев, что мяса они не едят, притащила им корзину, полную жареной рыбы и печеной картошки. Матросы принялись за рыбу и картошку, а женщины разделили между собой мясо.

Вдруг из самой большой хижины вышел Эмаи в сопровождении пяти младших вождей. Дремавшие на солнце воины сейчас же вскочили на ноги, а женщины и дети отошли в сторону. Эмаи что-то приказал, и воины, окружив пленников, схватили их за руки. Пленники уже были уверены, что их сейчас выведут на поляну и убьют.

Но вместо поляны их повели к частоколу и вывели через ворота из деревни. Тут Эмаи простился с младшими вождями. Младшие вожди и большинство дикарей вернулись в деревню, а Эмаи с пленниками и сорока воинами направился в лес. Они шли в глубь острова и все удалялись от берега моря. Каждого матроса вели под руки двое. Остальные воины были нагружены награбленным с «Агнессы» добром. Они несли ружья, топоры, вилки, одеяла, кастрюли, мешочки с пулями и порохом, матросскую одежду – всю добычу, которую Эмаи оставил лично себе. Один новозеландец тащил под мышкой огромную книгу в красном переплете, на которой была вытиснена надпись: «Судовой журнал трехмачтового брига „Агнесса“ за 1816 год».

Лесная тропинка то круто взбиралась вверх, то бежала вниз. Из

Nude grey roka ragi aus farna-densika. In baum-brancha storna do rude kresta zai gani, bunte papagay zai salti. Koylok dalem kuku fai ku-ku. Koyves sumpa bekresi-ney bay dense kana impedi dao. Maoris bu go sirkum sumpa, li go rek inu akwa. Koyves li fa-nich inu likwe kicha iven til plechas. Bat to bu disturbi li. Li sol ripon portiwat on kapa, dabe bu mokrisi it, e go for.

Afte sit ora de fatigi-she dao plenjen vidi un gran kolina, on kel-ney sima ye vilaja sirkumi-ney bay stakatot. Emaii dukti suy dasta rek a vilaja.

Lai-sha gei miti bay gwerjen-menga do sirke dwasto jen. Un laojen do grey har dukti li. Por pluma on kapa e por tatu on frenta oni tuy samaji ke ta es shefa.

"Airmaree, Emaii!" vilajer krai a lai-sha.

"Airmaree, Rengadi!" Emaii-ney ko-jen jawabi.

Grey-har-ney shefa de sey vilaja nami Rengadi. Ta es subshefa. Kom signa de fidelitaa versu suy sobreyuan Emaii, ta skrapi swa-ney fas, sina e brachas bay un agude ston-ki. Oli suy subyuan zwo samem, e sun hema guti fon oli. Emaii voki Rengadi a swa. Shefas froti a mutu nos bay nos. Wen saluting es fini-ney, oli zin vilaja.

Vilaja es ga same kom toy-la do un-ney nocha, sol idyen pyu gran. Gina e kinda zai ahfi in huta, li bu osi apari bifoo sobreshefa. Rengadi-ney gwerjen zai

зарослей папоротника торчали голые серые скалы. В ветвях пели скворцы с красными гребешками на головках, прыгали пестрые попугаи. Где-то вдали куковала кукушка. Путь им иногда преграждали болота, заросшие высоким тростником. Новозеландцы не обходили их, а лезли прямо в воду. Иногда они проваливались в тонкую грязь по самые плечи. Но это нисколько их не беспокоило. Они только перекладывали свою ношу на голову, чтобы не замочить ее, и шли дальше.

После шести часов утомительного пути пленники увидели большой холм, на вершине которого стояла деревня, обнесенная частоколом. Эмаи повел свой отряд прямо к деревне.

Новоприбывших встретила толпа воинов человек в двести. Их вел старик с седыми волосами. По перьям на голове и по татуировке на лбу сразу было видно, что это вождь.

– Айр-маре, Эмаи! – кричали пришельцам жители деревни.

– Айр-маре, Ренгади! – отвечали спутники Эмаи.

Седоволосого вождя этой деревни звали Ренгади. Он был младший вождь и в знак преданности своему владыке Эмаи расцарапал себе лицо, грудь и руки острым камешком. Все его подчиненные поступили так же, и скоро со всех текла кровь. Эмаи подозвал Ренгади к себе. Вожди потерлись друг о друга носами. Когда приветствия были окончены, все вошли в деревню.

Деревня была точь-в-точь такая же, как та, где пленники провели первую ночь, только немного больше. Женщины и дети прятались в хижинах, не решаясь показаться на глаза верховному вождю. Воины Ренгади с любопытством

examini plenjen kun jigyas. Kom oli habiter de inen-parta de isla, li bu gwo vidi Europa-jen bifooen. Sobreolo li fa-astoni por hwan har de Raterford. Li zai kan ta oltaim.

Oli gwerjen jami on feldakin baken huta. Plenjen en-tremi por foba al vidi gran ronde yamas in kel suhbranchika fa-fumi. In ga same yamas oni rosti-te kili-ney marjen, also li dumi ke li-ney tur nau lai.

Yedoh al sey ves yamas es tayari-ney fo swinas. Oni bringi kili-ney swinas, ras-haki li, pon inu yamas on garme ston e kovri bay arda. Wen swinamasu es peki-ney, oni auskavi it e festachia begin. Emaii komandi ke oni mah-chi plenjen toshi. Bat oni bu lasi marjen sidi kun gwerjen. Oni mah li sidi separi-nem, dar wo gulam chifan.

Gulam es gwerjen de otre tribu, pleni-ney al batala. Li en-chi masu gro-hunga-nem. Evidentem, oni mah-chi li bu tro satem.

Gina pa fin chu huta e go versu feldakin. Yedoh li haishi bu osi lai a chi-sha e stopi pa dwashi stepa fon li.

Sol un yungina, do shi-pet o shi-sit yar, kun gran basketa on kapa, stepi aus gina-menga e sinfoba-nem lai a Emaii. Sobreshefa turan smaili chaurem e en-stan fon arda.

разглядывали пленников. Они, как и все жители центральной части острова, никогда не видали европейцев. Особенно их поразили огненные волосы Рутерфорда. Они с него не спускали глаз.

Все войско собралось на поляне за хижинами. Пленники задрожали от страха, когда увидели большие круглые ямы, в которых дымился хворост. В таких самых ямах были изжарены убитые моряки, и они решили, что теперь настал их черед.

Но на этот раз ямы были приготовлены для свинины. Принесли убитых свиней, разрубили их, побросали в ямы на горячие камни и засыпали землей. Когда свинина изжарилась, ее вырыли и начался пир. Эмаи приказал угостить и пленников. Но матросам не разрешили есть вместе с воинами. Их посадили в стороне, там, где обедали рабы.

Рабы были воины других племен, взятые в плен на поле битвы. Они накинулись на мясо с необыкновенной жадностью. Очевидно, их не слишком сытно кормили.

Наконец женщины покинули хижины и вышли на поляну. Но подойти к пирующим они не решились и остановились шагах в двадцати от них.

Одна только девушка, лет пятнадцати-шестнадцати, с большой корзиной на голове, отделилась от толпы женщин и бесстрашно подошла к Эмаи. Верховный вождь племени вдруг улыбнулся во весь рот и встал с земли.

"Airmaree, Eshu!" ta krai.

– Айр-маре, Эшу! – крикнул он.

Yungina pon basketa on herba, e li froti a mutu nos bay nos longtaim.

Девушка поставила корзину на траву, и они долго терлись друг о друга носами.

"Hu es ela? Suy molya ku?" Jon Wotson kwesti.

– Кто она? Жена его, что ли? – спросил Джон Уотсон.

"Non, shayad docha," Raterford shwo. "Ob yu bu merki ke ela gro-simili ta? Same rekte nos, same tange labas..."

– Нет, верно, дочь, – сказал Рутерфорд. – Разве ты не видишь, как она на него похожа? Такой же прямой нос, такие же узкие губы...

Aften reveli ke Raterford-ney gesa es prave. Toy yungina es docha de Emaii, ela nami Eshu.

Как потом оказалось, догадка Рутерфорда была правильна. Девушка была дочерью Эмаи и звалась Эшу.

Ela pren aus basketa den handafula de rosti-ney farna-riza e dai a patra. Poy ela lai a kada gwerjen, un afte otre, e kadawan pai suy parta de riza fon ela. Emaii sekwi ela, al smaili dulem. Afte ugosti oli gwerjen, Eshu kan a taraf de plenjen, poy kwesti-shem kan patra. Emaii pren elay handa e dukti ela adar wo gulam chifan.

Она вынула из корзины пригоршню жареных корней папоротника и дала отцу. Затем обошла с корзиной всех воинов, и каждый получил свою долю корней. Эмаи шел за нею следом, ласково улыбаясь. Угостив всех воинов, Эшу посмотрела в сторону пленников и потом вопросительно взглянула на отца. Эмаи взял ее за руку и повел туда, где обедали рабы.

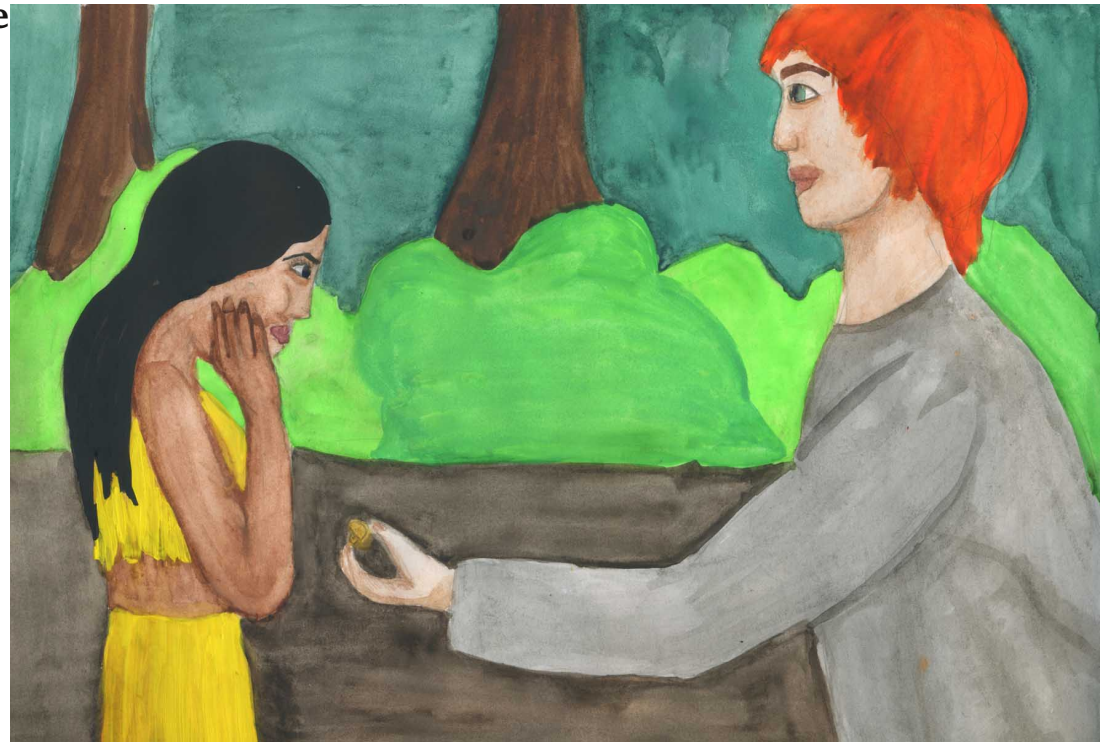
Ela lai a blan jen al okos gran por astona. Li-ney strane klaida, li-ney pale fas mah ela divi. Ela kan nau un wan, nau otre wan. Den Jon Wotson ela hampi bu merki – lu es bugao, tume-fas-ney, swate-oko-ney e simili maori. Bat al vidi Raterford ela hampi lasi lwo basketa fon handas – tanto gro ela fa-astoni por suy agnilik har.

Она подошла к белым с широко раскрытыми от удивления глазами. Их странная одежда, их бледные лица поразили ее. Она смотрела то на одного, то на другого. Джона Уотсона она почти не заметила – невысокий, смуглый, черноглазый, он был сам похож на новозеландца. Но, увидев Рутерфорда, она чуть не выронила корзину из рук – так поразили ее его огненные волосы.

Emaii komandi ke Raterford en-stan. Raterford obedi-

Эмаи приказал Рутерфорду встать. Рутерфорд послушно вытянулся во весь свой рост. Девушка поднялась на носки,

shem rektisi swa pa fule gaotaa. Yungina fa-lifti on pedafinga e tachi suy har kun admira. Poy ela merki brili-she kuprum-buton on jaka de Raterford. Ela es charmi-ney bay jamilitaa de sey buton.



Dan Raterford samaji kwo treba zwo. Ta tori un buton wek e kun poklona handi it a yungina. Wangaruda kway apari on tume fas de Eshu. Teni-yen pai-ney yuwelka in kulak-ki, ela danki-shem smaili a Raterford.

Emaii pri akta de plenjen. Sey ferose gwerjen es hao familiajen, ta lubi docha gro. Ta aprobi-shem klapi-klapi Raterford-ney plecha. Poy ta begin rasmi bay dikifinga koy strane e komplike rasma on suy chaure sina. Al zwo se ta expliki koysa a docha sagarmem.

Afte ugosti plenjen bay farna-riza, patra e docha go wek.

Festachia duri til suryalwo. Oni he rosti tanto mucho swinamasu por Emaii-ney ariva ke oni bu mog finchi it iven duran nocha. Den bu-finchi-ney masu oni

протянула руку и с восхищением коснулась его волос. Потом она заметила блестящие медные пуговицы на куртке Рутерфорда. Красота этих пуговиц ослепила ее.

И тут Рутерфорд догадался, что ему следует сделать. Он оторвал одну пуговицу и с поклоном передал девушке. На смуглых щеках Эшу вспыхнул румянец. Она сжала в кулачке полученную драгоценность и благодарно улыбнулась Рутерфорду.

Поступок пленника очень понравился Эмаи. Этот свирепый воин был добрым семьянином и очень любил свою дочь. Он ласково похлопал Рутерфорда по плечу. Потом стал чертить указательным пальцем на его широкой груди какие-то странные и сложные узоры. При этом он что-то с жаром объяснял дочери.

Угостив пленников корнями папоротника, отец и дочь удалились.

Пир продолжался до захода солнца. Свинины по случаю прибытия Эмаи было зажарено столько, что даже за ночь не могли съесть ее всю. Недоеденное мясо развесили на ветвях

raspendi on baum, dabe doga bu ateni it. Maoris kipi oli reserva sub skay, bikos tradision prohibi a li tu bringi fan inu huta.

Al haf-luma oni dukti plenjen fo somni. Oni mah li zin un huta kel ga simili toy-la do laste nocha. Sol al sey ves dwar es tanto nise ke oni mog zin-chu sol pa char pata. Snova char armisi-ney gwerjen pasi nocha kun li.

Afte extendi swa on senu, Raterford turan senti koysa twerde sub swa.

"Amigas!" ta krai al en-stan kway. "Kan! Li returni nuy sikin e tabakdan a nu!"

Sit sikin e sit tabakdan zai lagi on senu.

"Li stupida!" Jon Wotson krai al graspi suy sikin. "Bay sey sikin me ve pai libritaa!"

"Bu hasti, Jon," Raterford shwo. "Treba akti kun chauka e trai bu vexi li vanem. Nu bu mog fugi a nullok. Nu mog drimi sol om ke li lasi nu jivi."

In sey aksham pa un-ney ves plen-ney marjen en-hev feble nada.

деревьев, чтобы собаки не достали его. Новозеландцы держат все свои запасы под открытым небом, – обычай запрещает им вносить пищу в хижину.

В сумерках пленников повели спать. Их привели в хижину, такую же, как та, в которой они спали прошлую ночь. Только дверь на этот раз была так низка, что пролезть в нее можно было лишь на четвереньках. С ними опять ночевали четверо вооруженных воинов.

Растянувшись на сене, Рутерфорд вдруг почувствовал под собой что-то твердое.

– Друзья! – закричал он, вскочив. – Смотрите! Они вернули нам наши ножи и кисеты с табаком!

Шесть ножей и шесть кисетов лежали на сене.

– Дураки! – закричал Джон Уотсон, схватив свой нож. – Этим ножом я завоюю себе свободу.

– Не торопись, Джон, – сказал Рутерфорд. – Нужно действовать осторожно и стараться не раздражать их по-пустому. Бежать отсюда нам некуда. Мы можем мечтать только о том, чтобы они сохранили нам жизнь.

В этот вечер у пленных моряков впервые появилась слабая надежда.

Tortura

Sekwi-sabah bringi nove dusproba a li.

Al fa-dey oni mah li chu huta e kun shum trani li a feldakin. Ol vilaja zai kan. In trupa Raterford vidi Rengadi, Emaii e Eshu. Miden feldakin kelke rugi-ney laojen zai sidi. Bli kada laojen ye un holisi-ney nangwa kel es fule de koy swate likwa til borda. Laojen teni in handas mucho strane obyekta zwo-ney aus osta; un osta hev forma de sikin, otre-la - de dalta, tri-ney-la de sega, char-ney-la de shidla, pet-ney-la de acha-ki... Se olo gro-simili tortura-tul. Povre plenjen en-fobi. Ley foba fa-gro osobem wen Emaii komandi tu depon jaka e kamisa fon li. Poy oni graspi ley plecha e mah-lwo on herba. Kadawan gei teni bay pet o sit gwerjen, also li bu mog muvi.

Emaii lifti handa, e lao jadujen begin ley diabla-ney gunsa. Li makni agude osta inu swate likwa e kati derma on plenjen-ney sina e plecha. Fo farka-ney kata li yusi osta do farka-ney forma. Derma de marjen fa-kovri bay jatile rasma, kom tapis. Tatuer waipi flui-she hema bay pama, dabe vidi direksion de linia. Tunga es notoleribile. Akre swate likwa jal korpa kwasi nakali-ney fer. Wunda tuy puhlifi. Jek Mallon plaki. Smit, Jefferson e Tompson gemi lautem. Jon Wotson grauli por ira e trai kusi savajas kel teni ta. Sol Raterford silensi duran ol operasion. Suy denta es gro-klemi-ney, nul suon chu sina.

Пытка

Следующее утро принесло им новое испытание.

На рассвете их с шумом вывели из хижины и в сопровождении всей деревни потащили на поляну. В толпе Рутерфорд видел Ренгади, Эмаи и Эшу. Посреди поляны сидело несколько сморщенных стариков. Возле каждого из них стояла выдолбленная тыква, наполненная до краев какой-то черной жидкостью. В руках они держали множество странных предметов, выточенных из костей; одна кость имела форму ножа, другая – стамески, третья – пилы, четвертая – шила, пятая – топорика. Все это было очень похоже на орудия пытки. Несчастные пленники испугались. Страх их особенно усилился, когда Эмаи приказал снять с них куртки и рубахи. Затем их схватили за плечи и повалили на траву. Каждого из них держали пять или шесть воинов, так что они не могли пошевелиться.

Эмаи поднял руку, и старые колдуны приступили к своей дьявольской работе. Они мочили острые костяшки в черной жидкости и резали ими кожу на груди и плечах пленников. Для разных порезов они употребляли костяшки разной формы. Кожа матросов покрывалась сложнейшими узорами, словно ковер. Татуировщики стирали ладонями льющуюся кровь, чтобы она не мешала видеть направление линий. Боль была нестерпимая. Едкая черная жидкость жгла тело, как раскаленное железо. Раны сейчас же вспухали. Джек Маллон плакал. Смит, Джефферсон и Томпсон громко стонали. Джон Уотсон рычал от ярости и пытался укусить державших его дикарей. Один только Рутерфорд молчал во время всей операции. Зубы его были крепко стиснуты, и из груди не вырвалось ни звука.

Maoris respekti sol kuraja e sabra. Jen kel batali kuraja-nem, jen kel toleri sufra sin larma e gema – tal hi jen mah li admiri.

Oli gwerjen kel sirkumi plenjen, li es tatui-ney. Li jan ke tunga al tatuing es tanto gro ke sol vere hero mog toleri it sin krai. E fo li Raterford bikam un hero.

Un-e-haf ora pasi. Sina e plechas de kada marjen es yo kovri-ney bay dense neta de puhlifi-ney swate kata. Tatuer deklari ke gunsa es fini-ney, e waipi ley tul pa herba.

Yedoh un hero treba osobe tatu. Kem pyu eminente e fama-ney un maori es, tem pyu ta es tatui-ney. Emaii komandi, pa signa de osobe merita, tu tatui bey e flankas de Raterford.

Snova gro-tungisi-she tortura begin. Raterford-ney ko-jen ke nulwan tachi pyu, li zai sidi on herba e gemi kyetem, bikos ol korpa jal e tungi. Bat Raterford zai silensi, obwol piki-she sikin zai wundi suy bey. Ta silensi pa kontra a suy tormenter. Ta klemi denta e silensi. Ta desidi pruvi a sey jenta ke li bu mog mah ta krai.

Ol suy bey es yo kovri-ney bay rasma, bat ta haishi fai nul suon. Astoni-ney hamsa pasi tra filas de kan-sha. Kwel jen! E Emaii desidi fai yoshi pyu-ney honor a Raterford: ta komandi tatui suy wangas.

Новозеландцы уважали только смелость и терпение. Кто отважен в бою, кто без слез и стонов переносит страдания, вызывал их восхищение.

Все воины, окружавшие пленников, были татуированы. Они знали, что боль при татуировке так мучительна, что только настоящий герой способен перенести ее не крича. И в их глазах Рутерфорд стал героем.

Прошло полтора часа. Грудь и плечи каждого матроса были покрыты густой сетью припухших черных порезов. Татуировщики заявили, что работа кончена, и вытерли свои инструменты о траву.

Но герою полагается особая татуировка. Чем знаменитее и знатнее новозеландец, тем больше он татуирован. И Эмаи приказал в знак особого отличия татуировать Рутерфорду бока и спину.

Снова началась мучительная пытка. Товарищи Рутерфорда, которых уже никто не трогал, сидели на траве и тихо стонали, потому что все тело их горело и ныло. А Рутерфорд молчал, хотя ядовитые ножи вонзались в его спину. Он молчал назло своим мучителям. Он стиснул зубы и молчал. Он решил доказать этим людям, что они не в состоянии заставить его крикнуть.

Вся спина его тоже покрылась узорами, а он по-прежнему не произносил ни звука. Шепот удивления пронесся по рядам зрителей. Ну и человек! И Эмаи решил оказать Рутерфорду еще большую почесть – он приказал татуировать ему щеки.

Den gulam maoris bu tatui. A gwerjen oni tatui oda sina oda sina e bey. Emaii yao mah blan plenjen swa-ney gwerjen, por to hi ta he komandi tatui li. Den wangas oni tatui sol a osobem kuraja-ney gwerjen. Den frenta oni tatui sol a shefa.

Рабов новозеландцы не татуировали. Воинам татуировали грудь или грудь и спину. Эмаи хотел сделать белых пленников своими воинами и потому приказал их татуировать. Щеки татуировали только особенно отважным воинам. Лоб татуировали лишь вождям.

Pa fin wangas de Raterford es toshi kati-ney kushalem. Oni torturi ta hampi char ora. Tatuer pon suy tul a taraf, gwerjen kel teni-te povre marjen, li kwiti ta. Bat Raterford zai lagi for on herba kom bifooen, ta iven bu muvi. Hema flui fon suy puhli-ney fas. Hema flui-geti inu suy aures, nos, muh. Ta probi ofni okos bat bu mog. Suy okos es puhli-ney, li bu ofni.

Вот наконец щеки Рутерфорда тоже искусно изрезаны. Его пытали почти четыре часа. Татуировщик сложил свои инструменты, и воины, державшие несчастного моряка, отошли в сторону. Но Рутерфорд как лежал, так и остался лежать на траве. Он даже не пошевельнулся. С его опухшего лица текла кровь. Кровь затекала ему в уши, в нос, в рот. Он пытался открыть глаза, но не мог. Глаза его распухли и не открывались.

Turan un mole lin-ney trapa-ki tachi suy fas e waipi hema. Ta audi vos de Eshu sobre swa. Ela shwo koysa a ta. Ta bu samaji worda, bat elay vos sembli dule a ta. Yungina pren suy handa. Ta fai gro-eforta e en-stan, giganta-ney, hili-she, blinde. Gambas apena servi a ta.

Вдруг мягкая льняная тряпочка прикоснулась к его лицу и стерла кровь. Он услышал над собой голос Эшу. Она что-то говорила ему. Он не понял ее слов, но голос показался ему нежным и ласковым. Девушка взяла его за руку. Он сделал над собой усилие и встал, огромный, качающийся, слепой. Ноги едва держали его.

Eshu en-dukti blinde giganta. Gwerjen rasstepi silensa-nem,

Эшу повела ослепшего великана за собой. Воины молча расступились, чтобы дать им дорогу. Она провела

dabe lasi li pasi. Ela dukti ta pa vilaja-ney gata, poy tra stakatot e desendi kun ta nich kolina a riva. Hir ela pushi-ki ta avan, e ta zin lenge-ki akwa.

Por akwa ta tuy en-sta pyu hao. Suy inflami-ney wunda tungi yo meno gro. Longtaim ta sidi in akwa al jui. Ta wud sidi shayad til nocha, bat ta audi ke Eshu voki ta. Ta chu a sahil, ela dai handa a ta e dukti bak a vilaja. Dar ela mah-sidi ta bli flami-she agni, wo suy ko-jen yo zai sidi.

Okos de Raterford es haishi klosi-ney, bat por fauha ta gesi ke deyfan begin. Maoris zai finchi yeri-ney swinamasu. Pa sey ves plenjen sidi bu kun gulam, bat kun gwerjen. Bat oni bu dai chi a li, bikos li es tabu.

Leson de maori lingwa

"Tabu" es sante, ajibe, foba-ney worda. Maori, sam kom oli otre Polinesia-jen, fobi tabu pyu kem enisa otre. Monta, shulin, fan, riva, jen, animal – enisa mog bi tabu. Si monta es tabu, oni bu darfi klimbi it; si shulin es tabu, oni bu darfi shikari in it; si fan es tabu, oni bu darfi chi it; si jen es tabu, oni bu darfi kili ta, oni bu darfi tachi ta, e ta selfa bu darfi tachi enisa, bikos ta nosantisi olo bay tacha. Sol shefa fai tabu. Sey duskreda helpi guverni.

Segun tradision, afte tatuing da gwerjen es tabui-ney duran tri dey. Emaii tabui oli blan plenjen. Oni prohibi

его по деревенской улице, вывела за частокол и спустилась вместе с ним по склону холма к реке. Здесь она слегка толкнула его вперед, и он вошел в прохладную воду.

От воды ему сразу стало легче. Его воспаленные раны горели уже не так сильно. Он долго с наслаждением сидел в воде и просидел бы, верно, до самой ночи, если бы не услышал, что Эшу зовет его. Он вылез на берег, она дала ему руку, отвела назад в деревню и усадила возле пылающего костра рядом с его товарищами.

Глаза Рутерфорда все еще были закрыты, но по запаху он догадался, что начался обед. Новозеландцы доедали вчерашнюю свинину. На этот раз за обедом пленники сидели не с рабами, а с воинами. Но есть им не дали, потому что они были табу.

Уроки новозеландского языка

«Табу» – странное, страшное, священное слово. Новозеландец, подобно всем другим полинезийцам, больше всего на свете боялся табу. Табу могла быть гора, лес, пища, река, человек, животное – все, что угодно. Если гора табу – на нее нельзя взбираться, если табу лес – в нем нельзя охотиться, если табу пища – ее нельзя есть, если табу человек – его нельзя убить, его нельзя трогать, и он сам ни к чему не может прикоснуться, потому что все оскверняет своим прикосновением. Табу накладывали вожди. Это суеверие помогало им управлять.

По обычаю, на воина после татуировки налагалось трехдневное табу. Эмаи наложил табу на всех своих белых пленных. Им

a li tu tachi fan, dabe bu nosantisi it. Also li bu mog chi.

Pa un-ney dey afte tatuing li bu dumi om fan. Sinstopi-she tunga mah-wek hunga. Bat pa sekwi-dey oli exepte Raterford en-sta mucho pyu hao, e li en-yao chi. Dan Emaii inventi komo mah-chi plenjen sin violati tabu. Ta mah li stan pa fila bifoo huta e komandi a sit gulam tu sovi fish-pes inu li-ney muh. Dabe marjen, por bujansa de tradision, bu nosantisi kasualem den fan, gwerjen teni li-ney handas fortem.

Oli exepte Raterford chi til sta sate. Raterford haishi bu mog gloti nul lokma. Ta sol lasi oni liti idyen akwa inu swa-ney gorla. Suy kapa fa-rupti-si por tunga, okos haishi bu ofni. Blinditaa opresi ta. Sembli a ta ke neva ta ve mog vidi snova.

Bat pa char-ney dey suy fas depuhlifi e okos ofni. Ta en-sta mucho pyu hao. Oni defai tabu fon plenjen.

Sun li fa-haili totem. Bat li sinian om janmalanda e libritaa oltaim pyu gro.

Deys pasi lentem. Maoris bu dustrati plenjen: li mah-chi li bay same fan ke li selfa chi, e li he ofri un hao huta a li. Ti habiti in same huta na gwerjen lasi li zwo kwo unkwe li yao. Li mog go pa ol vilaja al dey e al nocha. Nulwan wahti li oltaim. Oni prohibi sol un kosa a li: tu chu vilaja, tu go tra stakatot.

запретили прикасаться руками к пище, чтобы не осквернить ее. И есть они не могли.

В первый день после татуировки они и не думали о еде, потому что непрекращавшаяся боль отбивала у них всякий аппетит. Но на следующий день всем, кроме Рутерфорда, стало значительно лучше, и они захотели есть. Тогда Эмаи изобрел способ, как накормить своих пленников, не нарушая табу. Он расставил их в ряд перед хижиной и приказал шестерым рабам совать им в рот кусочки рыбы. А чтобы матросы, по незнанию обычаев, не осквернили все же случайно пищи, руки их крепко держали воины.

Все, кроме Рутерфорда, сытно наелись. Рутерфорд не мог проглотить ни куска. Он позволил влить себе в горло только немного воды. Голова его разрывалась на части от боли, глаза все еще не раскрывались. Слепота угнетала его. Ему казалось, что он никогда уже больше не будет видеть.

Но на четвертый день опухоль на его лице спала и глаза открылись. Он стал чувствовать себя гораздо легче. Табу с пленников сняли.

Скоро они совсем поправились. Но тоска по родине и по свободе мучила их все больше.

Медленно тянулись дни. Пленники не могли пожаловаться на дурное обращение. Новозеландцы кормили их тем, что ели сами, и предоставили им хорошую хижину. Воины, жившие в этой хижине вместе с ними, позволяли им делать все, что угодно. Они могли ходить по всей деревне днем и ночью. Никто особенно не следил за ними. Только одно им не позволялось – выходить из деревни, за частокол.

Wen li lai a geit in stakatot, gardi-sha bari dao. Also marjen majbur returni a ley huta.

Когда они подходили к калитке в частоколе, воины, стоявшие на страже, преграждали им путь. И матросам приходилось возвращаться назад, к своей хижине.

Duha bu kwiti li. Li bu mog zun nixa. Maori man kada dey go shikari o fishi. Maori gina gun in legumgarden sirkum vilaja. E marjen sol wandi along sole vilaja-gata miden slama-huta oda lagi on herba al kan skay. Lentem hi taim pasi in plen.

Тоска не давала им покою. Они ничем не могли занять себя. Им совершенно нечего было делать. Мужчины каждый день ходили на охоту и на рыбную ловлю. Женщины копались на огородах вокруг деревни. А матросы бродили по единственной деревенской улице меж соломенных хижин или лежали на траве и смотрели в небо. Медленно тянется время в неволе.

Sol Eshu distrati li idyen. Kelke dey pasi afte detabuing, e ela lai e en-sidi bifoo huta. Depos dan ela lai kada dey. Koyves dochas de Rengadi lai kun ela, bat maistem ela lai sole. Pinchanem ela bringi gunsa kun swa e plexi oda basketa aus pruta oda korda aus lin-fibra. Raterford, Jek Mallon, Smit e Tompson en-sidi sirkum, e ela begin shwo kun li. Ela totem bu fa-konfusi om ke li bu samaji nul worda. Ela shwo bu tanto fo li kwanto fo swa selfa.

Только Эшу немного их развлекала. Она явилась к ним через несколько дней после того, как с них сняли табу, и уселась перед хижиной. С тех пор она стала приходить ежедневно. Иногда с ней приходили дочери Ренгади, но большей частью она являлась одна. Обычно она приносила с собой работу и плела либо корзины из веток, либо веревки из волокон льна. Рутерфорд, Джек Маллон, Смит и Томпсон садились вокруг нее, и она начинала с ними разговаривать. Она нисколько не смущалась тем, что они не понимали ни слова из ее речей. Она говорила не для них, а для себя самой.

Yedoh Raterford stay trai samaji ela. Bay signa ta kwesti ela om nam de koy obyekta, e ela jawabi. Shao-po-shao ta lerni aika mucho maori worda e begin samaji kwo Eshu shwo. Afte un mes ta selfa yo mog shwo koysa pa maori. Wen ta suksesi komponi un kurte frasa, ela ridi e klapi handas.

Raterford oftem amusi ela bay diverse kosa, e wen ela ridi, ta selfa ridi toshi, bikos pa natura ta es un alegre jen. Kom eni marjen, ta janmog ligi korda pa menga dao, bay diverse jatile noda. Eshu koni sol zuy simple noda, also kun jigyas hi ela observi komo ta interligi fines de korda ke ela plexi. Kada ves ta lasi ela deligi, e ela sidi longtaim, koyves kelke ora, al trai samaji komo zwo se. Bat shao-po-shao ela lerni komplike noda-vigyan e begin ligi-deligi noda sam hao kom elay talimer.

Raterford zwo fo ela den feng-melidom aus baumkuta: den syao virtika fixi-ney on stik bay un fish-osta-ki. Maoris bu gwo vidi melidom, e Eshu admiri pleika kwasi un syao gela. Sikom feng es feble, ela majbur lopi kun melidom, dabe it virti. Ela lopi-lopi pa ol vilaja, kinda e doga lopi afte ela. Adulta kan ela kun enva. Iven Emaii selfa en-fai interes om pleika. Ta pregi Raterford tu zwo same-la fo ta. Sertem, Raterford tuy fulfil yaosa de shefa.

Unves Raterford kapti un rata e bringi ta a Eshu. Yungina yao tufi e rosti rata, bikos maoris opini rata e

Но Рутерфорд постоянно пытался ее понять. Он знаками спрашивал ее название то одного, то другого предмета, и она ему отвечала. Мало-помалу он заучил довольно много новозеландских слов и стал понимать, о чем говорит Эшу. Через месяц он уже и сам мог кое-что сказать по-новозеландски. Когда ему удавалось составить коротенькую фразу, она смеялась и била в ладоши.

Рутерфорд часто развлекал ее всякими забавами и сам смеялся вместе с ней, потому что от природы он был человек веселый. Как всякий моряк, он умел связывать веревки на множество ладов разными хитроумными узлами. Эшу знала только самые простые узлы и с увлечением следила за тем, как он связывал между собой концы веревки, которую она плела. Всякий раз он давал ей развязывать, и она иногда просиживала целые часы, стараясь догадаться, как это сделать. Впрочем, мало-помалу она изучила сложную науку узлов и стала завязывать и развязывать их не хуже своего учителя.

Рутерфорд сделал ей из коры ветряную мельницу – крохотную вертушку, прикрепленную к палочке рыбьей косточкой. Новозеландцы никогда не видали мельницы, и Эшу восхищалась своей игрушкой, словно маленькая. Так как ветра было мало, ей приходилось бегать, чтобы мельница вертелась. Она бегала по всей деревне, за ней неслись собаки и дети. Взрослые с завистью глядели на нее. Сам Эмаи заинтересовался вертушкой и попросил Рутерфорда сделать ему такую же. Рутерфорд, конечно, сейчас же исполнил просьбу вождя.

Однажды Рутерфорд поймал крысу и принес ее Эшу. Девушка хотела задушить крысу и изжарить, потому что новозеландцы

maus kom lakma. Bat Raterford desidi yusi den kapti-ney bestia-ki fo otre dela. Aus ligna ta auskati char syao rada-ki e zwo syao gari-ki. Kun helpa de lin-fibra ta joti rata inu sey gari-ki. E rata en-trani gari-ki. Ta trani it longtaim, til ke koy boy kapti ta e chi kru. Tak inter Eshu e Raterford en-ye amigitaa.

Otre plenjen toshi oftem shwo kun Eshu. Shao-po-shao li toshi lerni maori lingwa, bat li bu mog ateni Raterford: ta sertem shwo zuy hao e progresi kada dey. Jek Mallon en-lyan a Eshu. Ta talimi a ela den zunsa ke oli Europa-ney yungina koni bat maori-yungina ga non: tu plexi krona aus flor.

Sol dwa jen bu shwo kun Eshu – Jefferson e Jon Wotson.

Jefferson yo bifooen bin silensishil glume jen. Afte ke maoris pleni ta, ta es tanto shoki-ney bay olo eventi-ney, ke ta lusi dona de shwosa. Nixa interesi ta. Ta ignori olo. Ta hampi bu chu huta e oltaim lagi on senu al kan tavan. Si ko-jen en-shwo kun ta, ta jawabi kurtem e sin yaosa. Ta es konvinsi-ney ke oni ve kili ta, ta zai weiti morta oltaim. Den Eshu ta trati samem kom olo resta-ney: ta simplem ignori ela.

Jon Wotson eviti Eshu por ga otre kausa. Ta heni oli maori. Aspiri-yen a libritaa, ta bikam muy irishil. Al iri ta koyves rasshwai ti maoris dai na fan e shatami li

считают мышей и крыс большим лакомством. Но Рутерфорд решил употребить пойманного зверька на другое. Он вырезал ножом из дерева маленькие колесики и смастерил крохотную тележку. В эту тележку он с помощью льняных волокон запряг крысу. Крыса возила тележку до тех пор, пока ее не поймал какой-то мальчик и не съел сырою. Так между Эшу и Рутерфордом завязалась дружба.

Другие пленники тоже часто болтали с Эшу. Они тоже мало-помалу выучились новозеландскому языку, но догнать Рутерфорда не могли – он бесспорно говорил лучше всех и с каждым днем делал большие успехи. Особенно привязался к Эшу Джек Маллон. Он обучил ее занятию, известному всем европейским девушкам и совершенно неизвестному новозеландкам, – плести из цветов венки.

Только двое не принимали участия в разговорах с Эшу – Джефферсон и Джон Уотсон.

Джефферсон и прежде был молчаливый, угрюмый человек, а попав в плен к новозеландцам, он был так потрясен всем случившимся, что совсем потерял дар слова. Ничто не интересовало его. Ко всему он относился с полным равнодушием. Из хижины он почти не выходил и все время лежал на сене, глядя в потолок. Когда с ним заговаривали товарищи, он отвечал односложно и неохотно. Он был убежден, что его убьют, и все время ждал смерти. К Эшу он относился так же, как и ко всему остальному, что его окружало, – просто не замечал ее.

Джон Уотсон избегал Эшу по совсем другим причинам. Он ненавидел всех новозеландцев. Он рвался на свободу и стал очень раздражителен. Сердясь, он порой разбрасывал пищу,

bay gro-shatama. Kelkeves Raterford majbur reteni ta fon draka. Draka wud bi ga noutile, it wud sol atrakti nove beda a plenjen.

"Me ve fugi, me fugi!" Jon Wotson repeti stay. "Me ve returni a Ingland e demandi fon rega den tote armee fo nihilisi sey jen-chier. Nu ve arivi ahir kun kanon e mah-jal oli vilaja til pepla. Me bu sal indulgi nulwan. Ob yu vidi toy pinas, Raterford? Jan ba: me ve bependi li bay jen-chier, kom al yul oni bependi yul-baum bay pleika. Pa laste ves me konsili a yu: nu fugi ba tuhun, kompanion."

"Bat a wo nu fugi, Jon?" Raterford shwofu ta. "Li es ya miles de jen, e nu es sol sit. Li ve kapti nu e kili. Pyu hao es tu weiti idyen, dabe savajas begin fidi nu. Dan, si koy Europa-ney ship lai a Nyu-Siland, shayad nu ve mog fugi sin mushkila."

"Wel, dan resti ba hir, rudish wan, lisipedi savajas, e me fugi sole!" Jon Wotson jawabi dushtem.

Ta en-heni-te Eshu fon beginsa por ke ela es docha de Emaii. Wen ela visiti plenjen, ta zin huta, en-lagi on senu bli Jefferson e kusi swa-ney handa pa sinforsa-ney furia.

которую ему давали новозеландцы, и ругал их самыми отборными английскими ругательствами. Рутерфорду несколько раз приходилось удерживать его от драки. Такая драка была бы совершенно бесполезна и могла навлечь только новые несчастья на пленников.

– Я убегу, убегу! – постоянно твердил Джон Уотсон. – Я вернусь в Англию и потребую у короля целое войско для истребления этих людоедов. Мы явимся сюда с пушками и дотла сожжем их деревни. Я не намерен щадить никого. Ты видишь эти сосны, Рутерфорд? Так знай, я обвешаю их людоедами, как на Рождестве обвешивают елки игрушками. В последний раз советую тебе: бежим со мной, приятель.

– Ну куда же мы убежим, Джон? – уговаривал его Рутерфорд. – Ведь их тысячи, а нас только шестеро. Они поймают нас в лесу и убьют. Не лучше ли подождать немного, добиться доверия дикарей? Тогда, если в Новую Зеландию зайдет какой-нибудь европейский корабль, нам, быть может, нетрудно будет уехать.

– Ну и оставайся здесь, рыжий, подлизывайся к людоедам, а я убегу один! – злобно отвечал Уотсон.

Эшу он возненавидел с самого начала за то, что она была дочь Эмаи. Когда она приходила в гости к пленникам, он забирался в хижину, ложился рядом с Джефферсоном на сено и в бессильной ярости кусал себе руки.

Fuga

Marjen jivi yo pyu kem pet mes in plen, bat Jefferson e Wotson haishi bu jan nul worda pa maori.

Unves pa savera kraking de banduk-shuta jagisi Raterford. Ta en-sidi e slu. Baken huta-mur oni audi tomping de menga nude peda, kraisa, doga-ney wauking. Til nau Raterford bu gwo vidi ke maori shuti bay ti kapti on "Agnesa" na banduk. Li porti banduk on bey kwasi sol fo dekora. Also sey turan-ney shuta, sey garbar in vilaja alarmi Raterford.

In huta es haishi haf-luma. Al turni kapa Raterford merki ke char gwerjen kel pinchanem somni bli dwar, li nau yok. Bli ta fobisi-ney Jek Mallon fai gro-okos. Jefferson zai somni kwasi morta-ney. Jon Smit e Tompson, al idyen lifti swa, agiti-nem zai kan dwar.

Sol dan Raterford samaji ke li es sol pet in huta.

"Wo es Wotson?" ta exklami e en-stan pa salta.

Nulwan jawabi.

"Ta fugi, e oni shuti ta! Ob yu he audi shuta?" Raterford krai.

Jon Smit niki silensa-nem.

"Way ta bu warni nu ke ta fugi sedey?" Raterford

Побег

Моряки прожили в плену уже больше пяти месяцев, а Джон Уотсон и Джефферсон не научились ни одному слову по-новозеландски.

Однажды на рассвете Рутерфорда разбудил треск ружейного выстрела. Он сел и прислушался. За стенами хижины раздавался топот многочисленных босых ног, крики, лай собак. До сих пор Рутерфорд ни разу не видел, чтобы новозеландцы стреляли из ружей, захваченных на «Агнессе». Они носили ружья на спине как будто только для украшения. И этот неожиданный выстрел, эта суматоха в деревне встревожили Рутерфорда.

В хижине был еще полумрак. Обернувшись, Рутерфорд заметил, что четыре воина, обыкновенно спавшие у двери, исчезли. Рядом Джек Маллон испуганно таращил глаза, Джефферсон спал, словно мертвый, но Джон Смит и Томпсон, приподнявшись, взволнованно заглядывали в дверь.

Тут только Рутерфорд заметил, что в комнате их всего пятеро.

– Где Уотсон? – воскликнул он и вскочил на ноги.

Ему никто не ответил.

– Он бежал, и его застрелили! Вы слышали выстрел? – кричал Рутерфорд.

Джон Смит молча кивнул головой.

– Почему он не предупредил нас, что собирается сегодня

kontinu. "Yu toshi ya bu jan-te nixa? Ta stay shwo-te om fuga, bat me nulves dumi-te ke ta yao fugi tanto sun. Si ta wud he shwo a nu, nu wud dekonsili ta..."

"Por to hi ta bu shwo-te a nu," Jon Smit shwo glumem.

Garbar-ney kraisa ausen fa-mixi inu kontinue shum. Raterford fa-lansi a dwar.

"Bu go wek!" Jek Mallon en-plaki al graspi suy gamba. "Me fobi... Kwo eventi a nu nau?"

Bat Raterford austiri gamba e chu huta pa char pata. Jek Mallon, Smit e Tompson sekwi ta. Sun li oli char yo zai stan miden gata. In huta resti sol Jefferson, ta somni glubem.

Maori-menga zai lopi versu geit in stakatot. Doga gro-wauki, fobisi-ney swina interfai inter gambas. Gina inundi ol gata. Oli man es yo avanen, bli geit.

Plenjen go adar wo trupa tiri li. Bat sun trupa turni bak. Raterford kun ko-jen go a taraf, stopi bli koy huta e en-kan.

Dasta do mucho gwerjen zai zin vilaja fon shulin. Oni zai trani un jen kel gro-resisti e krai furia-nem. Es Jon Wotson. Ta batali bay handas e pedas, trai mah swa libre, kusi plechas de gwerjen kel teni ta, e krai, krai, krai.

бежать? – продолжал Рутерфорд. – Ведь вы тоже ничего не знали? Он постоянно твердил о побеге, но я никогда не думал, что он хочет бежать так скоро. Если бы он сказал нам, мы бы его отговорили...

– Вот потому он нам ничего и не сказал, – мрачно вымолвил Джон Смит.

Нестройные крики на улице сливались в сплошной гул. Рутерфорд вскочил и бросился к двери.

– Не уходи! – захныкал Джек Маллон, хватая его за ногу. – Я боюсь... Что теперь с нами будет?..

Но Рутерфорд выдернул свою ногу и на четвереньках выполз из хижины. Джек Маллон, Смит и Томпсон последовали за ним. Через минуту они все вчетвером стояли уже посреди улицы. В хижине остался один Джефферсон. Он крепко спал.

Толпа бежала к воротам в частоколе. Заливались псы, испуганные свиньи путались под ногами. Женщины запрудили всю улицу. Мужчины были уже там, впереди, у ворот.

Пленники пошли туда, куда их тянула за собой толпа. Но толпа скоро повернула назад. Рутерфорд и его товарищи отошли в сторону, остановились возле какой-то хижины и принялись смотреть.

В деревню из лесу вошел многолюдный отряд воинов. Они волокли отчаянно упиравшегося и кричавшего человека. Это был Джон Уотсон. Он отбивался, старался вырваться, кусал плечи державших его воинов и кричал, кричал, кричал.

"Oni ve mah-aus yur antras!" ta skwili. "Oni ve swipi yu til morta, dedermisi yu, mah yu jal on agni!"

Bat gwerjen fai nul atenta om suy kraisa. Li zidem trani ta along gata. Bli ta oni porti un lash de gran doga.

Wen Jon Wotson pasi bli suy ko-jen, Raterford fa-lansi a ta, bat bu suksesi geti a kapti-ney fuger: trupa pushi ta a taraf.

– Вам выпустят кишки! – вопил он. – Вас засекут, сдерут с вас кожу, сожгут на кострах!

Но воины не обращали на его крики ни малейшего внимания. Они упорно волокли его по улице. Рядом с ним несли труп большой собаки.

Когда Джон Уотсон поравнялся с тем местом, где стояли его товарищи, Рутерфорд кинулся к нему. Но пробраться к пойманному беглецу он не мог – толпа сразу оттеснила его в сторону.

"Kalmifi, Jon!" Raterford krai. "Suluki ba namrem! Nu ve trai helpi yu!"

Bat Wotson bu audi ta e krai for den sinsensu-ney ugrosa. Un lao gwerjen kel stan bli, ta turni a Raterford e shwo pa maori al smaili kun dushte joisa:

"Plaki ba om yur amiga. Neva hi yu ve vidi ta pyu."

Oni trani Jon Wotson a huta de Emaii. Sobreshefa miti suy gwerjen bli daklis e komandi ke oni dukti fuger inu huta.

– Успокойся, Джон! – закричал Рутерфорд. – Веди себя смирно! Мы попытаемся тебе помочь!

Но Уотсон не слышал его и продолжал выкрикивать свои бессмысленные угрозы. Только один старый воин, стоявший неподалеку, обернулся к Рутерфорду и, злорадно ухмыляясь, сказал по-новозеландски:

– Плачь о своем друге. Ты его больше никогда не увидишь.

Джона Уотсона притащили к хижине Эмаи. Верховный вождь встретил своих воинов у порога и приказал ввести беглеца в хижину.

Marjen returni a dom, en-sidi on senu bli lagi-she Jefferson e en-fai konsilum om kwo zwo. Jefferson yo jagi, bat afte audi rakonta om Wotson-ney fuga ta shwo ga nixa e resti ga egalsenta-ney. Jek Mallon zai plaki kyetem in angula e repeti ke nau li sertem ve tabahi. Raterford opini ke treba zwo olo posible dabe salvi Wotson, obwol ye shao nada om sukses.

"Kwo hi yu yao zwo?" Tompson kwesti.

"Me ve go a Emaii e pregi ta tu indulgi Jon," Raterford jawabi. "Me ve garanti ke ta bu fugi snova."

"Pa nul dao Emaii ve kredi yur garantia!" Tompson objeti. "Non, pyu hao fo nu es tu bu interfai, tu suluki zuy namrem! Nu mus simuli ke Jon ga bu gwansi nu, otrem nu i bu salvi ta i mah-tabahi nu selfa."

Bat Smit shamisi Tompson e suporti Raterford. E Raterford go a huta de sobreshefa pa sole.

Emaii okupi zuy gran huta in vilaja. Al nau it es fule de jen, e tra slama-mur oni audi shum de mucho vos.

Gwerjen bli zindwar stopi Raterford. Un fon li kwesti:

"Kwo yu treba hir, blan jen?"

"Me yao shwo kun Emaii," Raterford jawabi pa maori.

Матросы уселись на сене вокруг лежащего Джефферсона и стали совещаться, что делать. Джефферсон уже проснулся, но, выслушав рассказ о побеге Уотсона, не сказал ни слова и остался совершенно равнодушным. Джек Маллон тихо плакал в уголке и твердил, что теперь они все погибли. Рутерфорд считал, что нужно сделать все возможное, чтобы спасти Уотсона, но мало надеялся на удачу.

– Что же ты хочешь предпринять? – спросил Томпсон.

– Я пойду к Эмаи и буду просить его пощадить Джона, – ответил Рутерфорд. – Я поручусь, что он больше не будет пытаться бежать.

– Так Эмаи и поверил твоему поручительству! – возразил Томпсон. – Нет, нам лучше не вмешиваться в эту историю и сидеть как можно тише! Мы должны притвориться, что нам нет до Джона никакого дела, а то мы и его не спасем и себя погубим.

Но Смит пристыдил Томпсона и поддержал Рутерфорда. И Рутерфорд отправился один к хижине верховного вождя.

Эмаи занимал самую большую хижину в деревне. Сейчас она была полна народа, и сквозь соломенные стены доносился гул многих голосов.

У входа в хижину Рутерфорда остановили воины. Один из них спросил:

– Что тебе надо здесь, белый человек?

– Я хочу говорить с Эмаи, – отвечал по-новозеландски Рутерфорд.

"Weiti ba," gwerjen jawabi. "Me go kwesti ob Emaii yao shwo kun yu."

Raterford en-sidi on balka bifoo huta e en-weiti. Mucho gwerjen bli zindwar lautem diskusi fuga de Jon Wotson. Raterford en-jan lo sekwi-she.

Jon Wotson chu huta de plenjen pa midnocha, wen es haishi ga tume. Gardi-sha somni glubem e bu merki suy chusa. Ta he pai koylok un grose gro-stik e masbute korda. Ta ahfi-shem go a stakatot-geit. Sol dwa gwerjen gardi geit, li es armisi-ney bay mer, lanza e banduk. Bu-merki-nem ta lai a li fon baken e turdi li ambi bay darba de gro-stik pa kapa. Poy ta ligi li e tapi ley muh. Ta pren ambi banduk, fliti tra geit e desapari in shulin.

Ligi-ney gwerjen sun rikonsi. Un fon li suksesi mah trapa aus muh. Ta jagisi ol vilaja. Persekwa starti tuy. Shulin fulifi bay gwerjen e doga.

Evidentem Jon Wotson tuy fa-lusi in shulin. Inplas go zuy dalem posible, ta go sirkum vilaja e ahfi swa inter baum lwo-ney por storma, ga bu dalem fon stakatot. Bat se hi konfusi persekwer. Li bu gesi shuki ta tanto blisem, li go dalem inu shulin. Mogbi Jon Wotson wud suksesi sidi bu-merki-nem inter baum til sekwi-she nocha e poy go wek ahfi-shem, bat, pa nofortuna, al fa-dey un gran doga merki ta. Ta stopi pa dwashi stepa fon fuger e begin wauki. Wotson bu mog reteni swa e

– Подожди, – ответил воин, – я пойду и узнаю, хочет ли Эмаи говорить с тобой.

Рутерфорд сел на бревно перед хижиной и стал ждать. Воины, толпившиеся возле входа, громко обсуждали побег Джона Уотсона. Вот что узнал Рутерфорд.

Джон Уотсон вышел из хижины пленников в середине ночи, когда было еще совсем темно. Сторожа крепко спали и не заметили его ухода. Раздобыв где-то толстую дубинку и крепкую веревку, он прокрался к воротам в частоколе. Ворота сторожили только два воина, вооруженных ружьями, копьями и мэрами. Джон Уотсон незаметно подошел к ним сзади и оглушил обоих ударами дубинки по головам. Затем связал их и заткнул им рты. Захватив с собой ружья, он шмыгнул в ворота и скрылся в лесу.

Связанные воины скоро очнулись. Одному из них удалось вынуть изо рта тряпку. Он разбудил всю деревню. Сейчас же была начата погоня. Лес наполнился воинами и собаками.

Джон Уотсон, очевидно, сразу заблудился в лесу. Вместо того чтобы уйти подальше, он обошел деревню кругом и засел среди поваленных бурей деревьев чуть ли не возле самого частокола. Но именно это и сбило его преследователей. Они не догадались искать его так близко и зашли далеко в лес. Быть может, Джону Уотсону удалось бы укрыться среди бревен до следующей ночи и тогда потихоньку уйти, но, к несчастью, на рассвете его заметила большая собака. Она остановилась шагах в двадцати от беглеца и принялась лаять. Уотсон не удержался и застрелил ее из ружья. Вот именно этот выстрел и разбудил Рутерфорда. Конечно, беглец после этого был сразу обнаружен

shuti doga bay banduk. Sey shuta hi jagisi Raterford. Sertem, afte se fuger es tuy reveli-ney e kapti-ney.

Raterford zai sidi bifoo Emaii-ney huta, audi shwoing e weiti. Ta weiti muy longem, hampi un ora. Ta begin yo lusi sabra e yao zin huta sin permita, bat dan ti go a shefa na gwerjen turan returni.

"Emaii bu yao shwo kun blan jen," ta shwo a Raterford. "Blan jen mus go wek."

Triste Raterford lentem go a suy ko-jen. Ta samaji ke kisma de Jon Wotson es yo desidi-ney.

Shaferina

Marjen glumem zai sidi in ley huta. Zai silensi. Afte kelke ora Jon Wotson ve bi kili-ney. Treba zwo koysa, treba probi salvi ta. Bat komo hi? Li piti kompanion e li fobi om swa-ney futur.

Surya fa-uupar oltaim pyu gao. Aira in huta bikam tufi-she.

Turan Raterford vidi tra dwar den gela-ney nude pedas. Eshu! Ela stopi bifoo huta, kom pinchanem, e weiti ke marjen chu shwo-shwo kun ela.

Jek Mallon go versu dwar, bat Raterford stopi ta.

"Weiti, Jek," ta shwo. "Sey gela mog bi utile fo nu, bat

и схвачен.

Рутерфорд сидел перед хижиной Эмаи, прислушивался к разговорам и ждал. Ждать ему пришлось очень долго, почти час. Он уже начал терять терпение и хотел без спросу войти в хижину, как вдруг воин, который пошел доложить о нем вождю, вернулся.

– Эмаи не хочет говорить с белым человеком, – сказал он Рутерфорду. – Белый человек должен уйти.

Рутефорд печально побрел к своим товарищам. Он понимал, что судьба Джона Уотсона решена.

Заступница

Моряки угрюмо сидели у себя в хижине. Молчали. Через несколько часов Джон Уотсон будет убит. Нужно что-то сделать, нужно попытаться спасти его. Но как? Им было жалко товарища и страшно за свою судьбу.

Солнце подымалось все выше и выше. В хижине стало душно.

Вдруг Рутерфорд через дверь увидел босые девичьи ноги. Эшу! Она остановилась перед хижиной, как останавливалась каждый день, и ждала, чтобы моряки, по обыкновению, вышли поболтать с ней.

Джек Маллон направился было к двери. Но Рутерфорд остановил его.

– Подожди, Джек, – сказал он. – Эта девушка может нам

nu mus akti kun chauka."

Jek Mallon obedi-shem resti in huta.

Eshu weiti bli dwar. Pa fin ela fatigi por stan e en-sidi on arda. Taim go, bat elay blan amiga bu chu. Ela fa-astoni. Pinchanem li chu e shwo-shwo kun ela tanto yao-shem. Ela fa-tedi por weiti. Mogbi li bu jan ke ela es hir? Ela nosabra-nem klapi-klapi bay pama den huta-mur. Yedoh nulwan chu.

Ela weiti yoshi idyen. Poy astoni-ney e vexi-ney yungina fa-inklini e zin dwar. Raterford e suy ko-jen iven bu fa-turni versu ela.

"Airmaree," ela shwo.

Nulwan jawabi.

"Airmaree!" ela repeti pyu lautem e vexi-nem. Marjen iven bu muvi.

Ley silensa irisi ela. Ela ek-tompi bay nude peda.

"Way yu bu jawabi a me?" ela kwesti Raterford. "Me lai fo shwo kun yu."

"Ta ve neva shwo kun yu, Eshu, neva pyu," Jon Smit shwo. "Yur patra yao kili suy brata, por to hi ta bu ve shwo a yu nul worda. Go wek."

Pa intenta hi Jon Smit nami Wotson kom brata de

пригодиться, и действовать с ней надо очень осторожно.

Джек Маллон послушно остался в хижине.

Эшу ждала у дверей. Наконец она устала стоять и села на землю. Время шло, а ее белые друзья не появлялись. Она удивилась. Обычно они с такой охотой выходили поболтать с ней. Ей надоело ждать. Быть может, они не знают, что она пришла? Она нетерпеливо хлопнула несколько раз ладонью по стене хижины. Но и теперь никто не появился.

Подождав еще немного, удивленная и рассерженная девушка нагнулась и вошла в дверь. Рутерфорд и его товарищи даже не обернулись к ней.

– Айр-маре, – сказала она.

Ей никто не ответил.

– Айр-маре! – повторила она громко и сердито. Моряки даже не шевельнулись.

Их молчание начало раздражать ее. Она стукнула босой ногой о землю.

– Отчего ты мне не отвечаешь? – спросила она Рутерфорда. – Я пришла сюда разговаривать с тобой.

– Он никогда больше не будет разговаривать с тобой, Эшу, – сказал Джон Смит. – Твой отец хочет убить его брата, и он поэтому не скажет тебе больше ни одного слова. Уходи отсюда.

Джон Смит нарочно назвал Уотсона братом Рутерфорда. Он хотел поразить девушку.

Raterford. Ta yao astoni yungina.

Eshu verem irifi.

"Non, ta ve shwo hi kun me! Ob yu yao shwo kun me?" ela adresi a Raterford.

Bat Raterford silensi.

"Go wek," Jon Smit repeti kalmem al en-stan.

"Yu osi goni me wek!" yungina krai. "Me ve shwo a patra, ta bu ve lasi eniwan goni me wek!"

Эшу рассердилась не на шутку.

– Нет, он будет со мной разговаривать!.. Скажи мне, будешь или нет? – обратилась она к Рутерфорду.

Но Рутерфорд молчал.

– Уходи отсюда, – спокойно повторил Джон Смит, подымаясь на ноги.

– Ты не смеешь меня выгонять! – крикнула девушка. – Я скажу отцу, и он никому не позволит выгонять меня!

"Hao," Jon Smit shwo. "Go e shwo ba a patra. Yur patra mog prohibi a nu tu goni yu wek, bat ta bu mog mah Hwan-har-ney shwo vaika un worda a yu."

"Non, may patra ve mah ta shwo kun me!"

"Al tatuing ta bu he krai iven un ves," Jon Smit pronunsi solemnem. "Ta bu ve shwo kun yu si ta selfa bu yao."

Yungina remembi om manliktaa de Raterford al tatuing e en-dumi. Ver, nulwan mog mah ta shwo kun ela. Timidem ela kan suy fas, nadi-yen ke ta shanji

– Хорошо, – проговорил Джон Смит. – Пойди и скажи отцу. Твой отец может запретить нам выгонять тебя отсюда, но он не может заставить Желтоголового сказать тебе хоть слово.

– Нет, отец заставит его со мной разговаривать!

– Он ни разу не крикнул, когда его татуировали, – торжественно произнес Джон Смит, – и он не будет с тобой говорить, если сам не захочет.

Девушка вспомнила о мужестве Рутерфорда во время татуировки и задумалась. Нет, его действительно никто не может заставить говорить с ней. Она робко заглянула ему в

desida e shwo koysa a ela.

Bat Raterford-ney fas es sakte e drir. Ta presi labas fortem. Eshu senti ke otre chudao yok e desidi ustupi.

"Hao, Hwan-har-ney," ela shwo a Raterford. "Me go a patra, me ve pregi ta tu lyu jiva a yur brata."

E ela go wek.

"Haonik, Smit!" Raterford shwo afte ke ela chu. "Yu he samaji may plan gro-hao!" Ta silensi idyen e adi: "Eshu es hao gela. Nopravem hi Wotson bu pri-te ela. Bat ob Emaii ve audi-obedi swa-ney docha?"

Snova weiti-taim en-pasi lentem. Ol vilaja es agiti-ney – nulwan go a gunsa, a fishing. Oni bu bringi fan a plenjen, bat Raterford samaji ke to bu es por bade intenta, es sol por garbar: Emaii mangi Jon Wotson e fogeti fai komanda. Surya zai fa-nich, yo fa-aksham. In sey aksham oni ve kili ley ko-jen, si Eshu bu suksesi salvi ta. Komo en-jan kwo zai eventi in huta de sobreshefa? Shum de agiti-ney vos fa-audi aus it oltaim. Ob Eshu bu ve lai bak, bu ve rakonti kwo patra he jawabi?

Pa fin ela lai. Surya yo zai lumisi baum e huta bay aksham-ney flama fon un taraf, wen ela inklini-yen snova zin dwar. Raterford en-stan pa salta. Ela shwo:

"Me pregi patra longtaim. Lao gwerjen kel sidi in huta,

лицо, надеясь, что он передумает и скажет ей что-нибудь сам, по доброй воле.

Но лицо Рутерфорда было сурово и непреклонно. Он крепко сжал губы. И, чувствуя, что другого выхода нет, Эшу решила уступить.

– Хорошо, Желтоголовый, – сказала она Рутерфорду, – я пойду к отцу и буду просить его оставить жизнь твоему брату.

И ушла.

– Молодец, Смит! – сказал Рутерфорд, когда она вышла. – Ты отлично понял мой план! - И, помолчав, прибавил: – Эшу хорошая девушка. Уотсон напрасно ее не любил. Но послушает ли Эмаи свою дочь?

Опять медленно потянулись часы ожидания. Вся деревня волновалась – никто не пошел на работу, на рыбную ловлю. Пленникам не принесли пищи, но Рутерфорд понял, что это произошло не по злому умыслу, а просто по беспорядочности – Эмаи, занятый Джоном Уотсоном, забыл распорядиться. Солнце уже опускалось, день клонился к вечеру. Вечером их товарищ будет убит, если, конечно, Эшу не спасет его. Как бы узнать, что делается в хижине верховного вождя, из которой все время вырывается гул взволнованных голосов? Неужели Эшу никогда не вернется и не скажет, что ей ответил отец?

Но она вернулась. Солнце уже сбоку, вечерним пламенем, озаряло деревья и хижины, когда она, нагнувшись, снова вошла в дверь. Рутерфорд вскочил. Она сказала:

– Я долго просила отца. Старые воины, сидящие в его хижине,

li krai: 'Bu treba audi ela!' Li shwo ke treba chi yur brata, otrekas ta snova fugi. Patra dumi. Patra dumi gro. E me pregi for. Dan patra desidi lyu yur brata jiva-ney. Ta doni ta a Rengadi. Lao Rengadi en-joi, ta longtaim yao hev un blan gulam. Gwerjen iri. Nau li majbur chi sol doga ke yur brata he kili. Bat patra shwo ke manya nu oli departi fon hir a nuy janma-vilaja, e nu pren yu oli kunem exepte yur brata, nu lyu ta a Rengadi. Patra shwo a Rengadi: 'Dai ba mucho chia a yur blan wan, dan ta bu fugi fon yu.'"

Eshu en-silensi. Marjen silensi toshi. Li senti ke li mus danki sey gela koykomo. Bat komo hi? Tu dai koysa a ela? Bat li hev nixa...

"Ob yu ve shwo kun me nau, Hwan-har-ney?" turan ela kwesti al kan Raterford timidem.

"Naturalem," ta jawabi.

E ta pren elay handa dulem.

Safara

Yo fon davem Raterford audi-te ke Emaii yao kwiti Rengadi-ney vilaja e go a swa-ney-la. Gradualem ta en-samaji organisa de maori-tribu. Emaii es sobreshefa, e mucho vilaja subordini a ta. In kada vilaja ye prope shefa to subshefa kel rekoni Emaii kom sobreyuan. Ob Emaii he konkesti li oda li he bikam subyuan voli-

кричали ему, чтобы он меня не слушал. Они говорили, что твоего брата надо съесть, что, если ему оставят жизнь, он снова убежит. Отец думал. Он очень долго думал. А я его все просила. Тогда отец решил оставить жизнь твоему брату. Он подарил его Ренгади. Старый Ренгади очень обрадовался, ему давно хотелось иметь белого раба. Воины сердились. Им придется есть только собаку, которую убил твой брат. Но отец сказал, что мы все уходим завтра отсюда в свою родную деревню и берем вас с собой, а твоего брата оставим Ренгади. Отец говорил Ренгади: «Давай своему белому много есть, и он от тебя никогда не убежит».

Эшу замолкла. Матросы тоже молчали. Они чувствовали, что обязаны как-то отблагодарить эту девушку. Но как? Дать ей что-нибудь? Но ведь у них самих нет ничего...

– Теперь ты будешь со мной разговаривать, Желтоголовый? – спросила она вдруг, робко взглянув на Рутерфорда.

– Конечно, – ответил он.

И ласково взял ее за руку.

Путешествие

Рутерфорд давно уже слышал, что Эмаи собирается покинуть деревню Ренгади и отправиться в свою собственную. Устройство новозеландского племени он стал постепенно понимать. Эмаи был верховным вождем, которому подчинялось много деревень. В каждой деревне были свои вожди – младшие, – признавшие Эмаи владыкой. Завоевал ли их Эмаи или они подчинились ему добровольно, этого Рутерфорд не знал. Но он часто

shem, den to Raterford bu jan. Bat ta oftem audi ke Emaii hev swa-ney prope janma-vilaja wo otre shefa yok e kel es suy residilok. Also vilaja de Emaii es shefvilaja de ol tribu. A sey shefvilaja hi plenjen mus departi pa sekwi-dey afte fali-ney fuga de Jon Wotson. Resti sol un nocha fo pasi in vilaja de Rengadi.

Li bu pai miti Jon Wotson pa aksham. Ta bu lai fo somni in ley huta. Li mah-pasi maiste parta de nocha al shwo om futur e om kisma de kwiti-ney ko-jen. Nokalmem hi li dumi om sun-ney safara. Li audi-te ke vilaja de Emaii loki yoshi pyu dalem fon mar kem vilaja de Rengadi. Bat sol mar mog bringi libritaa a li. Shayad es fortuna fo Jon Wotson, ke ta resti she Rengadi. Si koy ship lai a sahil de Nyu-Siland, ta en-jan om to tuy.

Yedoh apena hi Jon Wotson ve weiti ship. Suy karakter es tanto nobridi-ney ke ta zaruu ve fai koy pumbitaa e irisi masta. Bat dan yo bu ye jen kel mog shafi pro ta.

Sol Jefferson bu toki kun oli. Ta somni glubem. Raterford pai en-somni sol bifoo suryachu. E ranem pa sabah gwerjen zin, jagisi plenjen e dukti li inu gata.

Ol vilaja es yo pa gata: i departi-sha i resti-sha. Gwerjen de Emaii, charshi jen, li zai stan pa aparte grupa. Li-ney molya e gulam, kel weiti-te she Rengadi duran batala on "Agnesa", li toshi mus departi kun li.

слышал, что у Эмаи есть своя собственная, родная деревня, в которой нет других вождей и в которой он постоянно живет. Таким образом, деревня Эмаи являлась столицей всего племени. Вот в эту-то столицу должны были отправиться наши пленники на другой день после неудачного побега Джона Уотсона. В деревне Ренгади им оставалось провести всего одну ночь.

Вечером Джона Уотсона повидать им не удалось. Ночевать в их хижину он не пришел. Они провели большую часть ночи в разговорах о своей дальнейшей судьбе и о судьбе покидаемого товарища. С тревогой думали они о предстоящем путешествии. Они слышали, что деревня Эмаи находится еще дальше от моря, чем деревня Ренгади. А одно только море могло принести им освобождение. Пожалуй, Джону Уотсону повезло, что его оставляют у Ренгади. Если к берегам Новой Зеландии подойдет какой-нибудь корабль, он сразу узнает об этом.

Впрочем, вряд ли Джон Уотсон дождется корабля. У него такой необузданный нрав, что он непременно выкинет какую-нибудь глупость и разозлит своих хозяев. А тогда уж некому будет за него заступиться.

В разговорах матросов не принимал участия один только Джефферсон. Он крепко спал. Рутерфорду удалось заснуть только перед рассветом. А рано утром в хижину вошли воины, разбудили спящих пленников и вывели их на улицу.

Вся деревня была на ногах – и уходящие и остающиеся. Воины Эмаи – сорок человек – стояли отдельной кучкой. Вместе с ними должны были отправиться их жены и рабы, которые во время разгрома «Агнессы» дожидались в деревне Ренгади.

Tuy afte ke plenjen hunti a dasta e gwerjen sirkumi li, ol jenmenga en-muvi along gata versu chusa aus vilaja. Al go pas huta de Rengadi, Raterford merki ke kelke gwerjen gardi it. Aus huta fa-audi furia-ney inglish shatama. Raterford tuy rekoni irisi-ney vos de Jon Wotson.

"Adyoo, Jon!" ta krai lautem. "Oni dukti nu wek. Shayad nu neva miti snova. Suluki ba chauka-nem!"

Shatama stopi fo kelke sekunda. Jon Wotson trai samaji fon wo ta audi vos de kompanion. Pa fin ta gesi kwo eventi, e lautem krai kom jawaba:

"Adyoo, Raterford! Om me sta ba kalme! Sun me fugi snova! Pa sey ves li bu ve kapti me!"

E shatama e damna ribegin.

Baken stakatot Emaii e Rengadi, al fai adyoo, longtaim froti a mutu nos bay nos. Sungi-sha, pa signa de griva, kati swa-ney fas bay agude ston-ki. Gina plaki lautem.

Pa fin ritual de separing fini. Rengadi dukti suy jenta bak inu vilaja, e jenta de Emaii fa-dirigi inu shulin.

Den gran parta de kaptura fon "Agnesa" Emaii pren-te kun swa. Bat al sey ves bu gwerjen, bat gulam e gina hi zai porti ol kaptura. Gwerjen zai go sin bagaja. Li porti sol arma. Plenjen afte tatuing gei opini kom gwerjen, e li bu hev arma exepte sikin, also li zai go al vakue

Едва пленников присоединили к отряду, едва их окружили воины, как вся толпа направилась по улице к выходу из деревни. Проходя мимо хижины Ренгади, Рутерфорд заметил, что ее охраняет несколько воинов. Из хижины доносилась неистовая английская ругань. Рутерфорд сразу узнал озлобленный голос Джона Уотсона.

– Прощай, Джон! – громко крикнул он ему. – Нас уводят. Мы, верно, никогда с тобой не увидимся. Веди себя осторожно.

Ругань на несколько секунд прекратилась. Джон Уотсон как будто пытался понять, откуда он слышит голос товарища. Наконец он догадался, в чем дело, и громко прокричал в ответ:

– Прощай, Рутерфорд! Обо мне не беспокойся! Я скоро опять убегу! Уж на этот раз меня не поймают!

И снова брань и проклятия.

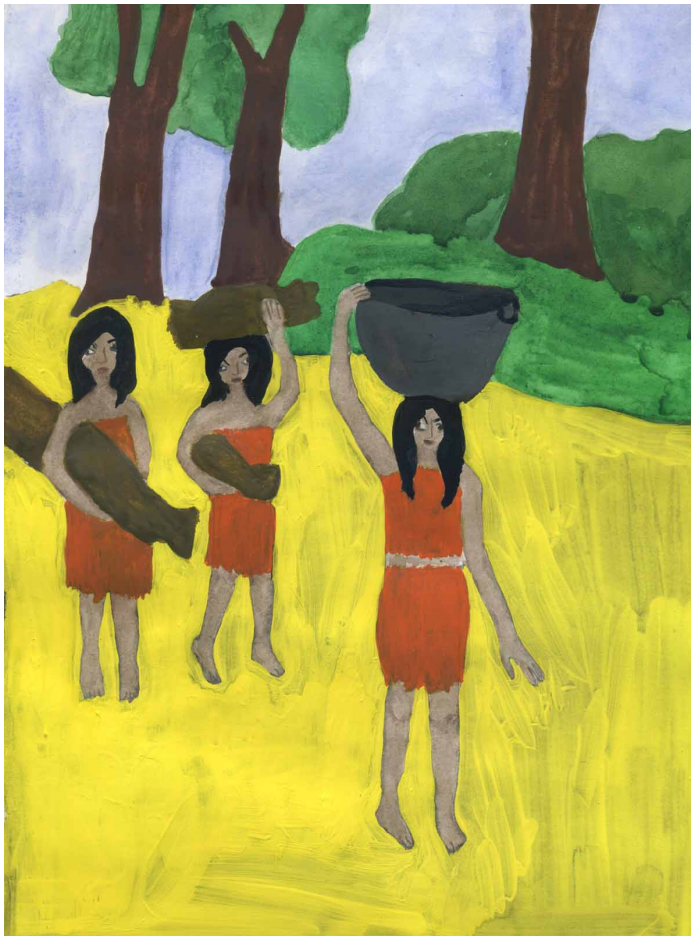
За частоколом Эмаи на прощание долго терся носом с Ренгади. Провожающие в знак печали резали себе лица острыми камешками. Женщины громко плакали.

Наконец обряд расставания был окончен. Ренгади увел своих подчиненных назад в деревню, и люди Эмаи направились в лес.

Изрядную долю награбленной с «Агнессы» добычи Эмаи забрал с собой. Но на этот раз добычу тащили не воины, а рабы и женщины. Воины шли налегке. Они несли только свое оружие. Пленники после татуировки считались воинами, а оружия у них, кроме ножей, не было никакого, так что они шли с

handas. Gulam es muy shao, gina toshi bu es mucho, also li majbur kurvifi sub grave loda. Emaii bu piti iven swa-ney docha. Eshu zai porti on kapa den fer-ney kazan fon "Agnesa".

Kamina es mushkile: nau uupar nau nich oltaim. Kadalok ye vertikale roka, kolina kun dense shulin, glube monta-gap kun sumpa. Shulin-ney daokin es tanto tange ke dasta de Emaii fa-stiri pa haf-milya. Plenjen probi memorisi dao, dabe mog returni koytaim, bat sun samaji ke bu es posible. In shulin ye menga de daokin kel krosi mutu, ga egale daokin, also sembli noposible tu orienti swa. Yedoh fo maoris mushkila ga yok: li go avan sigurem, sin eni hesita.



пустыми руками. Рабов было очень мало, и женщины, тоже немногочисленные, изгибались под тяжестью вещей. Эмаи не пожалел даже собственную дочь. Эшу тащила на голове чугунный котел с «Агнессы».

Дорога была трудная – все вверх и вниз. Всюду отвесные скалы, заросшие дремучим лесом холмы, глубокие болотистые ущелья. Лесная тропинка была так узка, что отряд Эмаи растянулся на полверсты. Пленники пробовали запомнить дорогу, чтобы иметь возможность вернуться когда-нибудь, но скоро убедились, что это невозможно. В лесу было множество пересекающих друг друга тропинок, совершенно одинаковых, так что разобраться в них казалось немыслимо. А между тем для новозеландцев в этом не было никакой трудности – они шли вперед уверенно и без всякого колебания.

Pa beginsa Eshu go avanen oli, bli suy patra. Bat ti ela porti na grave kazan fatigisi ela, e gradualem ela begin resti oltaim pyu baken. Afte dwa ora de fatigi-she going ela es yo bli plenjen kel zai go yus in mida de kolona. Al sey taim dasta zai go uupar krute kolina, e Raterford vidi ke gran sudor-guta lwo fon elay fas. Ela zai spiri mushkilem por fatiga. Gwerjen kel go al vakue handas iven bu dumi om helpi ela. A li sembli ga naturale ke gina hi mus porti oli grave kosa.

Эшу сначала шагала впереди всех, рядом со своим отцом. Но тяжелый котел, который она несла, утомлял ее, и постепенно она стала отставать. Через два часа утомительной ходьбы она шла уже рядом с пленниками, которые находились как раз посередине колонны. В это время отряд подымался по склону крутого холма, и Рутерфорд видел, как пот катился крупными каплями с ее лица. Она прерывисто дышала от утомления. Воины, шедшие с пустыми руками, и не думали помочь ей. Им казалось вполне естественным, что все тяжести должны тащить на себе женщины.

Raterford en-piti yungina. Ta lai a ela, pren kazan fon elay kapa e pon it on swa-ney kapa. Eshu gro-astoni por sey akta, bat shwo nixa. Gwerjen un-nem dumi ke Raterford yao propisi kazan, e lai defensi kaptura de ley shefa. Bat marjen expliki a li, ke ta ve returni kazan a gela wen oni lai a vilaja de Emaii. Dan gwerjen lyu ta, obwol li es gro-surprisi-ney.

Eshu, librisi-ney fon grave loda, nau wud mog fasilem ateni patra. Bat ela go kun Raterford.

Pa middey oni stopi pa sahil de ruchey fo reposa-pausa. Maoris tuy begin shikari fish bay lanza. Fish es syao, e oni trefi it bay lanza sol rarem. Sol kelke fortunnik pai dwa-tri syao fish. Otres kapti hampi nixa.

Marjen bu hev lanza. Bat li inventi otre dao fo kapti fish, e it fa-reveli mucho pyu sukses-ney. Li depon jakas, huntisi li bay manshas e pai kom resulta koysa neta-simile. Li pon sey neta inu akwa, trani it kontra fluisa pa charshi stepa, e poy aussipi on herba den kelke stoka de brili-she salti-she fish-ki. Maoris bu mog fai nul suon por astona. Li ga bu koni tal simple e byen dao de fishing. Emaii pren kelke fish-ki bay handa, dabe cheki ob li bu es jadu-ney. Non, fish-ki es ga vere.

Marjen zwo agni, liti akwa inu kazan e kuki fish-sup. Fish-sup es tanto mucho ke li chi meno kem haf e den lo reste dai a maoris.

Рутерфорду стало жаль девушку. Он подошел к ней, снял с ее головы котел и поставил его себе на голову. Эшу была глубоко поражена его поступком, но не протестовала. Воины сначала подумали было, что Рутерфорд собирается присвоить котел, и хотели вступиться за добычу своего вождя. Но моряк объяснил им, что отдаст котел девушке, когда они придут в деревню Эмаи, и воины оставили его в покое, хотя были очень удивлены.

Эшу, освобожденная от тяжелой ноши, могла бы теперь без труда догнать отца. Но она пошла рядом с Рутерфордом.

В полдень все сели отдохнуть на берегу ручья. Новозеландцы сейчас же принялись бить рыбу копьями. Но рыба была очень мелкая, и попадать в нее им удавалось редко. Только немногим счастливцам достались две-три маленькие рыбки. Остальные не поймали почти ничего.

Морякам неоткуда было взять копья. Но они придумали другой способ ловить рыбу, который оказался гораздо удачней. Сняв свои куртки и связав их рукавами, они опустили их в воду. Получилось нечто вроде невода. Протащив свой невод шагов сорок против течения, они высыпали из него на траву несколько сотен блестящих прыгающих рыбок. Новозеландцы столпились вокруг и от удивления не могли произнести ни звука. Такой простой и удобный способ рыбной ловли был им совершенно неизвестен. Эмаи взял несколько рыбок в руки, чтобы проверить, не заколдованные ли они. Но нет, рыбки были самые настоящие.

Между тем моряки развели костер, налили в котел воды и сварили уху. Ухи вышло так много, что они не съели даже половины и остальное отдали новозеландцам.

Afte tri-ora-ney stopa pa sahil de ruchey dasta go for. Bat yo afte un milya li en-vidi in dalitaa menga de gwerjen kel zai go versu li pa mita. Shulin-daokin in Nyu-Siland es tanto tange ke muving in ambi direksion pa same taim es hampi noposible. Raterford en-fobi ke dasta de Emaii mog fai draka kun miti-ney jen por kamina. Bat suy prefoba bu realifi. Ti go pa mita na gwerjen latifem stepi a taraf fon daokin, al krai lautem:

"Airmaree, Emaii!"

"Airmaree, Nene!" gwerjen de Emaii jawabi.

Nene, shefa de miti-ney dasta, rekoni Emaii kom sobreyuan e obedi ta. Ambi shefa amigem froti nos bay nos. Oni tuy fai nove reposi-stopa. Kun astona Nene examini blan wan. Poy ta dukti Emaii a baken bush, e ambi shefa kunshwo longtaim, ahfi-yen fon oli. Pa fin un gwerjen lai a marjen e deklari ke Emaii yao shwo kun Tompson. Tompson go a shefa sin nokalmi.

Afte haf-ora Emaii lai aus bush e komandi ke suy dasta muvi for. Tompson yok.

"Wo es Tompson?" Raterford kwesti Eshu.

"Patra doni ta a Nene pa signa de amigitaa," gela jawabi. "Nene he dukti ta kunem. Oni tapi suy muh bay lif, dabe ta bu mog voki yu oli fo helpa."

Проведя на берегу ручья часа три, отряд двинулся дальше. Но не прошли они и мили, как вдали увидели множество воинов, идущих им навстречу. Лесные тропинки в Новой Зеландии так узки, что разойтись на них почти невозможно, Рутерфорд испугался, как бы отряд Эмаи не затеял драку со встречными из-за дороги. Но опасения его не оправдались. Шедшие навстречу воины предупредительно оставили тропинку и отодвинулись в лес, громко крича:

– Айр-маре, Эмаи!

– Айр-маре, Нэнэ! – отвечали воины Эмаи.

Нэнэ, вождь встречного отряда, признавал Эмаи своим владыкой и подчинялся ему. Оба вождя дружески потерлись носами. Сейчас же был сделан новый привал. Нэнэ с удивлением рассматривал белых. Потом он отвел Эмаи в кусты, и оба вождя долго там разговаривали, скрывшись от всех. Наконец к матросам подошел воин и объявил, что Эмаи хочет говорить с Томпсоном. Томпсон отправился к вождю, ни о чем не беспокоясь.

Спустя полчаса Эмаи вышел из кустов и приказал своему отряду трогаться в путь. Томпсона с ним не было.

– Где Томпсон? – спросил Рутерфорд, обращаясь к Эшу.

– Отец подарил его Нэнэ в знак дружбы, – ответила девушка. – Нэнэ увел его с собой. Ему заткнули листьями рот, чтобы он не мог позвать вас на помощь.

"Povre Tompson!" Raterford exklami. "Nu iven bu he shwo adyoo a mutu!"

"Nau nu resti sol char," Jek Mallon shwo kun griva.

Ta bu jan, ke sun li resti yoshi meno.

Separa

Al aksham li lai a un bugran vilaja kel loki, kom oli maori-ney ipu, on kolina-sima. Raterford un-nem dumi ke se hi es vilaja de Emaii. Bat Eshu expliki a ta, ke se es vilaja de Patam, e vilaja de Emaii es haishi pa dwa dey de going.

Shefa Patam kun oli subyuan miti li bifoo vilaja. Afte pinchan saluta-kraisa, dasta de Emaii zin stakatot-geit. Inen stakatot ye sol shi-dwa huta. Vilajer mengi sirkum plenjen. Patam es sam jigyas-ney kom otres. Ta palpi marjen fon kapa til peda, al lautem admiri blantaa de ley derma. Poy, por joisa, ta doni a li un gran fet-ney swina.

Marjen en-joi por dona e desidi chi swinamasu tuy, bikos li sta yo hunge. Jon Smit kati-kili swina bay suy sikin. Ti stan sirkum na maoris bu aprobi tal dao de kili swina, e krai-blami lautem. Li pinchanem bu kati swina bat mah-droni ta in riva, dabe hema bu chu. Li opini hema kom gro-lakma. Akta de Jon Smit sembli stupide e nospare a li. Kun indigna li kan komo

– Бедный Томпсон! – воскликнул Рутерфорд. – Мы не успели с ним даже проститься!

– Нас осталось всего четверо, – горестно сказал Джек Маллон.

Он не знал, что скоро их останется еще меньше.

Разлука

Вечером они подошли к небольшой деревне, расположенной, как все и-пу новозеландцев, на вершине холма. Рутерфорд решил сначала, что это и есть деревня Эмаи. Но Эшу объяснила ему, что это деревня Патама, а до деревни Эмаи еще два дня пути.

Вождь Патам встретил их со всеми своими подчиненными перед деревней. После обычных приветственных воплей отряд Эмаи вошел в калитку частокола. За частоколом находилось всего двенадцать хижин. Жители деревушки столпились вокруг пленников. Патам был любопытен не меньше остальных. Он ощупал моряков с ног до головы, громко восхищаясь белизной их кожи. Затем на радостях он подарил им большую жирную свинью.

Матросы обрадовались подарку и решили сейчас же поесть свинины, потому что успели проголодаться. Джон Смит заколол свинью своим ножом. Новозеландцы, стоявшие кругом, не одобрили такого способа убивать свинью и громко возмущались. Они обыкновенно не колют своих свиней, а топят в реке, чтобы не вытекала кровь, которую они считают необыкновенным лакомством. Поступок Джона Смита казался им глупым и расточительным. Они с негодованием смотрели,

valorful hema flui a arda. Afte ke marjen trani swina-lash a taraf, mucho savaja mah swa nich pa char pata e begin lisi hema-ney ramla.

Yedoh maori-ney indigna ga bu konfusi marjen. Kalmem li kuki in kazan den parta de swina-gamba e chi til sta gro-sate. Den reste masu li pon inu char basketa ke Raterford he pregi-pai fon gina.

Oni en-lagi somni sol al midnocha. Vilaja de Patam es tanto syao ke es mushkile tu instali oli gasta fo noching.

Sertem, oni bu mog ofri un aparte huta a blan wan, oni instali li inu farke-las. Poy reveli ke maoris zwo se pa intenta. Raterford e Jek Mallon somni kun Emaii e Eshu, Jefferson e Jon Smit somni kun Patam e suy familia. Duran nocha Emaii kelke ves en-stan e chu huta. Bat Raterford bu dai muhimtaa a to. Ta es fatigi-ney e somni glubem.

Oni jagisi Raterford e Jek Mallon ranem pa sabah. Li pren kazan e basketa kun masu, go aus. Gwerjen de Emaii tuy sirkumi li e dukti tra stakatot. Baken stakatot li vidi Jefferson. Ta stan sole al silensi glumem e al teni sub bracha den suy basketa kun masu. Jon Smit yok.

"Wo es Smit?" Raterford kwesti alarmi-nem e lopi-lai a Jefferson.

как драгоценная кровь текла на землю. Когда моряки оттащили свиную тушу в сторону, многие дикари опустились на четвереньки и принялись лизать окровавленный песок.

Но негодование новозеландцев нисколько не смутило моряков. Они спокойно сварили часть свиного окорока в котле и наелись до отвала. Остальное мясо они сложили про запас в четыре корзины, которые Рутерфорд выпросил у женщин.

Спать легли только в полночь. Деревня Патама была так мала, что гости с трудом разместились в ней на ночлег.

Белым не могли, конечно, предоставить отдельную хижину, и их разместили по разным. Как потом оказалось, новозеландцы сделали это намеренно. Рутерфорд и Джек Маллон спали вместе с Эмаи и Эшу, а Джефферсон и Джон Смит – вместе с Патамом и его семьей. Ночью Эмаи несколько раз вставал и выходил из хижины. Но Рутерфорд не придал этому никакого значения. Он очень устал за день и спал крепко.

Рутерфорда и Джека Маллона разбудили рано утром. Взяв котел и корзины с мясом, они вышли на улицу. Воины Эмаи тотчас же окружили их и вывели за частокол. Там они увидели Джефферсона. Он стоял один, угрюмый, молчаливый, держа под мышкой свою корзину с мясом. Джона Смита рядом с ним не было.

– Где Смит? – встревоженно спросил Рутерфорд, подбегая к Джефферсону.

"Bu jan. Oni he dukti ta koylok," Jefferson jawabi egalsentem.

Raterford graspi Jefferson-ney plechas e gro-sheiki ta.

"Way hi yu bu jan? A wo hi oni he dukti ta?" ta krai.

Bat Jefferson kan ta bay kalme buvidi-she kansa e shwo nixa.

Raterford samaji: Emaii he doni Jon Smit a Patam.

Toy-dey-ney marsha es osobem mushkile. Daokin oltaim go uupar. Separa fon ko-jen mah Raterford e Jek Mallon denadi. Kwo hi li mog expekti, om kwo li mog nadi? Kwo li mog zwo sole, raslokisi-ney pa tote landa?

Jefferson nokalmisi Raterford yo depos longtaim. Koysa strane ye in suy silensa, in suy bugwanse jawabas. Al nau ta kwiti suy pinchan silensa e begin murmuri koysa kyetem. Raterford slu sey murmuring e kun astona merki ke Jefferson shwo ga sinsensu-ney wordamenga. Sol ga rarem ta jawabi a kwesta de ko-jen. Maistem ta sim bu audi kwo oni shwo, e murmuri for.

– Не знаю. Его увели, – ответил Джефферсон равнодушно.

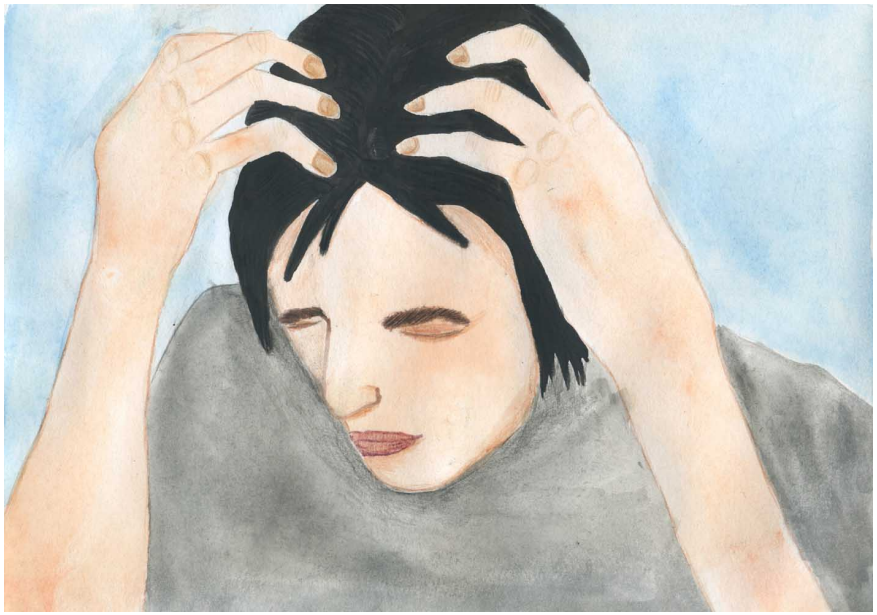
Рутерфорд схватил Джефферсона за плечи и сильно встряхнул его.

– Как не знаешь? Куда увели? – закричал он.

Но Джефферсон взглянул на товарища спокойным невидящим взором и ничего не сказал.

Рутерфорд понял: Эмаи подарил Джона Смита Патаму.

Переход в этот день был особенно труден. Тропинка шла все время в гору. Разлука с товарищами привела Рутерфорда и Джека Маллона в отчаяние. Чего им ждать, на что надеяться? Что могут они сделать в одиночку, разбросанные по всей стране?



Рутерфорда давно уже беспокоил Джефферсон. В его молчании, в его ответах невпопад было что-то странное. Теперь он вдруг изменил своей обычной молчаливости и стал бормотать себе тихо под нос. Рутерфорд прислушался к этому бормотанию и с удивлением заметил, что Джефферсон произносит совершенно бессмысленный набор слов. Редко-редко он отвечал на вопросы товарищей. Большей частью он просто не слышал, что ему говорят, и продолжал бормотать.

Pa sekwi-sabah oni majbur shwo adyoo a povre Jefferson toshi. Den ta lyu fo swa da shefa Wanaa, in kel-ney vilaja oni pasi-te dwa-ney nocha de sey triste safara. Sembli ke Emaii pagi bay plenjen pur noching. Bifoo separa fon Jefferson oni bu fai tal chauka-stepa kom bifoo separa fon Tompson e Smit. Nau plenjen es shao, Emaii bu expekti resista e direktem anunsi sun-ney separa. Also Raterford e Jek Mallon hev posiblitaa de fai adyoo a Jefferson.

"Adyoo, Jefferson," Jek Mallon shwo e en-plaki.

"Adyoo, lao amiga," Raterford shwo al klapi Jefferson-ney plecha.

Bat Jefferson shwo nul worda. Egalsentem ta presi handa de amigas e iven bu turni wen gwerjen de Wanaa dukti ta a huta de ley shefa.

"Shayad ta bu samaji yo, kwo zai eventi," Raterford shwo tristem al sekwi bay okos den Jefferson kel go wek.

Aus sit plenjen nau Emaii hev sol dwa: Raterford e Jek Mallon.

На следующее утро пришлось расстаться и с беднягой Джефферсоном. Его оставил себе вождь Вана, в деревне которого они провели вторую ночь своего печального путешествия. Эмаи, казалось, расплачивался пленниками за ночлег. Разлука моряков с Джефферсоном не обставлялась такими предосторожностями, как разлука с Томпсоном и Смитом. Пленников было теперь так мало, что Эмаи не опасался их и прямо объявил о предстоящей разлуке. Таким образом Рутерфорд и Джек Маллон получили возможность проститься с Джефферсоном.

– Прощай, Джефферсон, – сказал Джек Маллон и заплакал.

– Прощай, старый приятель, – сказал Рутерфорд, хлопая Джефферсона по плечу.

Но Джефферсон не сказал ни слова. Он равнодушно пожал руку друзьям и даже не обернулся, когда воины Вана повели его в хижину своего начальника.

– Он уже, кажется, перестал понимать, что происходит, – печально промолвил Рутерфорд, глядя вслед уходящему Джефферсону.

У Эмаи из шестерых пленников осталось только двое – Рутерфорд и Джек Маллон.

Emaii lai a hom

Tri-ney dey de safara es zuy mushkile. Monta-riva-ki oltaim krosi dao. Oni go tra li pa chyenlok, al ke ais-lenge akwa ateni galsa. Ston eskapi fon sub peda e kun guruha desapari in glube monta-gap. Iven mahtaful plechas de Raterford es fatigi-ney por porti grave kazan. Jek Mallon es yo exosti-ney e shakwi om kisma.

"Sertem li ve separi nu fon mutu toshi," ta plaki-shwo. "E kwo hi me ve zwo sole? Me ve pagalifi por dashat. Yu es forte, Raterford, yu es durte. Yu janmog ladi kun li. E me, den me oni ve kili pa un ora afte nuy separa..."

Raterford selfa fobi ke oni ve separisi li. Ta voki-mah-lai Eshu e kwesti ela kyetem, ob Emaii yao doni li a koywan, kom ta he doni otres.

"Non," yungina jawabi, "patra bu ve doni yu a koywan. Ta shwo-te ke ta ve lyu fo swa den zuy forte wan e den zuy yunge wan. Blan boy ke yu dukti kun swa, a ta patra ve dai gro-mucho chia, dabe ta kresi kway e bikam sam gran e sam jamile kom yu."

Sey worda kalmisi Raterford e konsoli Jek Mallon.

"Mogbi koytaim nu suksesi fugi fon hir," Jek Mallon shwo drimem. "Me ve returni a Dablin, a may mata..."

Эмаи прибывает домой

Третий день пути был самый трудный. Горные речки то и дело пересекали им дорогу. Их переходили вброд, по горло в ледяной воде. Камни вырывались из-под ног и с грохотом исчезали в глубоких ущельях. Даже могучие плечи Рутерфорда устали тащить тяжелый котел. А Джек Маллон совсем изнемог и громко жаловался на свою судьбу.

– Я уверен, что и нас разлучат с тобой, – причитал он. – А что я буду делать один? Я сойду с ума от ужаса. Ты, Рутерфорд, силен и хитер. Ты умеешь с ними ладить. А меня убьют через час после того, как я расстанусь с тобой...

Рутерфорд и сам боялся, что ему придется расстаться с Джеком Маллоном. Он подозвал к себе Эшу и тихонько спросил ее, не собирается ли Эмаи подарить их кому-нибудь, как он подарил остальных.

– Нет, – ответила девушка, – отец вас никому не подарит. Он говорил, что оставит себе самого сильного и самого молодого. Белому мальчику, которого ты ведешь с собой, отец будет давать очень много еды, чтобы он поскорее вырос и стал таким же большим и красивым, как и ты.

Эти слова успокоили Рутерфорда и утешили Джека Маллона.

– Быть может, нам когда-нибудь удастся бежать отсюда, – мечтательно произнес Джек Маллон. – Я вернусь в Дублин, к маме...

"Dabe mog fugi, nu treba jivi pa mar-sahil," Raterford jawabi. "Si nu fugi nau hi, eventi sama kom in kasu de Jon Wotson oda iven koysa pyu bade. Al nau nu mus trai gwin sol un kosa: ke islajen fidi nu e lasi nu go kadalok ke nu yao. Bat fo to haishi mucho falti."

– Для того чтобы бежать, нам нужно жить на морском берегу, – ответил Рутерфорд, – а если мы убежим сейчас, с нами будет то же, что с Джоном Уотсоном, или еще хуже. Пока мы должны добиваться только одного: чтобы островитяне вполне нам доверили и позволили нам ходить всюду, где вздумается. Но до этого еще очень далеко.

Afte go mucho ora sin reposa-stopa plenjen en-vidi un gran vilaja on dale kolina. Al en-jan ke es vilaja de Emaii, Raterford e Jek Mallon sospiri kun levifa: also sey fatigi-she safara fini sun, oni ve mog reposi. Yedoh, vilaja es haishi aika dale. Fo ateni it oni mus trago dwa riva.

После многочасовой ходьбы без единого привала пленники заметили на дальнем холме большую деревню. Узнав, что это деревня Эмаи, Рутерфорд и Джек Маллон облегченно вздохнули – значит, скоро конец этому утомительному путешествию и можно будет отдохнуть. Впрочем, деревня была еще очень далеко, и, прежде чем достичь ее, нужно было перебраться через две реки.

Un-ney riva fa-reveli ga chyen. Dasta trago it fasilem, iven sin mokrisi genus. Pa otre taraf de riva shulin es extirpi-ney, plenjen vidi un gran agra beplanten bay repa, kol, melon, nangwa e yoshi koy legum ke li bu koni.

Первая река оказалась очень мелкой, и отряд перешел ее с легкостью, не замочив даже колен. На другой стороне лес был выкорчеван, и пленники увидели большое поле, засаженное репой, капустой, дынями, тыквами и какими-то незнакомыми им овощами.

Kelke gina zai gun in agra. Li laxisi arda bay staka e ston-chapa, fo nove semening. Staka bu godi hao fo kavi arda, bat maoris bu koni lopata. In Nyu-Siland oli agra-gunsa gei zwo bay gina. Raterford divi ke li he pai laxisi tanto gran agra bay tanto nobyen tul.

На поле работало несколько женщин. Они разрыхляли кольями и каменными мотыгами землю для нового посева. Кол плохо приспособлен для копания земли, но лопат новозеландцы не знали. В Новой Зеландии все полевые работы лежали на женщинах, и Рутерфорд подивился, что им удалось такими неуклюжими орудиями взрыхлить такое большое поле.

Al vidi lai-she dasta, gina krai fon dalem den pinchan 'Airmaree!' e en-lopi pa ol mogsa a vilaja, dabe bringi joisaful habar pa un-ney hi.

Увидев приближающийся отряд, женщины издали прокричали свое обычное «айр-маре» и бросились со всех ног бежать в деревню, чтобы первыми принести радостную весть.

Sekwi-she riva kel krosi ley dao yus bifoo vilaja, it fa-reveli chaure e glube. Pa un-ney ves Raterford vidi tal gran riva in Nyu-Siland. Aften ta en-jan ke it nami Waikato. Tra oli bifoo-ney riva li go-te pa chyenlok, bat tu go tra Waikato pa chyenlok bu es posible. Vilajer sendi a li kelke piroga. Sey piroga es auskaten aus pina-balka e ornen bay jatile ingrava. Pa kapa de zuy gran piroga ye un stan-she stik kun kati-ney gina-kapa, yo ga suhifi-ney, do har ondi-she sub feng. Emaii zin sey foba-ney piroga. Suy ko-safari-sha zin reste piroga, e flotilia kway en-muvi versu kontra-ney sahil de riva.

Следующая река, которая пересекала им путь перед самой деревней, оказалась широкой и глубокой. Рутерфорд впервые видел в Новой Зеландии такую большую реку. Как он впоследствии узнал, она называлась Вайкато. Через все прежние речонки они переходили вброд, но через Вайкато вброд перейти было невозможно. Из деревни им прислали несколько пирог. Пироги эти были вырублены из сосновых бревен и украшены сложной резьбой. К носу самой большой пироги была прикреплена на палке отрубленная женская голова, совершенно высохшая, с развевающимися по ветру волосами. В эту страшную пирогу сел Эмаи. Его спутники расселись по остальным пирогам, и флотилия на всех веслах понеслась к противоположному берегу реки.

Piroga landi a nicha de kolina, on kel-ney sima vilaja loki. Es evidente ke Emaii-ney ko-jen gro-sinian om janmalok, bikos li salti aus piroga e malgree fatiga en-lopi uupar pa ol mogsa. Eshu lopi zuy kway. Ela avanpasi oli man e pa un-ney hi arivi a hom-ney stakatot.

Пироги пристали к подножию холма, на вершине которого находилась деревня. Видно было, что спутники Эмаи очень стосковались по родному дому, потому что они стремительно выскочили из пирог и, несмотря на усталость, со всех ног пустились бежать вверх. Особенно быстро бежала Эшу. Она опередила мужчин и первая достигла родного частокола.

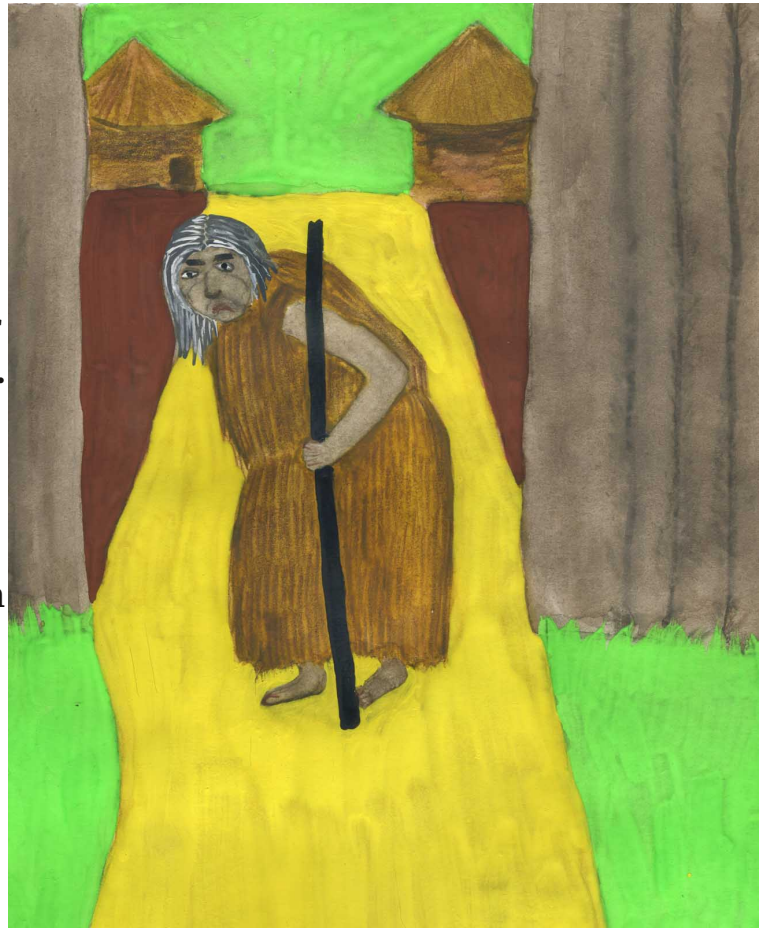
Furia-nem wuli-she jenmenga lai fo miti li. Gina swingi borya kom saluting. Man skrapi swa-ney fas bay naka e ston-ki. Avanen oli resivi-sha ye un gorbi-ney rugi-ney laogina. Grey har on elay kapa es tanto rare ke oni travidi brun ronde kapal. In elay muh denta yok. Ela go al apogi on nodaful stik e al kan-kan dushtem. Sey laogina sembli nafra-ney a plenjen.

Исступленно завывающая толпа вышла им навстречу. Женщины в знак приветствия махали в воздухе циновками. Мужчины разрывали себе ногтями и камешками кожу на лице. Впереди всех встречающих стояла сгорбленная, сморщенная старуха. Седые волосы на ее голове были так редки, что сквозь них проглядывал коричневый круглый череп. Во рту у нее не было ни одного зуба. Она шла, опираясь на сучковатую палку, и злобно глядела по сторонам. Эта старуха показалась пленникам отвратительной.

Yedoh a ela hi Eshu lopi un-nem. Longtaim Eshu froti suy syao nos-ki kontra huklik nos de lao jadugina. Poy

Но именно к ней раньше всего подбежала Эшу. Она долго терла свой маленький носик о крючковатый нос старой ведьмы.

Emaii lai a laogina e toshi longtaim froti suy nos kontra ela. Patra e docha aspekti santush, felise. Diva yok: sey nafra-ney laogina es mata de Emaii e oma de Eshu.



Pa un-ney minuta oli tanto joi por lai a dom ke ga fogeti om plenjen. Raterford e Jek Mallon klimbi a kolina-sima pa laste, pa hunta kun gulam kel porti grave loda. Emaii en-remembi om li e dukti li a swa-ney mata. Laogina dushtem examini plenjen al fruni grey yeroshen brovas. Ela bu pri li gro. Turan ela begin hisi e farfari kom iri-ney kota. Poy ela extendi suy longe ostalik bracha e pinsi gamba de Jek Mallon. Agude, masbute naka pirsi derma de yunge marjen. Jek Mallon ek-krai lautem e salti a taraf.

Ti stan sirkum na gwerjen en-fai ha-ha alegrem. Bat Emaii fai nosantush kansa a li, e rida stopi tuy.

Haishi longtaim li froti nos bay nos, krai, skrapi swa til hema por joisa. Pa fin ol jenmenga zin vilaja gurtem.

Vilaja de Emaii verem simili shefvilaja: hir ye amini semshi huta. Nul ti plenjen gwo visiti na vilaja mog fa-

Потом к старухе подошел Эмаи и тоже долго терся о нее носом. У отца и дочери был счастливый, довольный вид. Да и не мудрено – ведь эта отвратительная старуха была матерью Эмаи и бабушкой Эшу.

В первую минуту все так радовались своему возвращению домой, что совсем позабыли о пленниках. Рутерфорд и Джек Маллон поднялись на холм последними, вместе с рабами, которые тащили тяжелую поклажу. Но наконец Эмаи вспомнил о них и подвел к своей матери. Старуха злобно осмотрела пленников из-под косматых седых бровей. Они ей очень не понравились. Она стала шипеть и фыркать, как разозленная кошка. Потом вдруг протянула длинную костлявую руку и ущипнула Джека Маллона за ногу. Острый, крепкий ноготь вонзился глубоко в кожу молодого моряка. Джек Маллон громко вскрикнул и отскочил в сторону.

Воины, стоявшие кругом, радостно захохотали. Но Эмаи недовольно взглянул на них, и смех сразу оборвался.

Долго еще они терлись носами, кричали, царапали себя от радости в кровь. Наконец всей толпой ввалились в деревню.

Деревня Эмаи действительно была похожа на столицу – в ней находилось по крайней мере семьдесят хижин. Ни одна из

kompari kun it relatem grantaa. Also bu es strane ke suy habiter he subordini a swa den vaste landa.

Huta de Emaii es yus in mida de vilaja. It es mucho pyu gran kem otre huta. Bat suy zindwar es sam nise kom zindwar de oli maori huta: al zin swa-ney palas, sobreshefa majbur muvi pa char pata. In ofnelok oni tuy aranji festachia. Sol zuy eminente gwerjen partisipi in it. Restes stan sirkum al kan. Raterford fa-astoni wen turan Emaii mah-sidi ta kun Jek Mallon bli swa. Shefa fai honor a plenjen, honor ke maiste subjen bu pai. Oni bringi rosten swina. Eminente gwerjen ataki chia kun pinchan hunga.

Inter chi-sha ye sol un gina. Es mata de Emaii. Iven den Eshu oni bu lasi partisipi in festachia. Ela stan in jenmenga e kan komo elay patra e oma chabi. Plenjen samaji ke Emaii trati li amigem, e en-joi por to. Bat un kosa nokalmisi li: mata de Emaii kan-kan li tanto dushtem ke al kada elay kansa Jek Mallon ek-tremi por foba.

Oni chi duran sirke tri ora. Pa fin swina es chi-ney, e gwerjen begin gani chuyshuke gwerlik gana. Surya he lwo, stara yo glimi in skay, e gwerjen zai gani oltaim pyu lautem, oltaim pyu furia-nem. Muchos en-stan pa salta e virti mer in aira. Gwerlik gana mah li gro-agiti-ney, e Raterford en-fobi ke koy batala mog en-ye.

Dan shefa de visin-ney vilaja kun dwa son arivi fo

деревень, в которых побывали пленники, не могла сравниться с ней величиной. Не мудрено, что жители ее подчинили себе такой обширный край.

Хижина Эмаи стояла в самой середине деревни. Она была гораздо больше остальных хижин. Но вход в нее был так же низок, как вход во все новозеландские хижины, – верховный вождь, входя в свой дворец, должен был становиться на четвереньки. На поляне был сейчас же устроен торжественный пир. В этом пире участвовали только самые знатные воины. Остальные стояли кругом и смотрели. Рутерфорд очень удивился, когда Эмаи вдруг усадил его и Джека Маллона рядом с собой. Вождь оказал своим пленникам честь, которой не было удостоено большинство его подданных. Принесли зажаренную свинью. Знатные воины накинулись на еду с обычной жадностью.

Среди пирующих была всего одна женщина – мать Эмаи. Даже Эшу не разрешили участвовать в пиршестве, и она стояла в толпе, глядя, как жуют ее отец и бабушка. Пленники поняли, что Эмаи относится к ним дружелюбно, и обрадовались. Одно их тревожило – мать Эмаи поглядывала на них так злобно, что при каждом ее взгляде Джек Маллон вздрагивал от страха.

Ели часа три. Наконец свинья была съедена, и воины стали петь хвастливые воинственные песни. Солнце уже давно зашло, в небе уже сверкали звезды, а воины пели все громче, все яростнее. Многие вскакивали на ноги и крутили в воздухе мэрами. Воинственные песни разгорячили их еще больше, и Рутерфорд стал опасаться, как бы между ними не началось побоище.

Тут к пирующим подошел вождь соседней деревушки,

saluti Emaii. Ta bringi tri basketa kun melon kom dona a sobreshefa. Emaii kun joisa resivi gasta, mah li sidi bli swa. Sol dan ta merki ke ugostika yok: swina es yo chi-ney.

"Yao hema! Yao hema!" turan gwerjen en-krai al stopi gani.

Raterford samaji maori lingwa yo aika hao. Bat ta bu mog samaji kwo gwerjen yao.

Yedoh sun olo fa-klare.

Mata de Emaii en-stan e go inu jenmenga kel stan sirkum chi-sha. Oli rasstepi bifoo ela fobisi-nem. Laogina hunga-nem kan sirkum. Turan ela merki swa-ney gulamina, un gina do sirke trishi yar. Ela graspi suy handa e dukti a mida de sirkula. Gulamina bu fai resista. Laogina kway pren mer fon son-ney handa e kili ela bay un darba an kapa.

Gwerjen tuy en-kavi yama fo rosti lash. Kelke gina es sendi-ney fo bringi suhbranchika.

Raterford e Jek Mallon es presente al jen-chiing yo pa dwa-ney ves. Li senti gro-muaka. Nafra, pita, dushtitaa es tanto gro ke olo en-virti bifoo ley okos. Sin shwo enisa, ambi en-stan e go wek fon fuy-festachia. Nulwan trai stopi li. Li go a zuy dale fin de vilaja e en-lagi on herba bli stakatot.

прибывший с двумя сыновьями, чтобы приветствовать Эмаи. Он притащил три корзины дынь в подарок верховному вождю. Эмаи радостно встретил гостей и усадил их с собой. И тут только заметил, что угощать их ему нечем – свинья была съедена.

– Крови! Крови! – вдруг закричали воины, перестав петь.

Рутерфорд уже неплохо понимал новозеландский язык. Но чего хотят воины, он понял не сразу.

Впрочем, скоро ему все стало ясно.

Мать Эмаи встала и вошла в толпу, стоявшую вокруг пирующих. Все испуганно расступились перед ней. Жадно глядя по сторонам, старуха вдруг увидела свою рабыню – женщину лет тридцати. Она схватила ее за руку и вывела на середину круга. Рабыня не сопротивлялась. Старуха выхватила из рук сына мэр и убила ее одним ударом по голове.

Воины сейчас же принялись рыть яму, чтобы изжарить труп. Несколько женщин послали за хворостом.

Рутерфорд и Джек Маллон уже второй раз присутствовали при людоедстве. Они почувствовали страшную тошноту. Брезгливость, жалость, отвращение, злость были так сильны, что все закружилось у них перед глазами. Не сговариваясь, они оба встали и пошли прочь от поганого пира. Никто их не старался задержать. Они зашли в самый дальний конец деревни и улеглись на траву возле частокола.

Dar li lagi til suryachu al kan stara. Al sabah Raterford merki un tange gap in stakatot, gap bu pyu chaure kem un finga. Tra it ta kan a baken stakatot, kan longem e atentem.

Dom to fortesa

Al suryachu festachia fini, e chi-sha rasgo a huta fo somni. Gina go a agra fo gun, e vilaja fa-vakue. Kelke gwerjen kel gardi stakatot, li zai sidi sub surya-shaisa kun lanza in handa e toki lanem. Raterford e Jek Mallon zai wandi tristem ahir-adar pa gata, al mah-wek bay stik den magre doga kel trai kusi ley gamba.

Emaii en-jagi exaktem al middey e tuy komandi ke oni dukti plenjen a suy huta.

Raterford fa-alarmi al en-jan ke shefa demandi ke li lai. Kwo si Emaii iri por ke yeri plenjen kwiti festachia tanto chunautem?

Yedoh sobreshefa resivi li kun smaila. Ta mangi dela: bay lin-trapa ta mah-wek polva fon kelke ligne figura-ki kel stan in angula de huta. Sey figura-ki, kom Raterford en-jan aften, li es sante imaja de tribu-ney prajen. Li es zwo-ney aika kushalem e doti-ney bay tanto dashat-ney fas, ke al kan li eniwan senti sinvole trepa. Sobreshefa es yoshi sobrepreiyuan, ta kipi imaja de prajen in swa-ney huta.

Там они пролежали до рассвета, глядя на звезды. Утром Рутерфорд заметил в частоколе узкую щель, не шире пальца. Он долго внимательно смотрел через нее за частокол.

Дом-крепость

С восходом солнца пиршество кончилось, и пирующие разбрелись по хижинам – спать. Женщины ушли в поле на работу, и деревня опустела. Несколько воинов, охранявших частокол, сидели на солнцепеке с копьями в руках и лениво разговаривали. Рутерфорд и Джек Маллон уныло бродили по деревенской улице взад и вперед, отгоняя палками тощих собак, норовивших укусить их за ноги.

Эмаи проснулся ровно в полдень и сразу же приказал привести пленников к нему в хижину.

Рутерфорд встревожился, узнав, что вождь требует их к себе. А вдруг Эмаи рассердился на своих пленников за то, что они так вызывающе ушли вчера с пира?

Но верховный вождь встретил их улыбаясь. Он занят был делом – стряхивал льняной тряпочкой пыль с деревянных фигурок, стоявших по углам хижины. Эти фигурки, как Рутерфорд узнал впоследствии, были священные изображения предков племени. Сделаны они были довольно искусно и награждены такими страшными рожами, что при взгляде на них всякий невольно испытывал трепет. Верховный вождь был в то же время верховным жрецом и изображения предков хранил в своей хижине.

Raterford shuki bay okos den Eshu. Ta sempre preferi shwo kun Emaii al ke Eshu ye, dabe mog yusi-pai elay protekta. Bat Eshu in huta yok. Shayad ela gun in agra kun reste gina. Inplas Eshu Raterford merki in angula den mata de Emaii, e en-sta buhao. Toy wan bu ve konsili nixa hao a swa-ney son. Pa fortuna, ferose laogina zai somni glubem al sinki fas in senu.

"Yu mus bildi dom fo swa," Emaii shwo kalmem e iven amigem.

Raterford tuy pri sey ofra. Si Emaii yao ke li bildi dom fo swa in suy vilaja, also Eshu es prave, ta bu yao ni doni li, ni chi. Emaii kan Raterford kwestem, bat Raterford bu jawabi, weiti-yen kwo Emaii shwo for.

"Me permiti ke yu bildi dom enilok ke yu yao inen stakatot," Emaii shwo for. "Me ve komandi a gina tu kati-bringi kana fo mur, gwerjen ve helpi yu tu bati staka inu arda. Yu mog bildi un gran dom, si yu yao. Bat hay it es meno gran, kem may-la. Wel, kwo yu shwo, Hwan-har-ney?"

Raterford dumi idyen.

"Hao," ta jawabi. "Nu ve bildi un dom, kom yu komandi. Bat nu bu nidi helpa de gina e gwerjen. Nuy dom ve bi sin kana e sin staka. Ti nu yao jivi na dom es tal dom ke nu jivi-te pa janmalok. E pa nuy janmalok oli dom es ga otre. Lasi nu bildi tal dom."

Рутерфорд искал глазами Эшу. Он всегда предпочитал разговаривать с Эмаи в присутствии его дочери, чтобы можно было прибегнуть к ее защите. Но Эшу в хижине не было. Она, очевидно, работала в поле с остальными женщинами. Зато Рутерфорд заметил в углу мать Эмаи, и ему стало не по себе. Нет, она не посоветует своему сыну ничего доброго. К счастью, свирепая старуха крепко спала, уткнувшись лицом в сено.

– Вы должны выстроить себе дом, – сказал Эмаи спокойным и даже дружелюбным голосом.

Рутерфорд сразу оценил это предложение. Если Эмаи хочет, чтобы они выстроили себе дом в его деревне, значит, Эшу права и он не собирается их ни дарить, ни есть. Эмаи вопросительно взглянул на Рутерфорда, но Рутерфорд ничего не ответил, ожидая, что вождь скажет дальше.

– Я позволяю вам выстроить дом в любом месте деревни, где вам больше понравится, – продолжал Эмаи. – Я прикажу женщинам нарезать тростника для стен, а воины помогут вам вбить колья в землю. Выстройте себе, если хотите, большой дом, но только пусть он не будет больше моего. Ну, что ты скажешь, Желтоголовый?

Рутерфорд задумался.

– Хорошо, – сказал он. – Мы выстроим себе дом, как ты нам велишь. Но нам не надо помощи женщин и воинов. Наш дом будет без тростника и без кольев. Мы хотим жить в таком доме, в каком жили у себя на родине. А на родине нашей дома совсем не похожи на здешние. Позволь нам выстроить такой дом.

"Me lasi," Emaii aprobi. "Me ve garwefai versu otre shefas por ke me hev tal dom kel she li yok. Bildi it zuy kway posible. Kwo yu nidi dabe gun?"

– Позволяю, – согласился Эмаи. – Я буду гордиться перед остальными вождями, что у меня в деревне есть дом, какого нет во всей стране. Постройте его как можно скорее. Что вам нужно для вашей работы?

"Dwa acha e kelke naga ke yu he pai fon nuy ship," Raterford jawabi.

– Два топора и немного гвоздей, которые ты достал у нас на корабле, – ответил Рутерфорд.

Emaii tuy dai a li den dwa acha e para shi-dwaka naga. Raterford pren handa de Jek Mallon, e li ambi chu huta.

Эмаи немедленно выдал им топоры и две дюжины гвоздей. Рутерфорд взял Джека Маллона за руку, и они оба вышли из хижины.

"Kwo yu begin, Raterford?" Jek Mallon kwesti perplexem. "Yu yao bildi hir un vere dom, kom in Ingland? Bat way? Ob yu bu nadi fugi, ob yu yao instali swa hir fo tote jiva? Bifoo fugi nu mog ya jivi in koy savaja-huta. Way gun vanem e bildi un vere dom?"

– Что ты затеял, Рутерфорд? – спросил Джек Маллон в полном недоумении. – Ты хочешь здесь построить настоящий дом, как в Англии? Но зачем он нам? Неужели ты не надеешься удрать отсюда и собираешься устроиться тут на всю жизнь? До побега мы можем пожить и в дикарской хижине. К чему даром трудиться? Зачем строить настоящий дом?

"Me bu sal bildi dom, me sal bildi ipu," Raterford jawabi.

– Я не собираюсь строить дом, я собираюсь строить и-пу, – ответил Рутерфорд.

"Ipu ku? To es fortesa?" Jek Mallon rikwesti.

– И-пу? То есть крепость? – переспросил Джек Маллон.

"Ya, fortesa. Nu nidi nuy prope fortesa, wo nu wud mog fai defensa si savajas yao kili nu o separi nu. Nu ve bildi nuy fortesa inen ley vilaja. E mogbi kun suy helpa nu ve gwin libritaa."

– Да, крепость. Нам нужна наша собственная крепость, в которой мы могли бы защищаться, если дикари вздумают нас разлучить или убить. Мы выстроим свою крепость посреди их деревни. И, быть может, с ее помощью мы завоюем себе свободу.

"Libritaa? Komo hi?"

– Свободу? Каким же образом?

"Yu ve vidi. E al nau treba begin gunsa."

– Увидишь. А пока надо приниматься за работу.

Bifoo olo, treba findi plasa fo futur-ney dom. Raterford go along gata til fin de vilaja e, pa shi stepa fon stakatot, ta rasmi un gran kwadra on arda.

"Hir nuy dom ve stan," ta shwo.

"Way yu yao bildi it yus pa mida de gata?" Jek Mallon kwesti. "Pyu hao ke it es in same fila ke maori huta."

"Emaii lasi ke nu selekti eni plasa fo bildi dom. Me opini ke sey hi plasa es zuy byen. Si dom stan pa borda de gata, kom oli otre dom, fon it oni mog vidi sol kontra-ney borda de gata. Bat si dom stan pa mida de gata, fon it oni mog vidi olo ke eventi in tote gata, fon un fin til otre. Sikom in sey vilaja ye sol un gata, fon nuy dom nu ve mog vidi olo ke eventi in tote vilaja."

Den dom to fortesa oni bu mog zwo aus kana. Oni mus bildi it aus ston o grose balka, dabe ni lanza ni iven kula mog pirsi mur. Sikom bildi-sha hev nul tul fo kati ston, li majbur selekti balka. Bat wo pai balka? Li bu mog go a shulin, bikos oni bu lasi li aus. Krome, komo hi li wud trani grave balka fon shulin sin kaval, sin gari?

Yedoh Raterford findi chudao. Inen vilaja ye un salim shulinkin aus shi-pet pina, gao e grose. Li kresi ga bli stakatot. Afte un minuta acha de plenjen en-tuki kontra sey pina.

Прежде всего нужно было найти место для будущего дома. Рутерфорд прошел по улице в самый конец деревни и в десяти шагах от щели в частоколе начертил на земле большой квадрат.

– Здесь будет стоять наш дом, – сказал он.

– Зачем ты хочешь построить его прямо посреди улицы? – спросил Джек Маллон. – Поставь его лучше в один ряд с хижинами новозеландцев.

– Эмаи позволил нам выбрать любое место для постройки дома, – возразил Рутерфорд. – А я считаю это место самым удобным. Если дом стоит на краю улицы, как все дома, из него видно только то, что делается напротив. Если же дом стоит посреди улицы, из него видно все, что делается по всей улице из конца в конец. А так как в этой деревне только одна улица, мы будем из нашего дома видеть все, что делается во всей деревне.

Дом-крепость нельзя делать из тростника. Его надо строить из камней или из толстых бревен, чтобы не только копья, но даже пули не могли пробить стену насквозь. Так как у плотников не было никаких инструментов для обтесывания камней, им пришлось остановить свой выбор на бревнах. Где же достать эти бревна? В лес пойти они не могли, потому что за частокол их не выпускали. Да и как тащить тяжелые бревна из леса, не имея ни лошадей, ни телег?

Но Рутерфорд нашел выход. В деревне уцелела рощица из пятнадцати высоких толстых сосен. Они росли возле самого частокола. Через минуту по их стволам застучали топоры пленников.

Haf-vilaja lopi-lai fo kan komo blan wan gun. Maoris nulves gwo dumi ke bay fer-acha oni mog mah-lwo pina tanto kway. Al pren achas fon "Agnesa", li yao-te yusi li kom arma, bu kom gun-tul. Pinchanem, dabe mah-lwo un baum, maoris mah-jal suy nicha bay agni e poy pushi bay handas dabe baum lwo. Fo un baum li spendi kelke ora. Wen Raterford en-jan om sey dao, ta divi: also, maoris ya treba-te gro-mucho ora, dabe sirkumi ol vilaja bay stakatot. Ta samaji ke stakatot es kreaten bay gunsa de kelke generasion.

Половина деревни сбежалась смотреть, как работают белые. Новозеландцы никогда не предполагали, что железным топором можно так быстро свалить сосну. Таща топоры с «Агнессы», они собирались употреблять их как оружие, а не как рабочие инструменты. Новозеландцы, когда им нужно было срубить дерево, прожигали его основание с помощью костра и затем валили на землю руками. На одну сосну уходило несколько часов. Узнав об этом способе, Рутерфорд подивился, сколько времени нужно было новозеландцам, чтобы обнести всю деревню частоколом. Он понял, что частокол создан трудами нескольких поколений.

Raterford zai gun kun kaif. Suy mahtaful muskula joi al tensi. Ta bu zwo-te ya nixa duran longe haf-yar, e to es mushkile fo sane jen abyasen a gunsa fon kinda-yash. Splinta rasflai kun tal forsa ke kan-sha sinvolem bu osi lai tro blisem. Afte mah-lwo kada baum, Raterford rifai spira e waipi sudor fon frenta bay pama. Dan Jek Mallon en-sidi raidem on lwo-ney tronka e haki brancha wek.

Рутерфорд работал с наслаждением. Его могучие мускулы радостно напрягались. Ведь он ничего не делал целых полгода, а это тяжело для здорового, с самых ранних лет привыкшего к труду человека. Щепки с такой силой летели во все стороны, что зрители невольно держались на некотором расстоянии. Свалив дерево, Рутерфорд переводил дух и стирал ладонью пот со лба. Тогда Джек Маллон садился верхом на поваленный ствол и отрубал сучья.

Afte mah-lwo tri pina e debranchisi li, marjen begin raskati li inu egale parta. Se okupi aika mucho taim, e Raterford afsosi ke sega yok. Aus kada pina resulti tri-char bugran grose balka. Jek Mallon mah-wek baumkuta, e Raterford zwo holika bli kada fin, tak ke

Повалив три сосны и очистив их от сучьев, они принялись разрубать их на части равной длины. Это заняло довольно много времени, и Рутерфорд пожалел, что у них нет пилы. Из каждой сосны получилось по три-четыре небольших, но толстых бревна. Джек Маллон освободил их от коры, а

oni mog pon balkas tuhun fo dom-karkasa.

Nau den tayari-ney balkas treba sundi a bildilok. Kan-sha fa-gro-astoni wen Raterford, ga sole, lifti-pon un balka on plecha e en-porti it, al fa-rude por eforta. In sey gao blan jen ye ya titanike forsa! Depos dan maoris, al miti Raterford, kan ta kun admira e iven foba.

Bilding de dom to fortesa duri sirke dwa wik. Emaii lasi li nochi in suy huta taimikem. Li lai tardem pa aksham, fatigen por gun, e tuy fai kama. Emaii resivi li karimem e amigem. Evidentem ta valori li e garwi por li. Li fobi sol suy mata. Ela gro-nopri li ambi, bat osobem ela heni Jek Mallon. Wen ta zin huta, ela hisi dushtem. Si Emaii bu kan, ela lansi inu fas de povre Jek den senu-chuf. Koyves pa nocha ta en-jagi por turan-ney tunga in flanka. To es laogina hi: utilisi-yen tumitaa, ela darbi ta bay swa-ney baston.

"Me fobi sey jadugina," Jek Mallon konfesi a suy amiga. "Ela yao chi me, sam kom den toy gina. Magari sun hi nu relokifi inu prope dom."

Duran to, mur de dom-karkasa shao-po-shao kresi. In avanmur Raterford lyu un ofnitura fo dwar, fo vere dwar, tra kel oni ve mog go sin fa-inklini.

"E wo nu ve haki-zwo winda?" Jek Mallon kwesti.

Рутерфорд сделал возле концов выемки. Эти выемки он расположил таким образом, чтобы бревна можно было сложить в сруб.

Теперь заготовленные бревна нужно было доставить на место постройки. Зрители поразились, когда Рутерфорд, без всякой посторонней помощи, взвалил бревно себе на плечо и понес, раскрасневшись от натуги. Кто мог подозревать, что в этом высоком белом человеке заключена такая исполинская сила! С тех пор новозеландцы, встречая Рутерфорда, глядели на него восхищенно и даже боязливо.

Постройка дома-крепости продолжалась около двух недель. Эмаи позволил им пока ночевать в его хижине. Они приходили поздно вечером, утомленные работой, и сейчас же ложились спать. Эмаи встречал их ласково и дружелюбно. Он, видимо, очень дорожил и гордился ими. Боялись они только его матери. Она невзлюбила их обоих, но особенно возненавидела Джека Маллона. Когда он входил в хижину, она злобно шипела. Стоило Эмаи отвернуться, как она швыряла в лицо несчастному Джеку клок сена. Иногда ночью он просыпался от неожиданной боли в боку. Это старуха, пользуясь темнотой, ударяла его своей клюкой.

– Боюсь я этой ведьмы, – признавался Джек Маллон своему другу. – Она хочет меня съесть, как ту женщину. Скорей бы перебраться в свой дом.

Стены сруба между тем мало-помалу росли. Спереди Рутерфорд оставил отверстие для двери – для настоящей двери, в которую можно будет входить не сгибаясь.

– А где мы прорубим окно? – спросил Джек Маллон.

"Nu bu ve haki-zwo winda," Raterford jawabi. "Oni bu treba winda in fortesa. Way zwo li? Sol fo ke oni ateni nu pyu fasilem? Non, in fortesa mus ye bu winda bat arma-dun. Kan ba, me he zwo yo kelke arma-dun. Tra li oni mog shuti-defensi muy hao."

Ta diki a Jek Mallon kelke dun trabori-ney in mur pa farke gaotaa fon arda.

"Shuti-defensi?" Jek Mallon fa-astoni. "Komo hi nu shuti si agni-arma yok?"

Raterford presi un finga kontra labas e kan sirkum. Bat li es inen karkasa, bifoo dwar jen yok, also nulwan mog vidi li. Dan Raterford fa-inklini, muvi un grave ligne pes a taraf, kavi arda sub it e pren aus yama-ki un pistola.

"Wo yu he pai it?" Jek Mallon kwesti al divi.

"In Emaii-ney huta sub senu oli pistola de nuy bosmen es ahfi-ney," Raterford jawabi. "Li es sem oda ot ge. Yeri pa nocha me en-sta lenge, glubifi inu senu e findi li."

"Way yu pren-te sol un ge?"

"Me fobi-te ke Emaii merki lusa. Dan ta wud tuy suspekti nu, bikos krome suy rishta sol nu hi visiti suy huta. Yedoh, bu es beda ke nu hev sol un pistola, beda es ke in sey pistola ye sol un sharja. Bat me bu

– Окошка мы прорубать не будем, – ответил Рутерфорд. – В крепости окошки не нужны. Зачем они? Только для того, чтобы до нас легче было добраться? Нет, в крепости должны быть не окошки, а бойницы. Смотри, я уже устроил несколько бойниц. Сквозь них можно отлично отстреливаться.

И он показал Джеку Маллону несколько дырочек, проверченных в стенах на разной высоте от земли.

– Отстреливаться? – удивился Джек. – Как же мы будем отстреливаться, если у нас нет огнестрельного оружия?

Рутерфорд прижал палец к губам и обернулся. Но они находились внутри сруба, перед дверью никого не было и никто их видеть не мог. Тогда Рутерфорд нагнулся, отодвинул в сторону тяжелый деревянный обрубок, разрыл под ним землю и вынул из ямки пистолет.

– Где ты достал его? – спросил изумленный Джек Маллон.

– У Эмаи в хижине под сеном спрятаны все пистолеты нашего боцмана, – ответил Рутерфорд. – Их там семь или восемь штук. Вчера ночью я озяб, зарылся поглубже в сено и нашел их.

– Отчего же ты взял только один?

– Я боялся, что Эмаи заметит пропажу. Он тогда, конечно, сразу заподозрил бы нас, потому что из посторонних только мы одни бываем в его хижине. Впрочем, не то худо, что у нас всего один пистолет, а то худо, что в этом пистолете всего один заряд. Но я не унываю. Если нам повезло раз, повезет и во второй. Со

tristefai. Si nu fai-te fortuna pa un ves, nu ve fai fortuna i pa otre ves. Afte kelke taim nu ve hev mucho sharja. Treba sol janmog weiti."

Raterford pon pistola bak inu yama-ki, kuydem kovri it bay arda e pon un ligna-pes sobre it.

Fo bilding treba oltaim nove balka. Kada dey Raterford mah-lwo un pina, e shulinkin gradualem fa-rare.

"Mah-lwo ba sey-la," unves Jek Mallon shwo a ta al indiki un gro-gran baum. "Es zuy gran pina in vilaja. Amini sit balka resulti aus it."

"Non, den sey-la me lyu," Raterford objeti. "Nu utilisi it fo otre dela."

"Fo kwel-la? – Jek Mallon kwesti."

Inplas jawabi, Raterford sirkumpren bay handas den pina-tronka e en-klimbi uupar. Bu es mushkile fo marjen abyasen a klimbing pa mastula. Ta klimbi uupar e uupar, til ke ta en-loki pa dine sima ke feng mah-swingi fon taraf a taraf. Al sidi on flexi-she brancha, ta begin examini hungem-si den gro-vaste spas kel fa-ofni bifoo ta.

Ta vidi dwa riva kel hunti pa tri milya fon vilaja, ta vidi sinfin-ney tapis de shulin, vidi dale monta kovren bay snega, vidi jatile neta de yaruga e de monta-gap, kel krosi ol landa. Ta kan zidem e atentem, kan kada

временем у нас будет много зарядов. Нужно только уметь ждать.

Рутерфорд положил пистолет назад в ямку, осторожно засыпал землей и закрыл сверху деревянным обрубком.

Постройка сруба требовала все новых и новых бревен. Рутерфорд каждый день валил по сосне, и роща мало-помалу редела.

– Сруби вот эту, – сказал ему как-то Джек Маллон, подводя его к огромному дереву. – Это самая большая сосна в деревне. Из нее выйдет по крайней мере шесть бревен.

– Нет, эту сосну я оставлю, – возразил Рутерфорд. – Она пригодится нам для другой цели.

– Для какой? – спросил Джек Маллон.

Вместо ответа Рутерфорд обхватил ствол сосны руками и полез вверх. Ему, моряку, привыкшему лазить по мачтам, это было нетрудно. Он лез все выше и выше, пока не очутился на тонкой вершине, которую ветер раскачивал из стороны в сторону. Присев на гнущийся сук, он стал жадно вглядываться в неизмеримое пространство, открывшееся перед ним.

Он видел две реки, соединяющиеся в трех милях от деревни, видел необозримый ковер лесов, видел вдали покрытые снегом горы, видел запутанную сеть оврагов и ущелий, перерезающих всю страну. Он упрямо всматривался в каждый холмик, в каждое углубление, он старался твердо запомнить мельчайшую

uuparlok e nichlok, ta trai memorisi oli syao detal de sirkum-loko.

Afte un wik de zide gunsa dom-karkasa bikam pa un-e-haf ves pyu gao kem Raterford. E Raterford desidi ke es taim fo zwo ruf. Fo ruf ta he reservi dine sima de kati-ney pina. Gunsa avansi kway, bat sun oli naga fini. Maoris opini naga kom verguyka, e Emaii deklari ke ta bu ve dai a li iven un naga pyu. Afte longe preging ta doni a plenjen den tel chori-ney fon "Agnesa"-ney depo-shamba. Bay sey tel li ligi ruf-ney balka-ki a uupare balkas de karkasa.

Wen ruf es tayar, li kalafati dun in karkasa bay suhe herba. Fo arma-dun Raterford zwo ligne tapa, bay sey tapa oni mog klosi arma-dun fon inen. Den dwar ta zwo aus grose planka; fo instali it ta yusi ligne sharnir, bikos fer-ney yok. Bay un gran pina-ney shuan oni mog shuani dwar.

Aus glina Raterford lepi un forna e stavi it ausen, bli dom. Kun pyu-ney plesir ta wud stavi it inen dom, yedoh al nau ta koni yo den maori fenshan e ta jan ke oni ve opini dom kom nosantisi-ney si fan gei kuki inen. E den nosantisi-ney dom treba destrukti tuy.

Emaii desidi fai komplete donishiltaa e doni a li toy kazan ke Raterford porti-te dabe helpi a Eshu. Dank a sey kazan li mog kuki fan pa Europa-ney dao.

Dom to fortesa es pa fin tayar. Fon it oni mog vidi ol gata til geit in stakatot.

подробность окружающей местности.

После целой недели упорного труда сруб стал в полтора раза выше Рутерфорда. И Рутерфорд решил, что пора приняться за крышу. Для крыши он припас тонкие вершины срубленных сосен. Работа подвигалась быстро, но скоро у них вышли все гвозди. В глазах новозеландцев гвозди – необыкновенная драгоценность, и Эмаи заявил, что не даст им больше ни одного гвоздя. После долгих просьб он подарил своим пленникам кусок проволоки, украденной из кладовой «Агнессы». Этой проволокой они прикрутили остальные брусья крыши к верхним бревнам сруба.

Когда крыша была готова, они законопатили щели в срубе сухой травой. Для бойниц Рутерфорд смастерил деревянные затычки вроде пробок – этими затычками можно было закрывать бойницы изнутри. Дверь он соорудил из толстых досок и, за неимением железных петель, повесил ее на деревянные. Она закрывалась большой сосновой щеколдой.

Печь Рутерфорд вылепил из глины и поставил ее перед домом, под открытым небом. Он с гораздо большим удовольствием поставил бы ее внутри дома, но ему теперь были хорошо известны обычаи новозеландцев, и он знал, что они сочтут его жилище осквернённым, если он станет готовить в нем пищу. А осквернённое жилище надо немедленно разрушить.

Эмаи решил быть щедрым до конца и подарил им тот котел, который Рутерфорд тащил, чтобы помочь Эшу. Благодаря этому котлу они могли готовить себе пищу по-европейски.

Дом-крепость наконец был готов. Из его двери открывался вид на всю улицу до самой калитки в частоколе.

Shikara

Afte returni a janma-vilaja, Eshu ga bu atenti plenjen. Sembli ke ela defai amigitaa kun Raterford. Ela bu chati kun ta duran oras kom bifooen. Ela en-somni bifoo ke ta fini gunsa, ela go a agra bifoo ke ta en-jagi. Oli duma de Eshu es kun elay amigina do kinda-yash ke ela miti-te afte longe separa. Ela iven bu dumi om Raterford. Li hampi bu vidi mutu. Ela bu lai-te iven un ves fo kan komo Raterford haki pina e bildi dom.

Bat tak es sol pa beginsa. Pa sekwi-dey afte ke plenjen relokifi fon Emaii-ney huta inu dom-fortesa, ela apari pa daklis. Ela divi por masivitaa e gaotaa de dom. It es sol pa haf-kuda meno gao kem huta de elay patra. Kun respekta ela klapi freshe balka bay pama.

"Es ya masbute dom!" ela shwo a Raterford. "Iven oli nuy gwerjen bu wud mog mah-lwo it. Shwo ba, pa yur janmalanda ye mucho tal dom?"

"Pa may janmalanda sol zuy povre jen habiti in tal dom," Raterford jawabi, "e dom de richa es pyu gao kem baum e simili monta."

"Ob yu es riche pa yur janmalanda?" yungina kwesti.

"Non, muy povre."

"E hir yu ve bi riche. May patra lubi yu. Ta ve mah yu muy riche, si yu bu fugi fon nu, kom yur brata yao-te.

Охота

Вернувшись в родную деревню, Эшу совсем перестала обращать внимание на пленников. Былая ее дружба с Рутерфордом, казалось, исчезла. Она уже не болтала с ним, как прежде, целые часы. Она засыпала раньше, чем он возвращался с работы, и уходила в поле раньше, чем он просыпался. Все мысли Эшу были заняты подругами ее детства, с которыми она встретилась после долгой разлуки, и о Рутерфорде она не думала. Они почти не виделись. Она не пришла ни разу даже посмотреть, как он валит сосны и строит дом.

Но так было только вначале. На другой день после переселения пленников из хижины Эмаи в дом-крепость она появилась у их порога. Дом поразил ее своей массивностью и вышиной. Он был только на пол-локтя ниже хижины ее отца. Она с уважением похлопала ладонью по свежим бревнам.

– Какой крепкий дом! – сказала она, обращаясь к Рутерфорду. – Его не могли бы повалить все наши воины, если бы собрались вместе. Скажи, на твоей родине много таких домов?

– На моей родине в таких живут только самые бедные люди, – ответил Рутерфорд, – а дома богатых больше деревьев и похожи на горы.

– А ты у себя на родине был богатый человек? – спросила девушка.

– Нет, очень бедный.

– А здесь ты будешь богатый. Мой отец полюбил тебя и сделает тебя очень богатым, если ты не убежишь от нас, как хотел

Ta ve dai mucho swina a yu. Yu es tanto forte, sertem yu ve gwin honor por gwer-batalas, yu ve bi nuy zuy hao gwerjen. Ol shikar ke yu ve pai al gwer, it bu ve fa-plasi inu yur dom. Kan ba, may patra he dai tanto mucho naga a yu! Ta ve dai a yu yoshi mucho farke kosa. Si may patra vidi ke yu bu yao fugi, yu ve bi gro-riche.

убежать твой брат. Он даст тебе много свиней. Ты такой сильный, ты, конечно, отличишься в боях и станешь лучшим нашим воином. В твоем доме не поместится добыча, которую ты возьмешь на войне. Смотри, сколько гвоздей дал тебе мой отец. Он даст тебе еще много разных вещей. Если мой отец увидит, что ты не хочешь убежать от него, ты будешь очень богатый.

"Shwo ba, Eshu," Raterford kwesti ela, "fo longtaim ku yu kwiti-te janma-vilaja?"

– Скажи, Эшу, – спросил ее Рутерфорд, – надолго ты покидала родную деревню?

"Ya, fo longtaim hi," yungina jawabi. "Patra sempre pren me kunem a gwer. Pa laste ves nu wandi-te fon un vesna til otre."

– Да, очень надолго, – ответила девушка. – Отец всегда берет меня с собой на войну. В последний раз мы странствовали с отцом от одной весны до другой.

"Me vidi-te komo yu joi-te al returni a hom," Raterford kontinu. "Shayad oftem hi yu dumi-te om hom-vilaja al wandi kun patra?"

– И я видел, как ты обрадовалась, когда вернулась домой, – продолжал Рутерфорд. – Ты, верно, часто вспоминала свою деревню, пока странствовала с отцом?

"Me sinian-te oltaim."

– Я тосковала все время.

"Me toshi sinian oltaim om may janmalanda," Raterford shwo.

– И я все время тоскую по своей родине, – сказал Рутерфорд.

Eshu en-dumi, en-silensi.

Эшу задумалась и замолчала.

"Me jan ke yu sinian," ela shwo pa fin. "E me piti yu gro."

– Я знаю, что ты тоскуешь, – произнесла она наконец. – И мне тебя очень жалко.

Raterford proposi a yungina tu examini dom fon inen. Ta ofni dwar. Eshu fai gro-interes om mekanisma de dwar. Pa un-ney ves ela vidi dwar ke oni mog klosi. Ela

Рутерфорд предложил девушке осмотреть дом изнутри. Он открыл дверь. Устройство двери очень ее заинтересовало. Эшу впервые видела дверь, которую можно было закрыть, и,

klosi e ofni it kelke ves bifoo zin.

Inen dom ye haishi nixa. Raterford yao konstrukti planka-kama in futur, bat al nau planka-kama haishi yok, li majbur somni simplem on senu. Eshu stopi pa mida de shamba al kan-kan inu kada angula timidem. Grositaa de mur fobisi ela. Maori huta es zwo-ney aus fragile kana ke oni mog fasilem tori in eni plasa. E in dom de blan wan Eshu senti swa kwasi in prison.

Arma-dun es tapi-ney. Jek Mallon ouran klosi dwar. En-ye fule tumitaa. Yungina ek-krai, pushi-ofni dwar e lopi wek.

Depos dan Eshu visiti plenjen kada dey. Bat nulves yo ela zin dom. Raterford bu pai shwofu ela.

Oni bu mog nami Emaii kom avarnik. Koyves ta es muy donishil versu plenjen. Yedoh afte returni a janma-vilaja ta begin dai ga shao fan a li. Raterford samaji kausa. Ta vidi ke maoris es muy povre e maistem jivi al haf-hungi. Li kati swina sol al solemne kasu. Iven sobreshefa koyves bu mog chi til sta sate. Bifooen Rengadi-vilajer hi mah-chi plenjen. Li mah-chi Emaii toshi wen ta kun suy dasta gasti she li. To bin kwasi tribut ke sobreshefa fai on subordinen vilaja. Bat nau she swa Emaii majbur mah-chi plenjen pa swa-ney spenda. E tu nutri dwa sane marjen bu es fasile.

прежде чем войти внутрь, несколько раз закрыла и открыла ее.

Внутри хижины было еще совершенно пусто. Рутерфорд собирался соорудить в будущем нары для спанья, но пока нар еще не было, и им приходилось спать просто на сене. Эшу остановилась посреди комнаты, боязливо заглядывая в углы. Толщина стен пугала ее. Новозеландские хижины сделаны из хрупкого тростника, который легко прорвать в любом месте. И в доме белых Эшу почувствовала себя как в тюрьме.

Бойницы были заткнуты. Джек Маллон случайно прикрыл дверь. Наступила полная темнота. Девушка вскрикнула, распахнула дверь настежь и убежала.

С тех пор Эшу стала ежедневно посещать пленников. Но Рутерфорду уже ни разу не удавалось уговорить ее зайти к ним в дом.

Эмаи действительно нельзя было назвать скупым. Он порой бывал даже очень щедр к своим пленникам. И все же, вернувшись в родную деревню, он стал совсем плохо кормить их. Рутерфорд понимал, отчего это происходит. Он видел, что новозеландцы очень бедны и большею частью живут впроголодь. Свиней режут только в очень торжественных случаях. Даже верховный вождь и тот не всегда мог наесться вволю. Прежде их кормили жители деревни Ренгади. Они же кормили и Эмаи, пока он вместе со своим отрядом гостил у них. Это было нечто вроде дани, которую верховный вождь накладывал на подчиненную деревню. Но теперь, у себя в столице, Эмаи принужден был кормить своих пленников за свой собственный счет. А прокормить двух здоровых моряков не так-то просто.

Raterford e Jek Mallon fa-magre afte un hi mes de jiving in shefvilaja. Li es sate sol wen Eshu ahfem bringi a li kelke legum fon agra. Si oni wud lasi li aus stakatot, li wud mog nutri swa via shikaring e fishing. Bat jen klosi-ney inen vilaja, komo ta mog nutri swa?

Pa fortuna, pa fin Jek Mallon findi media fo mah-wek beda. In Nyu-Siland ye mucho savaje paloma. Oftem paloma-menga flai fon shulin inu vilaja e shuki fan inter laza. Maoris probi shikari li bay ston e lanza. Yedoh savaje paloma es faula muy chauke, ta bu lasi jen blisifi.

Den sey paloma hi Jek Mallon desidi shikari. Bat ta bu yusi ston o lanza: iven maori nofasilem kili paloma bay lanza. Non, ta pregi-pai fon Eshu den dine korda plexi-ney aus lin-fibra, e zwo un syao lup pa it-ney fin. Ta selekti un syao kolina-ki inter dom e stakatot, pon on suy sima un handafula de karpus-semena e sirkumi semena bay lup. Poy, kun otre fin de korda in handa, ta ahfi swa baken un gran tokon pa dwashi stepa fon manilika. Paloma-menga kel zai flai pa ronda sobre vilaja, li sun merki temti-she semena. Afte kelke minuta un paloma stepi inu gadare lup. Jek Mallon ek-tiri korda, e lup klemi pata-ki de paloma. Yo afte haf-ora buchauke faula es buli-ney.

Sey shikari-dao fa-reveli tanto sukses-ney ke Jek Mallon kapti koyves pet o sit paloma per dey. Nau plenjen mog bu fobi hunga.

Рутерфорд и Джек Маллон исхудали за первый же месяц своей жизни в столице племени. Они были сыты только в те дни, когда Эшу тайком приносила им немного овощей с поля. Если бы их выпускали за частокол, они могли бы прокормить себя охотой и рыбной ловлей. Но как кормиться человеку, запертому в деревне?

К счастью, Джек Маллон в конце концов нашел способ, как помочь горю. В Новой Зеландии водилось много диких голубей. Они иногда целыми стаями залетали из леса в деревню и разыскивали себе корм среди разных отбросов. Новозеландцы пытались бить их копьями и камнями. Но дикий голубь – очень осторожная птица. Никогда она не подпустит к себе человека на близкое расстояние.

Вот на этих-то голубей и решил поохотиться Джек Маллон. Но он вооружился не копьем и камнем – если уж новозеландцу трудно убить голубя копьем, так белому и подавно. Нет, он выпросил у Эшу тонкую веревку, сплетенную из льняных волокон, и завязал на конце ее маленькую петлю. Выбрав небольшой бугорок между своим домом и частоколом, он положил на его верхушку пригоршню арбузных зерен. Окружив зерна петлею, он с противоположным концом веревки в руках спрятался за большой пень шагах в двадцати от приманки. Кружившаяся над деревней стая голубей скоро заметила соблазнительные зерна. Через минуту один голубь ступил в предательскую петлю. Джек Маллон дернул веревку, и петля сжала лапку голубя. Не прошло и получаса, как неосторожная птица была сварена.

Такой способ охоты оказался настолько удачен, что Джек ловил порою пять-шесть голубей в день. Теперь пленники могли не бояться голода.

Afte kelke dey de suskes-ney shikaring Raterford e Jek Mallon desidi bringi kelke faula a Emaii kom dona. Li zin huta de shefa e handi a ta pet paloma. Emaii es gro-santush. Ta tuy trakusi galsa-ki de kili-ney faula e begin suki hema aus li.

После нескольких дней удачной ловли Рутерфорд и Джек Маллон решили снести несколько птиц в подарок Эмаи. Войдя в хижину верховного вождя, они вручили ему пять голубей. Эмаи был чрезвычайно доволен. Он сейчас же надкусил шейки убитых птиц и стал сосать из них кровь.

"Yu es hao shikarnik," ta shwo. "Yu es durte. Yu es pyu durte kem oli otre shikarnik de may tribu. Durte shikarnik es zuy hao shikarnik."

– Вы хорошие охотники, – сказал он. – Вы хитры. Вы хитрее всех охотников моего племени. А хитрый охотник – самый лучший охотник.

"Hir in vilaja fo nu shikar yok," Raterford remarki. "Si yu wud lasi nu go a shulin, nu wud bringi a yu mucho shikar."

– Нам здесь, в деревне, не на кого охотиться, – заметил Рутерфорд. – Вот если бы ты отпустил нас в лес, мы принесли бы тебе много добычи.

Emaii suspektem kan inu okos de Raterford. Bat okos de Raterford es nodurte e sinsere. Emaii simuli kwasi ta bu he audi hao den worda de suy plenjen, e jawabi nixa.

Эмаи подозрительно взглянул Рутерфорду в глаза. Но глаза Рутерфорда были простодушны и правдивы. Эмаи сделал вид, что не расслышал слов своего пленника, и ничего не ответил.

Yedoh ta memorisi sey worda e dumi mucho om to. Afte para dey ta apari bifoo dwar de dom-fortesa.

Но он запомнил их, слова Рутерфорда, и много над ними думал. На третий день он появился перед дверью дома-крепости.

"Audi ba, Hwan-har-ney," ta shwo, "manya me kun may gwerjen go a shulin fo shikari. Me yao pren yu kunem e kan komo yu janmog shikari."

– Слушай, Желтоголовый, – сказал он, – завтра я со своими воинами иду на охоту в лес. Я хочу взять тебя с собой и посмотреть, как ты умеешь охотиться.

"Hao!" Raterford jawabi. "Manya nu go shikari kun yu."

– Хорошо! – ответил Рутерфорд. – Завтра мы пойдем с тобой на охоту.

"Non," Emaii objeti. "Me pren sol yu. Yur amiga resti pa dom."

– Нет, – возразил Эмаи, – я возьму тебя одного. А твой товарищ останется дома.

"Bat me bu janmog shikari sin may amiga," Raterford probi objeti. "Pa nuy janmalanda nu sempre shikari-te huntem. Ta es pyu hao shikarnik kem me. Toy paloma ke nu he bringi, ta hi kapti-te li."

– Я не умею охотиться один, без товарища, – попытался возразить Рутерфорд. – На родине мы всегда охотились с ним вместе. Он гораздо лучший охотник, чем я. Тех голубей, которых мы тебе принесли, поймал он.

"Yu es tro namre, Hwan-har-nay," Emaii shwo. "Me bu kredi yur worda. Yu es pyu lao, pyu intele, pyu anubav-ney kem yur amiga. Yu janmog shikari pyu hao. Yur amiga es haishi yunge, hay ta resti pa dom."

– Ты слишком скромен, Желтоголовый, – сказал Эмаи. – Я не верю твоим словам. Ты старше, умнее, опытнее своего товарища и лучше умеешь охотиться. Он еще молод и может посидеть дома.

Raterford samaji ahfi-ney duma de shefa. Emaii vidi ke Raterford oltaim kuydi Jek Mallon, oltaim parti olo kun ta, oltaim helpi a ta. E Emaii jan ke Raterford bu ve fugi sin amiga, bu ve lyu ta sole in plen. Also Raterford samaji ke es vane tu pregi Emaii om pren Jek Mallon kunem toshi. Ta stopi objeti e en-silensi.

Рутерфорд сразу понял тайную мысль вождя. Эмаи видел, как он постоянно заботится о Джеке Маллоне, как он всем делится с ним, как он всегда ему помогает. И Эмаи знал, что он никогда не решится бежать, оставив товарища в плену. Поэтому Рутерфорд понял, что бесполезно просить Эмаи взять с собой на охоту и Джека Маллона. Он перестал спорить и замолчал.

"Bay kwo yu ve shikari?" Emaii kwesti. "Yu bu hev ni banduk ni lanza."

– А чем ты будешь охотиться? – спросил Эмаи. – Ведь у тебя нет ни ружья, ни копья.

"Me ve pai arma fo swa," Raterford jawabi. "Bu kuydi om to."

– Оружие я себе достану, – ответил Рутерфорд, – не беспокойся.

Ver ya, pa aksham arma de Raterford es yo tayar. Ta he zwo it aus gumabanda kel servi-te kom jurap-tasma. Arma es un pinchan lansika ke oli Europa-ney boy koni. In kinda-yash Raterford he mutili aika mucho wuya e garabel. E tu trefi den Nyu-Siland-ney papagay bu es pyu mushkile kem den Ingland-ney wuya. Afte jami kelke ston-ki Raterford fai kama kalmem.

И действительно, к вечеру оружие Рутерфорда было готово. Он сделал его из резинки, которая служила ему подвязкой. Это была самая обыкновенная рогатка, известная всем европейским мальчишкам. В детстве Рутерфорд искалечил рогаткой немало ворон и воробьев. А в новозеландского попугая попасть не труднее, чем в английскую ворону. Собрав мелких камешков, Рутерфорд спокойно лег спать.

Emaii jagisi ta ranem pa sabah. Raterford fulisi posh bay ston-ki e chu dom. Emaii es sirkumen bay dwashi gwerjen. Gwerjen es armisen sol bay leve dine lanza. Sol Emaii porti banduk on bey, den toy magnifike banduk de kapitan Koffain.

Эмаи разбудил его рано утром. Рутерфорд набил камешками карманы и вышел из дому. Эмаи ждал его, окруженный двадцатью воинами. Воины были вооружены легкими тонкими копьями. У одного только Эмаи за плечами висело ружье – великолепное ружье капитана Коффайна.

Jek Mallon akompani suy amiga til geit. Ta es pale por foba: pa un-ney ves ta majbur resti ga sole miden maoris.

Джек Маллон провожал своего друга до ворот деревни. Он был бледен от страха – ему впервые предстояло остаться на несколько часов совсем одному среди новозеландцев.

Shikari-sha un-nem go along riva duran un ora, poy turni inu dense shulin. Fobi-yen ke Raterford probi fugi, maoris oltaim wahti ta e sekwi ta ga blisem. Sertem, se impedi shikaring.

Охотники около часа шли берегом реки, потом свернули в густой, дремучий темный лес. Боясь, что Рутерфорд попытается бежать, новозеландцы не спускали с него глаз и шли за ним по пятам. И это, конечно, очень мешало охоте.

Gran-sais-ney shikar in Nyu-Siland yok. Gran char-pata-ney animal bu mog-te relokifi tra osean e habitisi sey dale isla. Bat in Nyu-Siland-ney shulin ye menga de faula.

Крупной дичи в Новой Зеландии нет. Большие четвероногие животные не могли перебраться через океан и заселить такие отдаленные острова. Но зато в новозеландских лесах живет множество птиц.

Raterford snova divi al kan komo kushalem maoris yusi lanza. Li fasilem trefi nishan pa distansia do charshi stepa. Li mog pirsi bay lanza den storna-faula on brancha, den tri-incha-ney fish on ruchey-diba. Bat faula in Nyu-Siland es chauke e fobishil, rarem hi li lasi shikari-sha blisifi iven pa charshi stepa. Nosabre maoris bu pri ahfi-lai, bu pri fai ambush. E tu kili flai-she faula es buposible bikos kwaytaa de lanza bu sufi.

Рутерфорд снова был удивлен той ловкостью, с какой новозеландцы владеют копьем. Они без труда попадали им в цель на расстоянии сорока шагов. Они могли пронзить им скворца на ветке, двухвершковую рыбу на дне ручья. Но птицы в Новой Зеландии осторожные, пуганые и редко подпускают к себе охотника даже на сорок шагов. Шумный, нетерпеливый новозеландец совершенно не способен подкрадываться, сидеть в засаде. А бить птиц на лету он не может, потому что копье летит недостаточно быстро.

Yedoh resulti ke gwerjen he kili pyu shikar bay lanza kem Raterford bay lansika. Ston fon lansika flai pyu

И все же воины перебили копьями дичи больше, чем Рутерфорд своей рогаткой. Камень из рогатки летел гораздо

longem e fai meno trefa. Krome to, papagay fa-reveli ga masbute e jivishil. Lanza pirsi li, bat ston de Raterford, iven trefi-yen, maistem sol mah li en-flai. Al middey gwerjen hev yo po sit-sem faula, bat Raterford he kili sol dwa lao rigide papagay e un buchauke paloma. Ta es ga konfusen por sey fala. Bat un kosa konsoli ta: Emaii-ney shikaring es yoshi meno fruti-she.

Emaii pa un-ney ves hi pren-te banduk fo shikari. Maoris posesi-te banduk yo duran pyu kem haf-yar, bat Raterford duran tote plen-taim nulves gwo audi shuta, exepte toy shuta bay kel Jon Wotson kili-te doga. Maoris porti banduk sol dabe fobisi. Li bu osi shuti. Bat nau Emaii yao fai un-ney proba de banduk-shikara.

Ta janmog sharji it muy hao. Ta hev basta barut, kula e kulakin. Bat Raterford merki ke ta ga bu janmog goli. Inplas presi kunda kontra desne plecha, Emaii al shuti presi it kontra duza o kontra mida de sina.

Duran tri ora de shikara shefa shuti pyu kem dwashi ves, bat olo sin trefi… Ta shami por suy fala versu blan jen. Ta yao pregi Raterford om talimi ta tu shuti, bat ta bu osi handi a plenjen den tal mahtaful arma. E Raterford silensi, simuli-yen ke ta bu merki shefa-ney fala.

Pa fin shefa bu mog kontroli swa. Utilisi-yen momenta wen oli dwashi gwerjen es bli, Emaii lai a Raterford e

дольше копья, но в меткости не мог с ним сравниться. Кроме того, попугаи оказались очень крепки и живучи. Копья пронзали их насквозь, а камни Рутерфорда, даже попадая, большею частью только заставляли их взлететь. И к середине дня, в то время как у воинов было уже по шесть-семь птиц, Рутерфорд убил только двух старых жестких попугаев и одного неосторожного голубя. Он был очень смущен такой неудачей. Одно утешало его – дела Эмаи обстояли еще хуже.

Эмаи впервые взял на охоту ружье. Ружья у новозеландцев были уже больше полугода, но за все время своего пребывания в плену Рутерфорд слышал пока всего один выстрел – тот выстрел, которым Джон Уотсон убил собаку. Новозеландцы носили ружья только для устрашения и стрелять не решались. Но теперь Эмаи захотел сделать первый опыт охоты с ружьем.

Он отлично умел его заряжать. Пороха, пуль и дроби у него было достаточно. Но Рутерфорд заметил, что он совершенно не представляет себе, как нужно целиться. Вместо того чтобы прижимать приклад к правому плечу, Эмаи, стреляя, прижимал его к животу или к середине груди.

За первые три часа охоты вождь выстрелил больше двадцати раз и все мимо... Он стыдился своих промахов перед белым человеком. Он хотел просить Рутерфорда научить его стрелять, но не решался передать в руки пленника такое могучее оружие. А Рутерфорд молчал и делал вид, что не замечает неудач вождя.

Но наконец вождь не выдержал. Улучив минуту, когда все двадцать воинов были поблизости, Эмаи подошел к Рутерфорду и попросил показать ему, как белые люди

pregi diki komo blan jen shuti bay banduk. Raterford simuli ke ta bu vidi dwashi lanza goli-ney a ta fon oli taraf. Al smaili sinkuydem ta aksepti banduk fon shefa-ney handas, goli e shuti a kiwi-faula kel sidi on tudun pa sto stepa fon ta. Kiwi turni nicha-uupar e lwo. Raterford handi banduk bak a Emaii e kalmem go fo pren kili-ney faula.

Poy ta expliki a shefa, komo treba goli, e dai kelke leson de shuting a ta. Emaii fa-reveli kway-samaji-ke. Ta audi suy talimer kun anima e en-joi gro afte kili un-ney papagay. E Raterford duran sey leson ahfem pon inu posh den kelke kula e handafula de barut.

"Se ve bi utile fo may pistola", ta dumi.

In bush oni findi osta de koy gran animal.

"Moa!" un gwerjen exklami.

"Ob in yur landa ye tal gran bestia?" Raterford kwesti.

"Moa bu es bestia, es faula," Emaii shwo e diki a Raterford den bik kel es haf-bracha longe. "Jive moa

стреляют из ружья. Рутерфорд притворился, что не видит двадцати копий, направленных на него со всех сторон. Он, беспечно улыбаясь, принял ружье из рук вождя, прицелился и выстрелил в птицу киви, которая сидела на кочке в ста шагах от него. Киви перевернулась и упала. Рутерфорд, отдав ружье Эмаи, спокойно пошел подымать убитую птицу.

Потом он объяснил вождю, как надо целиться, и дал ему несколько уроков стрельбы. Эмаи оказался очень понятлив, слушал своего учителя с увлечением и страшно обрадовался, когда сам убил первого попугая. А Рутерфорд во время этих уроков сунул себе незаметно в карман несколько пуль и пригоршню пороха.

«Пригодится для моего пистолета», – подумал он.

В кустах нашли кости какого-то большого животного.

– Это моа! – воскликнул один из воинов.

– Разве в вашей стране водятся такие огромные звери? – спросил Рутерфорд.

– Моа не зверь, а птица, – сказал Эмаи и показал Рутерфорду птичий клюв длиной в половину человеческой руки. – Живых

nau yok, nu sol findi-findi osta. Bat wen may mata bin syao gela, ela gwo vidi jive moa. Moa bin pyu gao kem huta e muy forte, bat muy pumbe. Oni gwo kili li kom papagay. Al toy taim oli bin sate, bikos chi moa-masu kada dey. Bat nau sol osta resti fon moa."

моа больше нет; мы находим только кости. Но когда моя мать была маленькой девочкой, она видела живых моа. Моа были ростом больше хижины и очень сильные, но такие глупые, что их убивали, как попугаев. Тогда все были сыты, потому что каждый день ели мясо моа. Но теперь от моа остались одни только кости.

Emaii lifti un osta sam gran kom kaval-ney gamba e shwai it a taraf.

Подняв птичью кость величиной с лошадиную ногу, Эмаи швырнул ее далеко в сторону.

"Oni shwo," ta adi afte longe silensa, "ke koylok in monta haishi resti kelke jive moa. Bat li jivi muy gao, jen bu mog geti adar."

– Говорят, – прибавил он после долгого молчания, – что в горах осталось еще несколько живых моа. Но они живут очень высоко, и людям туда не добраться.

Obwol duran shikara Raterford fai aspekta ke ta dumi sol om kili mucho faula, in realitaa ga otre kosa interesi ta. Ta trai studi sirkumlok de vilaja tanto hao kom posible. Den olo ke ta miti al go, ta kompari it kun to ke ta he vidi al sidi pa pina-sima. E mucho observa joisi ta.

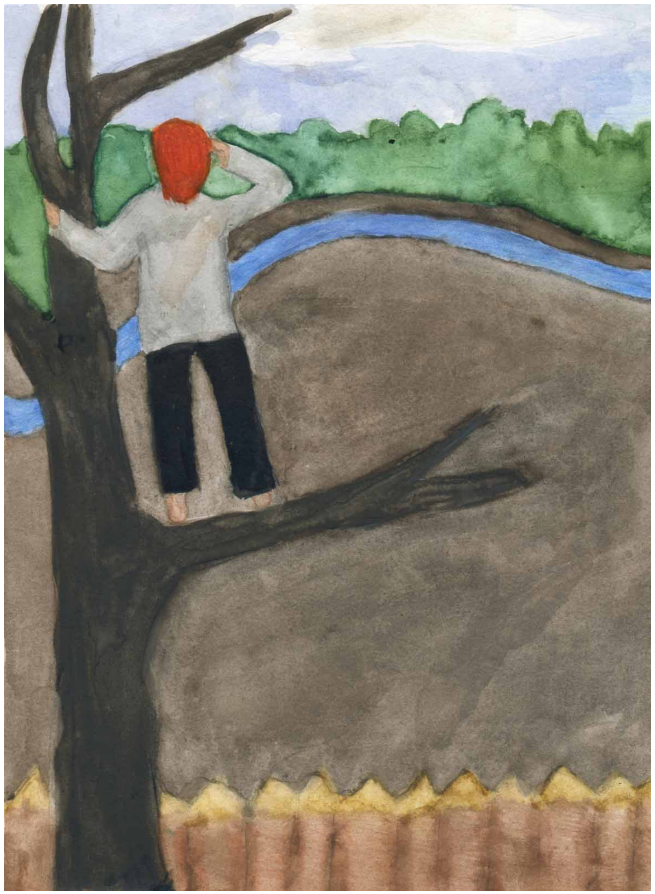
Хотя во время охоты Рутерфорд делал вид, что он думает только о том, как бы убить как можно больше птиц, в действительности его интересовало совсем другое. Он старался как можно лучше изучить окрестности деревни. Все, что попадалось ему на пути, он сопоставлял с тем, что видел, сидя на верхушке сосны. И многие наблюдения очень обрадовали его.

Shikari-sha returni a vilaja tardem pa aksham. Jek Mallon fa-lansi a Raterford-ney galsa. Duran ol dey ta fobi-te tanto gro ke nulves he chu dom.

Охотники вернулись в деревню поздно вечером. Джек Маллон кинулся Рутерфорду на шею. Он весь день находился в таком страхе, что ни разу не вышел из дому.

Plan de fuga

Pa sekwi-sabah, tuy afte en-jagi, Raterford klimbi a pina-sima e sidi dar pyu kem haf-ora. Poy ta desendi, mah swa serte ke oni bu wahti ta, lai a stakatot e kan inu gap longem e atentem. Wen ta returni a dom-daklis, suy fas es tanto seriose e misteriaful ke Jek Mallon alarmifi.



"Me vidi ke yu plani koysa, Raterford," ta shwo. "Shwo a me."

"Nu snova majbur gun idyen." Raterford jawabi.

"Gun ku? Planka-kama ku yu yao zwo?"

"Non, bu planka-kama," Raterford ek-smaili. "Planka-kama mog weiti."

Ta en-sidi on daklis e rakonti a amiga den plan om kel ta dumi-te yo duran kelke wik.

"Sey vilaja lagi muy byenem," ta begin. "In kasu de gwer, es hampi buposible tu pren it. Avanen it gei bari bay riva, baken bay glube yaruga. Flankas de sey yaruga es tanto abrupte ke oni bu mog ni asendi ni iven desendi pa li."

План бегства

На другое утро Рутерфорд, чуть встал, залез на верхушку сосны и просидел там больше получаса. Спустившись вниз и убедившись, что за ним не следят, он подошел к частоколу и долго с глубоким вниманием смотрел в щель. Когда он вернулся к порогу дома, лицо его было так серьезно и таинственно, что Джек Маллон встревожился.

– Я вижу, ты что-то затеял, Рутерфорд, – сказал он. – Отчего ты мне не расскажешь?

– Нам с тобой опять придется поработать, Джек, – ответил Рутерфорд.

– Поработать? Ты хочешь делать нары?

– Нет, совсем не нары, – усмехнулся Рутерфорд. – Нары могут подождать.

И, усевшись на пороге, он рассказал товарищу план, о котором думал уже несколько недель.

– Эта деревня замечательно расположена, – начал он. – В случае войны овладеть ею почти невозможно. Спереди ее ограждает река, а сзади – глубокий овраг, который начинается сразу за частоколом. Склоны этого оврага так круты, что по ним не только нельзя подняться, но даже спуститься.

"Way yu zai shwo se a me?" Jek Mallon interrupti ta. "Se bu es utile a nu, ke ley damnival vilaja lagi tanto byenem. Se bu gwansi nu."

"Gwansi hi," Raterford objeti. "Nuy salva es in se hi. Audi me til fin. Yaruga ke me shwo, it extendi pa sirke shi-pet milya a ambi taraf, dar it hunti kun otre yarugas, meno glube. Tu desendi inu nuy yaruga oni mog sol pa pet milya fon hir. Otre desenda yok."

"Fon wo yu jan se?" Jek Mallon snova interrupti ta.

"Fon sima de pina oni mog vidi ol sirkumlok ga hao. Den kelke kosa me he vidi al shikara, e den kelke kosa me en-jan-te fon Eshu. Bat audi for. Si turan nu wud en-loki on diba de sey yaruga, nuy persekwer wud mog desendi adar sol afte amini dwa ora. E si nu wud en-loki on diba de yaruga ga bu-merki-nem, yoshi pa nocha, dan nu wud go trishi milya fon hir bifoo ke maoris samaji a wo nu he fa-wek."

"Komo hi nu mog en-loki on yaruga-diba? Yu selfa shwo-te ke desenda es pa pet milya fon hir."

"Bu interrupti..."

"Me gesi!" Jek Mallon deklari. "Yu yao klimbi tra stakatot e desendi inu yaruga bay korda."

"Non, yu galti." Raterford objeti. "Inter stakatot e yaruga ye tange spas, dar gwerjen wahti sempre.

– Зачем ты мне это говоришь? – перебил его Джек Маллон. – Ведь нам от того не легче, что их проклятая деревня так хорошо расположена. Нас это не касается...

– Нет, касается, – возразил Рутерфорд. – В этом все наше спасение. Выслушай меня до конца. Овраг, о котором я тебе говорю, тянется миль на пятнадцать в обе стороны и там соединяется с другими оврагами, уже не такими глубокими. Но в наш овраг спуститься можно только в пяти милях отсюда. Другого спуска нет.

– Откуда ты все это знаешь? – снова перебил его Джек Маллон.

– С верхушки сосны великолепно видны все окрестности. Кое-что я разглядел на охоте, а кое-что мне рассказала Эшу. Но слушай. Если бы мы вдруг оказались на дне этого оврага, прошло бы не меньше двух часов, прежде чем наши преследователи могли бы спуститься туда. А если бы мы очутились на дне оврага совсем незаметно, да притом ночью, мы оказались бы милях в тридцати отсюда, прежде чем новозеландцы догадались, куда мы делись...

– Как же мы окажемся на две оврага? Ведь ты сам сказал, что ближайший спуск находится в пяти милях отсюда.

– Не перебивай...

– Я догадался, – заявил Джек Маллон, – ты хочешь перелезть через частокол и спуститься в овраг по веревке.

– Нет, – возразил Рутерфорд, – ты ошибся. Между частоколом и оврагом есть узкое пространство, где постоянно дежурят воины. Ведь новозеландцы сторожат свои и-пу снаружи гораздо

Maoris ya gardi ipu fon ausen mucho pyu kuydem kem fon inen. Oni sertem ve merki nu si nu klimbi tra stakatot. Yoshi, wo nu pai korda fo desendi inu yaruga? Hir-ney korda es dine, li fa-tori kom weba. E korda fon 'Agnesa', Emaii he doni li a bli-sahil-ney vilajer. Non, may plan es mucho pyu sigure, obwol i gro-mushkile."

усерднее, чем изнутри. Нас непременно заметят, если мы станем перелезать через частокол. Да и где мы достанем веревку, чтобы спуститься в овраг? Здешние веревки тонки и рвутся, как паутина, а канаты с «Агнессы», которыми нас связали в первую ночь плена, Эмаи подарил жителям прибрежных деревень. Нет, мой план хотя очень труден, но зато гораздо вернее.

"Wel, dan rakonti ba!"

– Ну, так расскажи его мне.

"Audi. Nuy dom stan pa shi stepa fon stakatot, also pa shi-pet stepa fon yaruga. Treba kavi un subarda-pasaja. It mus begin in nuy dom e fini in yaruga, yus pa nicha. Es gro-mushkile gunsa, bikos yaruga es muy glube. Bat savajas neva zin nuy dom, nu mog gun pa nocha kalmem. Grunta es aika mole hir. Si nu begin gun lagan-nem, afte tri mes subarda-pasaja es tayar. Oli ve fai kama, e nu ve desendi a yaruga-diba. Nu ve kovri bay koysa den uupare dun de pasaja, dabe nulwan mog gesi komo hi nu fugi. Wen Emaii begin persekwa, nu es yo dalem!"

– Слушай. Наш дом стоит в десяти шагах от частокола и, значит, в пятнадцати шагах от оврага. Нужно вырыть подземный ход. Он должен начинаться в нашей хижине и кончаться в овраге, в самом низу. Нам предстоит тяжелая работа, потому что овраг очень глубок. Но дикари никогда не заходят в наш дом, и мы можем спокойно работать по ночам. Почва здесь довольно мягкая. Если мы усердно примемся за работу, через три месяца подземный ход будет готов. Все лягут спать, а мы спустимся на дно оврага. Верхнюю часть хода мы заложим чем-нибудь, чтобы никто не мог догадаться, каким способом мы удрали. Когда Эмаи пошлет за нами погоню, мы будем уже далеко!

Jek Mallon ek-salti por joisa.

Джек Маллон подпрыгнул от радости.

"Jay-jay!" ta krai. "Afte tri mes nu es libre!"

– Ура! – крикнул он. – Через три месяца мы свободны.

Raterford smaili tristem:

Рутерфорд печально улыбнулся:

"Bu hasti, Jek. Suposi ke afte tri mes nu fugi. Oni ya ve kapti nu olosam. Si bu Emaii, dan koy otre shefa. Nuy stasa afte fuga ve badifi gro. Non, si oni fugi fon hir,

– Не торопись так, Джек. Предположим, мы убежим через три месяца. Ведь нас все равно тогда поймают. Если мы попадем не к Эмаи, так к какому-нибудь другому вождю. Наше положение

oni mus tuy fugi wek i fon Nyu-Siland. Nu ve kwiti vilaja tuy, si nu en-jan ke ye koy ship bli sahil. Til dan nu ve jivi hir e fai aspekta ke nu iven bu dumi om fuga. Nu ve en-jan om ship sun afte ke it lai. Hir habar transmiti kway pa ol isla. Me jan ke koytaim ship mus lai. Europa-jen visiti hi Nyu-Siland, obwol rarem. Dan hi nu ve desendi inu yaruga."

Raterford en-silensi. Ta dumi idyen e adi:

"Bat se olo es in futur. Al nau nu mus gun e toleri."

Subarda-pasaja

Li begin gun pa un-ney hi nocha. Tul yok, por to li kavi bay sikines. Sub-dom-ney grunta es aika mole, yedoh dela avansi lentem. Sikines fa-tupe, e Raterford samaji ke li ve ga bigari li pa un hi nocha. Dan li desidi kavi rek bay handas. Bat se fa-reveli yoshi pyu lente. Sabah-ney luma en-stromi in haf-klosen dwar, e plenjen ek-dashati por kwanto shao li he kavi.

"Tak i afte pet yar nu bu ve geti a yaruga-diba!" Jek Mallon exklami tristem.

Plenjen pon planka on kavi-ney yama e kovri it bay dine sloy de arda, dabe koy kasuale visiter bu atenti it. Poy li fai kama. Raterford en-jagi bli middey. Ta bu jagisi amiga, pren acha e begin trimi un bugran pina-

после побега станет много хуже. Нет, бежать отсюда можно только для того, чтобы сразу же бежать и из Новой Зеландии. Мы покинем деревню, едва услышим, что у новозеландских берегов стоит какой-нибудь корабль. А до тех пор мы будем жить здесь и делать вид, что и не помышляем о бегстве. О корабле мы услышим сразу, чуть он появится. Здесь вести передаются быстро по всему острову. Я знаю, что корабль в конце концов придет, потому что европейцы хоть редко, но посещают берега Новой Зеландии. Вот тогда-то мы и спустимся в овраг.

Рутерфорд замолчал, задумался и наконец прибавил:

– Но это все в будущем. А пока мы должны работать и терпеть.

Подземный ход

Работать начали в первую же ночь. Инструментов у них никаких не было, и они принялись рыть своими ножами. Почва, на которой стоял дом, была довольно рыхлая, но все же дело подвигалось медленно. Ножи тупились, и Рутерфорд понял, что они совершенно испортят их за одну ночь. Тогда решили копать прямо руками. Но это оказалось еще медленнее. В полуотворенную дверь хлынул утренний свет, и пленники ужаснулись тому, как мало они вырыли.

– Мы так и в пять лет не доберемся до дна оврага! – печально воскликнул Джек Маллон.

Закрыв вырытую яму доской и засыпав доску тонким слоем земли, чтобы она не привлекла внимания какого-нибудь случайного посетителя, пленники легли спать. Рутерфорд проснулся около полудня. Не будя товарища, он взял топор и

balka. Afte haf-ora aus balka resulti koysa simile a ligne lopata.

Maoris mengi sirkum, observi gunsa. Bat Raterford bu fobi ke li gesi suy plan. Li ya nulves gwo vidi lopata e bu mog jan ke bay lopata oni kavi arda. Vilajer es abyasi-ney a to ke Raterford oltaim kati koysa fo suy dom, also li suspekti nixa.

Sun dwa-nay lopata es toshi tayar. In sekwi-nocha gunsa go mucho pyu kway. Yedoh meno kway kem plenjen wud yao. Mole pina fa-krumi por frikta kontra karke arda. Versu sabah ambi lopata es ga deformi-ney, e oni majbur kwiti gunsa. Afte somni Raterford begin zwo dwa nove-la.

"Sey-las toshi ve bikam bugodi-she versu sabah," ta sospiri. "Magari nu hev fer o vaika ligna pyu masbute... Otrem me majbur zwo nove lopata kada dey."

Bat shefe dosh de pina-lopata es ke li es muy tupe e bu mog kati arda hao. Si oni zwo li pyu agude, li fa-rupti tuy. E kada sabah plenjen fai denada al vidi kwanto shao es kavi-ney duran nocha.

принялся тесать небольшое сосновое бревно. Через полчаса из бревна получилось грубое подобие деревянной лопаты.

Новозеландцы столпились вокруг, следя за работой. Но Рутерфорд не боялся, что они отгадают его план. Ведь новозеландцы никогда не видели лопат и не могли знать, что лопатами копают землю. Жители деревни привыкли к тому, что Рутерфорд постоянно что-нибудь рубит для своего дома, и ничего не заподозрили.

Скоро была готова и вторая лопата. В следующую ночь работа пошла гораздо быстрее. Впрочем, далеко не так быстро, как хотелось этого пленникам. Мягкая сосна крошилась от трения о жесткую землю. К утру лопаты превратились в мочалки, и их пришлось бросить. Выспавшись, Рутерфорд принялся делать две новые.

– Эти тоже к утру измочалятся, – вздыхал он. – Вот если бы у нас было железо или хотя бы дерево покрепче... А то мне каждый день придется делать новые лопаты.

Но главный недостаток сосновых лопат заключался в том, что они были очень тупы и совсем не могли резать землю. А если их делали поострее, они сразу ломались. И пленники каждое утро приходили в отчаяние, видя, как мало вырыто за ночь.

Duran to, Emaii nosabrefai yao snova testi suy banduk. Yo afte meno kem un wik ta snova aranji shikara e inviti Raterford tu go kunem. Es muy byen, bikos Jek Mallon, por gun al nocha, somni duran ol dey e ga bu mog kapti paloma. Al departi a shulin, Raterford al sey ves pren kunem bu sol un lansika bat yoshi un acha. Oni shikari samem kom bifooen. Farka es ke nau Emaii fidi a Raterford pyu, e pyu oftem lasi ta shuti bay banduk. Fo Emaii es profit-ney, bikos Raterford janmog shuti mucho pyu hao e oltaim dai-doni pyu kem haf de shuti-ney shikar a Emaii. Versu dey-fin li ambi es bependi-ney bay kili-ney faula. Raterford es dwaplem santush: duran shuting ta snova suksesi fulisi posh bay barut e kula.

Между тем Эмаи не терпелось снова испытать свое ружье. Не прошло и недели, как он опять собрался на охоту и позвал с собой Рутерфорда. Это было очень кстати, потому что Джек Маллон, работая по ночам, спал все дни напролет и совсем не мог ловить голубей. Отправляясь в лес, Рутерфорд взял с собой на этот раз не только рогатку, но и топор. Охотились так же, как и прежде, с той разницей, что теперь Эмаи гораздо больше доверял Рутерфорду, чаще давал ему пострелять из ружья. Вождю это было выгодно, потому что Рутерфорд стрелял гораздо лучше его и щедро отдавал ему больше половины настрелянной дичи. К концу дня оба были с ног до головы увешаны убитыми птицами. Рутерфорд был вдвойне доволен – во время стрельбы ему опять удалось набить свои карманы порохом и пулями.

Al bak-dao, bu dalem fon vilaja, Raterford vidi un gao kiparis. Ta mah-lwo it bay acha e haki un gran pes fon tronka. Ta lifti-pon den grave balka on suy mahtaful plecha, al gro-spiri bringi it inu vilaja e mah-lwo it bli dom.

На обратном пути, недалеко от деревни, Рутерфорд увидел высокий кипарис. Он свалил его своим топором и отрубил от ствола большой кусок. Взвалив тяжелое бревно на свои могучие плечи, он, пыхтя, втащил его в деревню и бросил у порога дома.

"Kan ba, es masbute twerde ligna," ta shwo a Jek Mallon al waipi sudori-ney frenta. "Bu es kom pina. Kiparis bu ve krumi. Nuy lopata ve bi sam hao kom fer-ney."

– Смотри, какое твердое, крепкое дерево, – сказал он Джеку Маллону, вытирая вспотевший лоб. – Это тебе не сосна. Кипарис крошиться не станет. У нас будут лопаты не хуже железных.

Pa sekwi-sabah ta begin trimi bringi-ney balka. Ligna es tanto twerde ke apena ustupi a acha. Hampi ol dey pasi bifoo ke dwa lopata es tayar. Yedoh es ya hao lopata! Masbute, agude!

На следующее утро он принялся обтесывать принесенное бревно. Дерево было так плотно, что едва поддавалось топору, и прошел почти весь день, прежде чем лопаты были готовы. Но зато какие это были лопаты! Крепкие, острые!

Por gun oltaim in tange dun, plenjen he ga ausyusi swa-ney marjen-jaka. Tra chaure dun fa-vidi nude korpa. Maoris sempre go haf-nude, al lenge meteo li sta sam hao kom al garma. Bat Raterford e Jek Mallon sta ga lenge al sabah. Raterford rakonti om se a Eshu. Gela tuy lopi a swa-ney huta e returni kun dwa lin-borya.

"Walaa, pren ba," ela shwo. "Me selfa plexi li."

Savaje lin kresi kadalok in Nyu-Siland. Maori ginas plexi aus it den karke borya kel servi kom manta e mantela. Dankaful plenjen aksepti dona de Eshu. It fa-reveli muy utile fo li.

"Si koytaim me departi a janmalanda," Raterford shwo a suy amiga, "me ve afsosi separa kun sey prival yungina."

Raterford e Jek Mallon en-hev un nove mushkila: kwo zwo om arda kavi-ney aus yama. Pa beginsa li difusi it on dom-ney poda, bat sun poda fa-uupar pa un-e-haf fut. Dan li kovri ruf bay grose sloy de arda. Pa fin li begin sipi arda inu bugran holika bli stakatot, tuy baken ley dom. Kada sabah li pon un sloy de pina-brancha sobre freshem sipi-ney arda, dabe savajas bu atenti. Afte dwa mes holika es ga fulisi-ney. Yedoh afte dwa mes ley gunsa stopi.

Al toy taim glubitaa de kavi-ney yama yo superi Raterford-ney gaotaa pa tri ves. Li desendi inu it bay

Постоянно работая в узкой норе, пленники совсем истрепали свои матросские куртки. Сквозь широкие дыры было видно голое тело. Новозеландцы всегда ходили полуголые и в прохладную погоду чувствовали себя так же хорошо, как в жару. Но Рутерфорд и Джек Маллон по утрам сильно зябли. Рутерфорд рассказал об этом Эшу. Девушка сейчас же побежала к себе в хижину и вернулась, неся две льняные циновки.

– Вот, возьмите, – сказала она. – Я сама их ткала.

Дикий лен растет в Новой Зеландии повсюду. Новозеландские женщины плели из него грубые циновки, которые служили одеялами и плащами. Пленники с благодарностью приняли подарок Эшу. Он им очень пригодился.

– Если я когда-нибудь буду возвращаться на родину, – сказал Рутерфорд своему товарищу, – мне будет жаль расстаться с этой милой девушкой.

У Рутерфорда и Джека Маллона появилась новая задача – куда девать землю, вырытую из ямы. Сначала они разбрасывали ее по полу своего дома, но скоро пол поднялся на полтора фута. Тогда они покрыли толстым слоем земли крышу и наконец стали высыпать землю в небольшую лощину возле частокола как раз за их домом. Поверх свежевысыпанной земли они утром клали слой сосновых веток, чтобы не привлечь внимания дикарей. Но за два месяца лощина оказалась засыпанной доверху. Впрочем, через два месяца в их работе произошла остановка.

К этому времени глубина вырытой ими ямы уже в три раза превышала рост Рутерфорда. Спускались в нее по длинному

un longe stanga – fo marjen abyasi-ney a mastula-klimbing tal stanga inplasi sulam. Yama es tanto tange ke sol un jen fa-plasi inu it per un ves. Por to li majbur gun pa tur. Arda gei lifti a surfas in basketa ligi-ney a longe korda. Den sey korda Raterford plexi-te aus kelke lin-korda-ki zwo-ney bay maori gina. Yedoh it bu es masbute e fa-tori oftem, also oni majbur riligi it snova e snova.

шесту – для моряка, привыкшего лазать по мачтам, такой шест вполне заменял лестницу. Яма была так узка, что в ней одновременно мог находиться только один человек. Это вынуждало их работать по очереди. Землю на поверхность вытаскивали в корзинке, которая была привязана к длинной веревке. Веревку эту Рутерфорд сплел из нескольких льняных веревочек, изготовленных новозеландскими женщинами. И все же она была так непрочна, что поминутно рвалась, и ее приходилось связывать вновь и вновь.

Grunta uuparen es ga mole, bat kem pyu nich, tem pyu twerde it bikam. Iven kiparis-lopata rupti kelke ves, e Raterford zwo nove-las aus resti-she balka. In glubitaa li begin oftem miti ronde ston do kulak-sais. Li tiri ston aus arda bay handas. E yama bikam pyu glube sol pa tri-char incha per un nocha.

Почва, такая рыхлая наверху, становилась чем ниже, тем жестче. Даже кипарисные лопаты и те несколько раз ломались, и Рутерфорд делал их заново из оставшегося обрубка дерева. В глубине им стали часто попадаться круглые камни величиной с кулак. Они руками вытаскивали их из земли. И яма становилась глубже всего на два-три вершка за ночь.

Pa fin li miti un gran plate ston kel bari for-ney dao nich.

Наконец они докопались до большого плоского камня, который преградил им путь вниз.

Yaruga es muy glube, e Raterford intenti-te zwo horisontale shahta sol wen vertikale-la ateni nivel de suy diba. Bat ston kel inkombri dao nich, it mah plenjen shanji plan. Li begin kavi flanka-ney pasaja versu taraf de yaruga. Raterford nadi ke tak li sirkumpasi ston e poy in pyu mole plasa ribegin kavi nich.

Овраг был очень глубок, и Рутерфорд собирался начать прокладывать горизонтальную шахту, только когда вертикальная дойдет до уровня его дна. Но камень, преградивший дорогу вниз, заставил пленников переменить планы. Они сейчас же принялись копать боковой ход в сторону оврага. Рутерфорд надеялся таким способом обойти камень, добраться до более рыхлого места и тогда, опять переменив направление, рыть яму снова вглубь.

Pa beginsa flanka-ney pasaja avansi aika kway. Lopata yo bu mog helpi hir, e plenjen haki arda bay acha. Sertem, acha fa-tupe, bat afte tri nocha flanka-ney

На первых порах сооружение бокового хода пошло довольно быстро. Лопатами здесь ничего сделать было нельзя, и за неимением заступов пленники принялись вырубать землю

shahta es yo tanto longe ke Raterford mog extendi swa in it pa fule gaotaa. Shahta es tange e oni majbur gun al lagi, bat chauritaa bu treba fo plenjen. Li wud joi por kwiti prison vaika kripi-yen.

Yedoh tu sirkumpasi ston fa-reveli mushkile. It es tro gran. Flanka-ney shahta avansi for, bat tu turni it nich es buposible.

"Nomagari," Raterford shwo, "chusa fon nuy subarda-pasaja es pa tal gaotaa ke nu bu mog desendi a yaruga-diba."

Pa fin toy nocha lai, wen li majbur stopi gunsa in flanka-ney pasaja toshi. Un otre ston, sam twerde kom bifoo-ney, inkombri i nove shahta. Nau ambi dao es bari-ney: i nich i a flanka.

Vanem Raterford bati ston bay acha til sabah. Stal-ney acha platifi, bat drir ston fai nul muva. Al suryachu Raterford klimbi aus subardalok e shwo:

"Es fin. Neva hi nu ve ateni yaruga."

Nada kel animi-te li tanto taim, it fa-wek. Oli eforta, oli sinsomna-ney nocha fa-vane. Iven si un ship visiti Nyu-Siland, li bu ve mog kwiti vilaja, li fo sempre ve resti in plen.

топорами. Топоры, конечно, очень тупились и портились, но в три ночи боковая шахта достигла такой длины, что Рутерфорд мог свободно вытянуться в ней во весь свой колоссальный рост. Правда, шахта была узка и работать в ней приходилось лежа, но пленники в большей ширине не нуждались. Они согласны были вылезти из своей тюрьмы ползком.

Но обогнуть камень оказалось не так-то просто. Он был слишком велик. Боковая шахта подвигалась все дальше, а повернуть ее вглубь не удавалось.

– Боюсь, – говорил Рутерфорд, – выход из нашего подземелья окажется на такой вышине, что спуститься на дно оврага будет невозможно.

И вот наконец пришла ночь, когда они вынуждены были прекратить работу и в боковом ходе. Другой камень, такой же плотный, как прежний, преградил дорогу новой шахте. Теперь им были отрезаны оба пути – и вниз и вбок.

Напрасно Рутерфорд до утра стучал топором по камню. Стальной топор сплющился, а неумолимый камень даже не дрогнул. На рассвете Рутерфорд вылез из подземелья и сказал:

– Все кончено. До оврага нам не добраться никогда.

Надежда, столько времени ободряющая их, исчезла. Все усилия, все бессонные ночи пропали даром. Если Новую Зеландию посетит корабль, они не в состоянии будут покинуть деревню и навсегда останутся в плену.

Jaduleker

Zai pasi longe meses. Duha e denada tormenti plenjen. Li inventi menga de fuga-plan, bat sun kwiti li bikos oli sey plan es egalem burealisibile. Duran tote wik li lagi on senu in swa-ney dom, al klosi okos e al trai bu dumi om enisa.

Jek Mallon duhi osobem gro. Ta he palifi, magrifi, bikam egalsente versu olo. Sol hunga mah ta koyves chu dom e kapti paloma bay korda. Hampi kada nocha ta jagisi suy amiga bay laute geming.

Raterford toshi fai duha, bat ta ahfi it e trai animisi Jek. Ta joki, ridi, gani alegre marjen-gana, inventi diverse zunsa fo mah-pasi taim. Yedoh pa fin i ta selfa bu mog kontroli swa e glumem en-lagi on senu bli amiga.

Ta hev sol un amusa: shikara. Emaii oftem pren ta kunem a shulin. Shefa trati swa-ney plenjen kom amiga. Ta lubi ta. Li pa tur shuti bay un banduk, li huntem klimbi pa kolina, huntem krosi sumpa e ruchey pa chyenlok, parti kaptura egalem. Bat Raterford jan ke oni wahti ta oltaim. A wo unkwe ta go, ta gei akompani bay gwerjen kel es tayar fo yusi lanza si ta probi fugi.

Bat a wo hi ta mog fugi? Al shikaring li oftem miti habiter de otre vilajas. Oni fai toking om eventa kel ye-te in isla, iven in suy zuy dale parta. Raterford hungem

Знахарь

Шли месяцы. Тоска, отчаяние, безнадежность не давали покоя пленникам. Они изобретали тысячи планов бегства, но все эти планы были одинаково неисполнимы, и они их скоро бросали. Целыми неделями лежали они на сене в своем домике, закрыв глаза и стараясь ни о чем не думать.

Особенно мучительно тосковал Джек Маллон. Он побледнел, похудел, стал ко всему равнодушен. Только голод заставлял его иногда выходить из дому и ловить веревкой голубей. Почти каждую ночь он будил своего товарища громкими стонами.

Рутерфорда тоже мучила тоска, но он скрывал ее и старался приободрить Джека. Он шутил, смеялся, пел веселые матросские песни, придумывал разные занятия, чтобы скоротать время, но и сам в конце концов не выдерживал и угрюмо ложился на сено рядом с товарищем.

У него было только одно развлечение – охота. Эмаи часто брал его с собой в лес. Вождь относился к своему пленнику по-приятельски. Он очень любил его. Они поочередно стреляли из одного ружья, вместе лазили по холмам, переходили вброд болота и ручьи, пополам делили добычу. Но Рутерфорд знал, что за ним постоянно следят. Куда бы он ни шел, его сопровождали воины, готовые пустить в ход копья, едва он попытается убежать.

Да и куда бежать? Во время охоты они часто встречали жителей других деревень. Начинались рассказы о происшествиях, случившихся в самых отдаленных частях

slu sey toking. Mogbi oni ve rakonti ke un ship de blan jen he lai a sahil e he stopi in sertene baya? Ta weiti sey habar pyu-nem kun foba kem kun nada. Li ya bu mog fugi, iven si ship lai.

Bat meses pasi un afte otre, e toking om ship yok.

Unves ranem pa sabah Emaii kwiti vilaja, al pren kunem Eshu e hampi haf de gwerjen. Fon toking Raterford en-jan ke Emaii go visiti visin-ney vilajas dabe voki subshefa a gwer kontra Seguii to hemapyase sobreshefa de otre tribu. Al departi, Emaii betaski suy dal-son bay administri vilaja.

Jiva de plenjen bikam yoshi pyu enoisaful. Li iven fa-yoksuni de Eshu kel amusi-te li bay toking. E bu ye jen kun kel Raterford mog go shikari.

Duran longe wik vilaja audi nixa om suy shefa. Oni stopi dai fan a plenjen. Raterford samaji ke sin go shikari li ve morti por hunga. Pa fin ta audi ke Emaii-ney dal-son aranji shikara kun kelke gwerjen. Raterford pregi ke oni pren ta kunem. Emaii-ney dal-son konsenti.

Shikara fa-reveli busukses-ney. Emaii he pren kunem oli banduk ke ye in vilaja, e Raterford majbur shuti bay lansika. Ta pai kili hampi nixa, e glumem zai wandi tra kolina.

Duran to Jek Mallon zai lagi in dom on senu e trai en-somni, dabe bu dumi om swa-ney triste kisma. Turan

острова. Рутерфорд жадно прислушивался к этим рассказам. А вдруг ему расскажут, что к берегу подошел корабль белых людей и остановился в такой-то бухте? Он ждал этой вести скорее со страхом, чем с надеждой. Ведь бежать им не удастся, даже если корабль придет.

Но месяцы шли за месяцами, а слухов о корабле не было.

Однажды рано утром Эмаи покинул деревню, взяв с собой Эшу и почти половину своих воинов. Из разговоров Рутерфорд узнал, что Эмаи отправился по окрестным деревням созывать младших вождей на войну с кровожадным Сегюи, верховным вождем соседнего племени. Уходя, Эмаи поручил управление деревней своему племяннику.

Жизнь пленников стала еще скучнее. Они лишились даже Эшу, которая ежедневно развлекала их своей болтовней. И Рутерфорду не с кем было ходить на охоту.

В течение долгих недель деревня ничего не слыхала о своем вожде. Пленников совсем перестали кормить. Рутерфорд понял, что, если его не отпустят на охоту, им придется умереть с голоду. Наконец он услышал, что племянник Эмаи собирается поохотиться вместе с несколькими воинами. Рутерфорд стал просить, чтобы и его взяли с собой. Племянник Эмаи согласился.

Охота оказалась неудачной. Эмаи захватил с собой на войну все ружья, какие были в деревне, и Рутерфорду пришлось стрелять из рогатки. Он почти ничего не убил и в унынии бродил по холмам.

А тем временем Джек Маллон лежал у себя дома на сене и старался заснуть, чтобы не думать о своей печальной участи.

dwar ek-skriki e ofni. Fobisi-ney Jek en-stan pa salta. Un lao, gorben maori man zai stan pa daklis.

Jek Mallon gwo miti yo sey maori kelke ves pa gata de vilaja. To es lao jaduleker, jadujen e tatuer. Si koy vilajer en-morbi, oni mah-lai sey laoman a huta, e ta leki morbi-sha bay jadu-shwoing e bay kata on derma.

Jek timidem lai a jaduleker. Wen Raterford go shikari, Jek oltaim dashati, fobi-yen kada nomuhimka. Bat gasta suluki muy amigem. Ta inklini kapa e froti suy nos kontra nos de Jek.

"Mata de Emaii es muy morbe," ta shwo. "Emaii ve iri, si al returni ta en-jan ke ela he morti. Me mus haili ela. Me mus zwo kata on elay desne plecha, dabe morba chu korpa. Bat me bu hev agude sikin. Sikin de blan jen es pyu agude kem nuy-las. Dai ba a me yur sikin. Al aksham me ve returni it."

Jek bu jan kwo zwo. Wen Raterford yok, ta sempre bu es serte om kwo zwo. Si ta dai sikin a jaduleker, toy-la mog bu returni it. Si ta bu dai, jaduleker irifi e mog zwo koysa buhao.

E ta desidi dai.

Вдруг дверь скрипнула и отворилась. Джек испуганно вскочил. На пороге стоял старый, сгорбленный новозеландец.

Джек Маллон не раз уже встречал на улице деревни этого новозеландца. То был старый знахарь, колдун и татуировщик. Если кто-нибудь из жителей деревни заболевал, в хижину приводили этого старика, и он лечил больного заклинаниями и надрезами на теле.

Джек робко вышел навстречу знахарю. Когда Рутерфорд уходил на охоту, Джек испытывал постоянный ужас и боялся всякого пустяка. Но гость держал себя очень дружелюбно. Он нагнул голову и потерся носом о нос Джека.

– Мать Эмаи очень больна, – сказал он. – Эмаи рассердится, если, вернувшись, узнает, что она умерла. Я должен ее вылечить. Я должен ей разрезать правое плечо, чтобы болезнь вышла из ее тела. Но у меня нет острого ножа. А мне нужен очень острый нож. Ножи белых людей острее наших. Дай мне свой нож, и я вечером принесу его тебе обратно.

Джек не знал, как поступить. Когда не было Рутерфорда, он никогда не знал, как поступить. Если он даст свой нож знахарю, тот, пожалуй, не вернет его. И если не даст, знахарь рассердится и мало ли что может сделать.

И он решил дать.

"Walaa, pren ba sikin," ta shwo, "bat zaruu returni ba it al aksham. Emaii hi doni-te sey sikin a me. Ta ve irifi si ta en-jan ke yu bu returni it a me."

– На, возьми нож, – сказал он, – но непременно верни его вечером. Этот нож подарил мне Эмаи. Он рассердится, если узнает, что ты не вернул мой нож.

Jaduleker pren sikin e go versu huta de shefa, e Jek Mallon en-lagi on senu e klosi okos.

Знахарь взял нож и пошел к хижине вождя, а Джек Маллон лег на сено и закрыл глаза.

Yo fa-tume wen jaduleker snova apari pa daklis de dom. Raterford bu haishi returni fon shikara. Al audi stepa, Mallon lai a daklis.

Начало уже смеркаться, когда знахарь снова появился у дома пленников. Рутерфорд все еще не возвращался с охоты. Маллон, услышав шаги, вышел на порог.

"Walaa, pren ba yur mah-jadu-ney sikin!" laoman krai dushtem, al shwai sikin on arda. "Yu mah-te bade spiritus jivi in it, e li kili mata de Emaii. Si me wud jan-te, me bu wud tachi-te sey sikin. Emaii ve returni e puni kiler."

– Вот тебе твой заколдованный нож! – злобно крикнул старик, бросая нож на землю. – Ты вселил в него злых духов, и они убили мать вождя. Ты своим колдовством убил мать вождя. Если бы я знал, я никогда не прикоснулся бы к этому ножу. Эмаи вернется и покарает убийцу.

Laoman ugrosi a Jek bay kulak pa adyoo e go wek. Jek bu samaji hao den worda de jaduleker, bat en-fobi gro. Hastem ta shuani dwar e fa-ahfi in zuy dale angula. Tak hi ta sidi in angula til ke vos de Raterford fa-audi bli dwar. Ta ofni dwar, e Raterford zin, al porti suy shao-ney kaptura: dwa papagay e un kiwi.

Старик ушел, погрозив на прощание Джеку кулаком. Джек плохо понял слова знахаря, но очень испугался. Он торопливо закрыл дверь на щеколду и спрятался в самый дальний угол комнаты. Так он и просидел в углу, пока не услышал за дверью голос Рутерфорда. Он отворил дверь, и Рутерфорд вошел в дом, таща свою скудную добычу – двух попугаев и одну киви.

"Ob yu he audi habar?" Raterford kwesti. "Mata de Emaii he morti. Me yus he go pas shefa-huta. Ol vilaja es dar."

– Слышал новость? – спросил Рутерфорд. – Умерла мать Эмаи. Я сейчас проходил мимо хижины вождя. Там собралась вся деревня.

Jek Mallon bu jawabi.

Джек Маллон ничего не ответил.

"Al shwo veritaa, me joi ke ela he morti," Raterford shwo for. "Sey dushte laogina neva pri-te nu. Ela fai-te

– А знаешь, я рад, что она умерла, – продолжал Рутерфорд. – Эта злая старуха никогда нас не любила. Она имела большое

gro-influsa an Emaii. Me sempre fobi-te ke ela shwofu ta tu kili nu. Oni toki-te om elay morba yo al sabah, wen me departi shikari. Es interes-ney, por kwo ela he morti."

влияние на Эмаи, и я постоянно боялся, как бы она не уговорила его убить нас. О ее болезни говорили еще утром, когда я уходил на охоту. Интересно знать, отчего она умерла.

"Oni he kati ela bay may sikin," Jek Mallon shwo.

– Ее зарезали моим ножом, – проговорил Джек Маллон.

Ta detal-nem rakonti a Raterford om visita de jaduleker.

Он подробно рассказал Рутерфорду о посещениях знахаря.

Pa sekwi-sabah, sun afte fa-luma, Emaii returni a janmavilaja. Pa un-ney hi den ta merki gina kel zai departi a agra fo gun. Li mah-agiti ol vilaja, e afte kelke minuta oli vilajer es ausen stakatot miti-yen shefa.

На следующее утро, едва рассвело, Эмаи вернулся в родную деревню. Раньше всех его приближение заметили женщины, отправлявшиеся в поле на работу. Они взбудоражили всю деревню, и через минуту вся деревня была за воротами частокола и встречала вождя.

Raterford lyu somni-she Jek Mallon in dom e toshi go miti Emaii. Ta lai a geit yus al ke Emaii zin, avanen suy dasta. Bat sobreshefa es ya gro-shanji-ney afte kelke wik de absensia! Ta zai go al topali pa desne peda, ta es gorbi-ney e kan nich. Pluma orni-she suy kapa es rupten, myaten. On suy fa-lao-ney fas ye un chaure wunda. It swatefai bay kloten hema sub lefte wanga-osta.

Рутерфорд, оставив спящего Джека Маллона, тоже пошел встречать Эмаи. Он подошел к воротам как раз тогда, когда Эмаи входил в них, ведя за собой свой отряд. Но как изменился верховный вождь за несколько недель своего отсутствия! Он шел, хромая на правую ногу, сгорбленный, и смотрел в землю. Перья, украшавшие его голову, были поломаны, смяты. На его постаревшем лице была широкая рана – она чернела запекшейся кровью под левой скулой.

Gwerjen ke Emaii dukti, li es wunden, li oli hi. Li apena muvi, morbe, exosti-ney, gande. E li es ya shao. Al kwiti janmavilaja li bin pa tri ves pyu mucho.

Воины, которых вел за собой Эмаи, были ранены все до одного. Они еле двигались, больные, измученные, грязные. И как мало их вернулось домой. Когда они покидали родную деревню, их было втрое больше.

Pa zuy laste un gina zin geit. Ela swingi kom un herbinka sub feng. Elay nude peda es skrapen til

Последней в ворота вошла женщина. Она покачивалась, как соломинка на ветру. Босые ноги ее были расцарапаны до крови,

hema; lapu e laza ye in tanglen har. Exosten fas do holifen wangas zai kan nich. Al pasi geit ela graspi stolba, dabe bu lwo.

"Eshu!" Raterford exklami, gro-astoni-ney por aspekta de suy amigina, e fa-lansi a ela.

Ela silensi.

"Kwo eventi, Eshu?"

"Pyu hao bu kwesti," yungina jawabi kyetem. "Nu fai hasima. Seguii persekwi-te nu duran dwashi dey ga blisem."

Ela ek-hili e lwo. Ta lifti ela e porti afte alarmi-ney jenmenga.

Molya de gwerjen kili-ney in batala, li zai wuli lautem. Ti bu partisipi in batala na man kasami tu kili Seguii e ruinisi oli suy vilaja. Emaii-ney dal-son pa furia rupti suy lanza sobre swa-ney kapa.

Raterford tuhun kun jenmenga go a huta de shefa e pon exosten gela on herba bifoo zinsa. Ela dekonsi. Al turni, Raterford en-vidi Emaii kel bay un handa teni plecha de lao jaduleker e bay otre handa teni un acha sobre. Fas de Emaii es deformen bay furia, on labas ye blan skuma. Jaduleker torsi al kan acha kun dashat, ta trai expliki koysa bay intermiti-she skwili-she vos.

Raterford tuy gesi om olo. Emaii sol nau en-jan om

в растрепанных волосах запутался репейник и мусор. Она низко опустила свое изможденное лицо с ввалившимися щеками и, проходя сквозь ворота, схватилась, чтобы не упасть, рукой за столб.

– Эшу! – вскрикнул Рутерфорд, пораженный видом своей подруги, и кинулся к ней.

Она молчала.

– Что с тобой, Эшу?

– Не спрашивай, – тихо ответила девушка. – Мы разбиты. Сегюи двадцать дней гнался за нами по пятам.

Она не удержалась на ногах и упала. Он поднял ее и понес вслед за встревоженной толпой.

Жены погибших в бою воинов громко выли. Мужчины, не участвовавшие в походе, клялись убить Сегюи и стереть все его деревни с лица земли. Племянник Эмаи в ярости сломал свое копье у себя над головой.

Рутерфорд вместе с толпой пошел к хижине вождя и положил измученную девушку на траву перед входом. Она потеряла сознание. Обернувшись, он увидел Эмаи, который одной рукой держал за плечо старика знахаря, а другой занес над ним топор. Лицо Эмаи было искажено бешенством, на губах белела пена. Знахарь корчился, в ужасе глядя на топор, и прерывистым визгливым голосом пытался что-то объяснить.

Рутерфорд сразу обо всем догадался. Эмаи только сейчас узнал о смерти своей матери. Озлобленный неудачной войной,

morta de swa-ney mata. Furia-ney por fali-ney gwer, turan trefi-ney bay nove griva, ta yao tuy venji a koywan por oli beda. Buhao hi ve sta toy koywan. Raterford en-senti foba om kisma de nofortune jaduleker.

застигнутый новым неожиданным горем, он хотел кому-нибудь немедленно отомстить за все свои несчастья. Горе тому, кто попадется ему под руку в такую минуту. Рутерфорду стало страшно за несчастного знахаря.

"Bu es may kulpa, Emaii!" jaduleker krai. "Un blan plenjen, toy-la kel es pyu nise, ta hi kili-te yur mata! Ta es jaduman, ta lagi in suy masbute dom e fai jadu. Ta voki bade spiritus, mah li trefi ol nuy tribu. Yur mata sempre jan-te ke ta ve kili ela. Ela sempre heni-te ta. Remembi ku, ela pinsi-te suy gamba wen yu sundi-te ambi plenjen fon mar? Ta he mah-jadu suy sikin e dai it a me. Me bu jan-te se, me yao-te sol kati elay plecha fo lasi morba wek. Bat tuy ke sikin tachi-te elay plecha, ela morti-te. Lasi me go, Emaii, me bu es kulpa-ney. Mah-lai sey blan jaduman e rupti suy kapa.

– Я не виноват, Эмаи! – кричал знахарь. – Твою мать убил белый пленник, тот, который поменьше ростом. Он колдун, он лежит в своем крепком доме и колдует, призывая злых духов на все наше племя. Твоя мать всегда знала, что он ее убьет. Она всегда его ненавидела. Помнишь, она ущипнула его за ногу, когда ты привел обоих пленников с моря? Он заколдовал свой нож и дал его мне. Я ничего не знал, я хотел разрезать ей плечо, чтобы выпустить болезнь. Но едва нож прикоснулся к ее плечу, она умерла. Отпусти меня, Эмаи, я не виноват. Приведи сюда этого белого колдуна и разбей ему голову.

Jek Mallon yo gei trani a shefa-huta bay sit gwerjen. Ta kan sirkum bay fobisi-ney okos e por dashat tremi fon peda til kapa. Oni mah ta stan bifoo shefa.

Джека Маллона уже волокли к хижине вождя шестеро воинов. Он смотрел по сторонам испуганными глазами и дрожал от страха всем телом. Его поставили перед вождем.

"Kili me inplas ta!" Raterford krai al fa-lansi avan.

– Убей меня вместо него! – крикнул Рутерфорд, бросаясь вперед.

Bat acha ek-brili, e morte Jek Mallon lwo bli peda de jenmenga.

Но блеснул топор, и Джек Маллон мертвый упал к ногам толпы.

Mucho bracha kapti Raterford fon baken. Un gran karke pama klosi suy muh. Kelke sekunda Emaii stan sin muva, kwasi al bu samaji kwo he eventi. Poy acha ek-brili snova e lwo on kapa de jaduleker. Brun lash lwo bli blan-la.

Рутерфорда схватили сзади десятки рук. Большая жесткая ладонь заткнула ему рот. Эмаи несколько секунд стоял неподвижно, как бы не понимая, что произошло. Потом топор блеснул еще раз и обрушился на голову знахаря. Два трупа – белый и коричневый – лежали рядом.

"Lasi ta go," Emaii shwo bay kyete feblifi-ney vos, adresi-yen gwerjen kel teni Raterford.

Raterford kovri fas bay ambi handa e lentem go versu suy jen-yok-ney dom.

Chudao es findi-ney

Raterford resti ga sole miden jen-chier.

Duran kelke dey afte morta de Jek Mallon ta jivi kwasi in tuman. Maistem ta lagi in dom. Wen ta bu mog lagi pyu, ta go wandi pa vilaja. Oni fai nul atenta om ta: oli mangi solemne dafna de Emaii-ney mata. Sey dafna duri muy longtaim.

Oni trani lash de laogina a ofnelok bli huta de shefa e mah-sidi it on borya, apogi-yen den elay bey kontra un stolba kel ragi fon arda. Bay otre borya oni kuti morte laogina til galsa. Den fas oni smiri bay fet, also it glan kom kuprum-ney kazan. Den har oni viti bay grin lin. Poy oni sirkumi morte wan bay koysa kafsa-simile, zwo-ney aus pruta, dabe doga, swina e kinda bu mog nosantisi ta bay tacha. Emaii e kelke gwerjen kun banduk fai sem gluhisi-she salpa pa honor de ela. Reste gwerjen shwai lanza inu aira e kapti it al flaisa.

Versu sabah de sekwi-dey shefa de visin-vilaja begin jami. Li gei akompani bay swa-ney molya, kinda e gulam. Gulam porti baken den menga de oli-sorta-ney

– Отпустите его, – сказал Эмаи тихим, упавшим голосом, обращаясь к воинам, державшим Рутерфорда.

Рутерфорд закрыл лицо обеими руками и побрел к своему опустевшему дому.

Выход найден

Рутерфорд остался совсем один среди людоедов.

Несколько дней после смерти Джека Маллона он прожил как в тумане. Большею частью он лежал у себя в доме, и, только когда лежать становилось невмочь, он вставал и бродил по деревне. На него не обращали никакого внимания – все были заняты торжественными похоронами матери Эмаи, которые длились очень долго.

Труп старухи вытащили на пустырь возле хижины вождя и посадили на циновку, прислонив спиной к торчавшему из земли столбу. Другой циновкой закутали мертвую старуху до шеи. Лицо ее вымазали жиром, так что оно блестело, словно медный котел, ее волосы увили зеленым льном. Затем умершую окружили чем-то вроде клетки, сделанной из прутьев, чтобы собаки, свиньи и дети не могли осквернить ее своим прикосновением. Эмаи и несколько воинов, имеющих ружья, дали в честь ее семь оглушительных залпов. Остальные воины швыряли в воздух свои копья и ловили их на лету.

К утру следующего дня стали собираться вожди соседних деревень, сопровождаемые своими женами, детьми и рабами. Рабы тащили за ними груды всякой пищи. До самого вечера

fan. Til aksham rishtejenta wuli e plaki-shwo sirkum lash, al kati swa-ney derma bay agude ston-ki. Al aksham festachia begin.

Al vidi ke maoris begin festachia, Raterford lopi a dom, klosi dwar hao e lwo on senu. Ta es serte ke nau oni chi masu de suy povre amiga. Duran ol nocha ta lagi sin klosi okos, al slu gana e kraisa de chi-sha. Non, zaruu hi treba fugi fon hir. Tu kontinu sey notoleribile jiva pa sole es noposible. Hay oni kapti e kili ta, es olosam pyu hao kem tu jivi hir. Hir ta bu ve mog tilweiti ship. Si un ship wud lai a sahil de Nyu-Siland, nulwan intentem hi wud shwo a ta om se. Mogbi ta he lusi yo mucho ship! Non, ta gai fugi versu mar al un-ney hi byen kasu. Ta ve pregi koy shefa de bli-sahil-ney vilaja om protekta e ve weiti ship dar. Sertem, es muy probable ke oni ve kapti ta e kili. Wel, jen kel bu valori jiva, ta bu fai riska.

Blan dey-luma yo zai penetri inu dom tra gap-ki, wen Raterford remembi om subarda-pasaja ke ta kun Jek gro-eforti-te zwo. Es yo kelke mes ke ta bu desendi adar, sub arda. Turan ta en-yao fai un proba pyu. Mogbi es posible tu pasi sirkum toy ston kel bari horisontale shahta? Avos it bu es tal gran kom nicha-ney.

Animi-ney bay nove idea, Raterford en-stan pa salta. Ta go a forna e pai kelke smuli-she gual fon sub pepla. Bay gual ta agnisi un longe smola-ney pina-splinta. Kun sey selfa-zwo-ney torcha in handa, ta lifti chaure

вокруг трупа выли и причитали родичи, разрезая себе тело острыми камешками. А вечером начался пир.

Увидев, что новозеландцы начали пировать, Рутерфорд вбежал в свой дом, покрепче закрыл дверь и упал на сено. Он был убежден, что они сейчас едят мясо его несчастного друга. Всю ночь пролежал он, не смыкая глаз и прислушиваясь к песням и крикам пирующих. Нет, надо во что бы то ни стало бежать отсюда. Продолжать эту нестерпимую жизнь здесь одному невозможно. Лучше уж пусть его поймают и убьют. Тут он никогда не дождется корабля. Если корабль подойдет к берегу Новой Зеландии, ему нарочно об этом никто не скажет. Быть может, он пропустил уже много кораблей. Нет, он должен при первом же удобном случае бежать к морю. Он попросит покровительства у вождя какой-нибудь приморской деревушки и дождется там корабля. По всей вероятности, конечно, его поймают и убьют. Ну что ж, тот, кто не дорожит жизнью, ничем не рискует.

В щели дома уже проникал белый дневной свет, когда Рутерфорд вспомнил о подземном ходе, на сооружение которого он и Джек отдали столько сил. Вот уже много месяцев, как он ни разу не спускался туда, в подземелье. Ему вдруг пришло в голову сделать еще одну попытку. Что, если попробовать обойти камень, который преградил путь боковой шахты? Быть может, он не так велик, как нижний.

Увлеченный новой идеей, Рутерфорд вскочил на ноги. В печке под золой еще со вчера осталось несколько тлеющих угольков. Он зажег ими смолистую сосновую щепку и, с самодельным факелом в руке, поднял широкую доску, закрывавшую вход в

planka kel klosi zinsa inu shahta. Ta fa-surprisi bay feble shum kel fa-audi aus swate dun. Astoni-ney, al beginsa ta bu kredi a swa-ney aures. Bat al slu pyu atentem, ta snova audi kyete kontinue suon. Non, bu es shum, es pleska. Nau duba yok: es pleska de flui-she akwa.

Ta extendi handa fo graspi toy stanga ke li yusi-te fo desendi. Bat stanga yok. Raterford sovi jal-she splinta inu dun e en-vidi stanga. Bifooen suy uupare fin bin pa nivel de poda, bat nau it es pyu nichen pa kelke fut.

Al apogi kontra mur, Raterford klimbi inu dun, ateni stanga e graspi it. Turan stanga en-muvi, glidi-yen nich tanto kway ke Raterford apena fa-teni on it. Se duri un sekunda. Niche fin de stanga imbati kontra koysa twerde, e muva stopi.

Raterford en-klimbi nich along stanga. Kem pyu nich ta klimbi, tem pyu klarem ta audi akwa-plesking. Afte un minuta suy pedas sinki inu akwa. Bay topuk ta findi diba. Akwa es til genus. Ta lifti suy torcha e kan sirkum.

Ta zai stan miden longe, tange, tume guha kavi-ney bay subarda-ney ruchey. Guha es inklini-ney, e ruchey lopi muy kway on suy diba.

Raterford samaji kwo eventi hir duran toy taim ke ta bu visiti shahta. Ti bari dao nich na ston loki-te sobre subarda-ney ruchey. Por pluving ruchey puhlifi-te e

шахту. Его поразил слабый шум, доносившийся из черной ямы. Удивленный, он сначала не поверил своим ушам. Но, прислушавшись внимательней, он снова услышал тихий равномерный звук. Нет, это не шум, это плеск. Теперь не оставалось никаких сомнений – это плеск текущей воды.

Он протянул руку, чтобы схватиться за шест, по которому они с Джеком Маллоном прежде спускались вниз. Но шест исчез. Засунув горящую щепку в яму, Рутерфорд увидел, что шест, верхний конец которого раньше достигал уровня пола, теперь опустился на несколько футов вглубь.

Держась за стенки, Рутерфорд полез в яму и, достигнув шеста, ухватился за него. Шест вдруг зашевелился и стал скользить вниз с такой быстротой, что Рутерфорд с трудом на нем удержался. Это продолжалось одну секунду. Нижний конец шеста уперся во что-то твердое, и движение прекратилось.

Рутерфорд лез по шесту вниз. Чем ниже он опускался, тем явственнее слышал плеск воды. Через минуту ноги его погрузились в воду. Он пяткой нащупал дно. Вода доходила ему до колен. Он поднял свой факел и осмотрелся.

Стоял он посреди длинной, узкой, темной пещеры, прорытой подземным ручьем. Пещера была наклонная, и ручей бежал по ее дну очень быстро.

Рутерфорд понял, что произошло здесь за те месяцы, в течение которых он ни разу не спускался в свою шахту. Камень, преграждавший шахте путь вниз, находился над подземным ручьем. Ручей, вздувшийся во время дождя, подмыл его, и он

auswosh-te ston. Walaa it zai lagi, inkombri-yen angula de guha, sey gro-gran swate ston, ruptifi-ney inu tri pes. Ston he lwo yus inu ruchey e inkombri it. Bat akwa he sirkumpasi ston, kavi-yen nove dao in mole arda.

Raterford en-go along ruchey-fluisa. Ruchey es chyen, e tu go es fasile. Bat tavan to wolba de guha es koyves tanto nise ke Raterford majbur fa-pligi hampi pa haf. Ruchey desendi aika krutem e oltaim shanji direksion, turni-yen nau a desna, nau a lefta. Afte go sirke charshi stepa, Raterford merki ke ti ta teni na pina-splinta he jal yo pyu kem pa haf. Ta stopi, fobi-yen resti sub arda sin agni, yao turni e go bak.

Turan ta vidi un feble luma-ray kel penetri inu guha fon baken turna. Ta zwo kelke stepa avan. Luma fa-pyu. Ta turni angula, e tumitaa bikam haf-luma. Un turna pyu, e ta en-vidi in dalitaa, yus pa fin de guha, den ronde ofnitura tra kel yarke dey-luma penetri.

свалился. Вот он лежит, завалив весь угол пещеры, колоссальный черный камень, разбившийся на три куска. Камень упал прямо в ручей и завалил его. Но вода обошла камень кругом, прорыв себе новый путь в рыхлой земле.

Рутерфорд пошел по течению ручья. Ручей был очень неглубок, и идти оказалось нетрудно. Но своды пещеры спускались порой так низко, что Рутерфорду приходилось сгибаться почти вдвое. Ручей, довольно круто спускаясь, постоянно менял направление, поворачивая то вправо, то влево. Пройдя шагов сорок, Рутерфорд заметил, что сосновая щепка, которую он держал в руках, сгорела больше чем наполовину. Боясь остаться под землей без огня, он остановился, собираясь повернуть и идти обратно.

И вдруг он увидел слабый луч света, который проникал из-за поворота в пещеру. Он сделал несколько шагов вперед. Свет усилился. Он повернул за выступ скалы, и мрак, окружавший его, превратился в сумрак. Еще один поворот, и он увидел вдали, в самом конце пещеры, круглое отверстие, сквозь которое проникал яркий дневной свет.

Raterford yo bu go bat lopi, al pleski bay pedas pa akwa. Afte un minuta ta ateni ofnitura e klimbi aus. Ta kan sirkum e samaji ke ta loki on diba de yaruga.

Ga vertikale mur go uupar pa ambi taraf. Yaruga es tanto tange ke fon suy glubitaa skay sembli kom tange riva-ki kel flui sobre. Bli pedas de Raterford ruchey-ki balbati, it chu guha e kontinu dao along yaruga-diba. Dar, in gaotaa, vilaja de Emaii mus loki. Fon hir it bu es vidibile. Raterford en-fobi ke ti gardi stakatot na gwerjen merki ta, e ahfi swa inu bush. Ol yaruga es bekresen bay bush.

Mogbi fugi nau hi, sin ajorni? Afte tri dey ta ve ateni mar. E dar – morta o libritaa!

Emaii samaji justitaa

Yedoh rasum shwo a ta, ke treba returni a vilaja. Ye mucho reson fo to. Un-nem, es mucho pyu anchun tu fugi al aksham kem al sabah, bikos dan oni ve merki fuga pyu tardem. Dwa-nem, ta he lyu suy pistola in dom, e arma mog bi muy utile. Tri-nem, treba pren kunem den fan amini fo tri dey.

Ye yoshi un reson: ta wud yao toki kun Eshu pa laste ves.

Raterford findi un pina-brancha e agnisi it bay splinta kel es yo hampi finjal-ney. Kun nove torcha in handa ta

Рутерфорд уже не шел, а бежал, шлепая ногами по воде. Через минуту он достиг отверстия и вылез наружу. Оглянувшись, он понял, что находится на дне оврага.

Совершенно отвесные стены подымались с обеих сторон. Овраг был настолько узок, что из его глубины небо казалось узенькой речкой, текущей вверху. У ног Рутерфорда журчал ручеек, который выбегал из пещеры и продолжал свой путь по дну оврага. Вот там, в вышине, должна быть деревня Эмаи. Отсюда она не видна. Рутерфорд испугался, как бы его не заметили воины, сторожившие частокол, и спрятался в кустах, которыми зарос весь овраг.

Что, если бежать сейчас же, не откладывая? До моря он доберется в три дня. А там – смерть или свобода!

Эмаи знает, что значит справедливость

Но благоразумие говорило ему, что он должен вернуться назад, в деревню. Для этого было много причин. Во-первых, гораздо безопаснее бежать вечером, чем утром, – тогда позже заметят побег. Во-вторых, он оставил у себя в доме свой пистолет, а оружие может очень ему пригодиться. В-третьих, он должен захватить с собой запас пищи по крайней мере на три дня.

Была еще одна причина – ему хотелось в последний раз поговорить с Эшу.

Рутерфорд нашел сосновый сук и зажег его о свою почти догоревшую щепку. С новым факелом в руке он полез обратно в

klimbi bak inu guha. Tu go bak es pyu mushkile, bikos nau treba go uupar e inklina es aika krute. Raterford oltaim kan-kan wolba atentem, dabe bu go pas swa-ney shahta kel dukti a dom. Pa fin ta ateni it. Torcha bu treba pyu, also Raterford lansi it inu ruchey e en-klimbi uupar pa stanga kwasi pa mastula.

Ta klimbi a uupare stanga-fin e turan audi laute tuking. Tuking lai fon sobre. Ta samaji ke oni tuki pa dwar de suy dom. Dwar es shuani-ney. Mogbi oni tuki yo longtaim. Ta en-fobi ke oni mog rupti dwar e deskovri subarda-tunel. Dan olo fai fala. Treba klimbi uupar e prisenti swa a li zuy kway posible.

Nau ye gran distansia inter uupare stanga-fin e dom-poda. Al graspi mur-balja, al pendi sobre swate abisma, Raterford klimbi uupar e chu yama. Oni bati dwar tanto fortem ke ol dom tremi. Al en-loki on poda, Raterford hastem kovri yama bay planka, poy kovri planka bay dine sloy de arda. Se okupi-te haf-minuta. Dan ta lai a dwar e ofni it.

Baken dwar Emaii zai stan. Ta es sole. Bli suy pedas ye un longe tange obyekta, kuti-ney inu kelke borya.

Shefa suspektem examini Raterford.

"Way yu bu chu-te, Hwan-har-ney?" ta kwesti. "Me tuki-te pa dwar longtaim hi."

"Me somni-te," Raterford jawabi.

пещеру. Идти назад оказалось труднее, потому что теперь ему приходилось подыматься и подъем был довольно крут. Рутерфорд все время внимательно осматривал своды, стараясь не пропустить своей шахты, ведущей в дом. Наконец он достиг ее. Факел был больше ему не нужен, и он бросил его в ручей. И полез по шесту вверх, как по мачте.

Взобравшись на верхний конец шеста, он вдруг услышал громкий стук. Стук доносился сверху. Он понял, что стучат в дверь его дома. Дверь заперта на щеколду. Быть может, стучат уже давно. Он испугался, как бы не взломали дверь и не нашли подземелья. Тогда все пропало. Нужно как можно скорее влезть наверх и явиться к ним.

Между верхним концом шеста и полом дома было теперь очень большое расстояние. Хватаясь руками за выступы стенки, вися над черной пропастью, Рутерфорд полез вверх и вылез из ямы. В дверь колотили с такой силой, что дрожал весь дом. Очутившись на полу, Рутерфорд торопливо закрыл яму доской и засыпал доску тонким слоем земли. Это заняло полминуты. Тогда он подошел к двери и открыл ее.

За дверьми стоял Эмаи. Он был один. У его ног лежал длинный узкий предмет, завернутый в несколько циновок.

Вождь подозрительно оглядел Рутерфорда.

– Отчего ты не выходил, Желтоголовый? – спросил он. – Я очень долго стучал в твою дверь.

– Я спал, – ответил Рутерфорд.

"Somni-te ku?" Emaii rikwesti. "Neva hi oni darfi somni tanto glubem, Hwan-har-ney. Hao gwerjen mus en-jagi por zuy syao sususa, dabe dushman bu mog ahfi-lai a ta."

– Спал? – переспросил Эмаи. – Никогда нельзя спать так крепко, Желтоголовый. Хороший воин должен просыпаться от малейшего шороха, чтобы враг не мог незаметно подкрасться к нему.

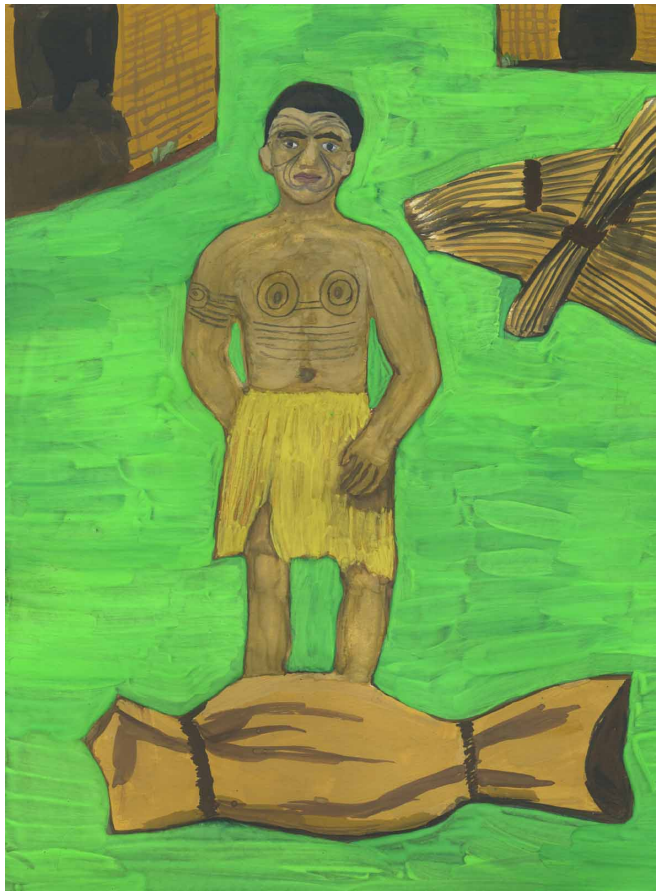
Suspekta-ney kansa de Emaii stopi on nude pedas de Raterford.

Подозрительный взор Эмаи скользнул по босым ногам Рутерфорда.

"Shwo ba, Hwan-har-ney," ta kwesti, "way yur pedas es mokre?"

– Скажи, Желтоголовый, – спросил он, – отчего у тебя мокрые ноги?

"Ouran me yus renversi-te un nangwa kun akwa."



– Я сейчас нечаянно опрокинул себе на ноги тыкву с водой.

Suspekta de shefa fa-wek. Duran longtaim ta silensem kan fas de suy plenjen. E pa fin shwo:

Подозрительность вождя улеглась. Он долго молча смотрел в лицо своему пленнику. И наконец сказал:

"Li yao-te chi yur amiga. Bat me bu he lasi li. Me afsosi ke me kili-te ta. Ta bu es kulpa-ney. Jaduleker toshi bu es kulpa-ney. May mata bin muy lao gina, taim fo morti lai. Dafni ba yur amiga segun tradision de yur landa. Me bringi ta a yu. Walaa ta."

– Они хотели съесть твоего друга. Но я им не позволил. Я жалею, что убил его. Он не виноват. Знахарь тоже не виноват. Моя мать была очень старая женщина, и пришла ей пора умереть. Похорони своего друга по обычаям твоей страны. Я принес его тебе. Вот он.

Afte sey worda Emaii turni-ofni un borda de borya kel kovri longe tange obyekta. Raterford vidi hema-ney fas de Jek Mallon.

С этими словами Эмаи откинул край циновки, закрывавшей длинный узкий предмет, который лежал на земле. Рутерфорд увидал окровавленное лицо Джека Маллона.

Kun astona ta kan fas de savaja kel hev basta mahanatmitaa fo rekoni swa-ney nopravitaa.

Sin shwo un worda, Raterford trani korpa de suy kili-ney amiga inu dom e klosi dwar.

Turan-ney ataka

Raterford dafni Jek Mallon bli stakatot, pa kelke stepa fon dom. On kabra-tudun ta stavi un ligne kros. Resti sol zwo skribitura om ke hir Jek Mallon reposi, un marjen do dwashi yar, kili-ney bay maoris. Bat nofortunem Raterford bu janmog ni lekti ni skribi.

Maoris zai dafni for mata de ley shefa. Li porti lash de laogina a riva e pon it inu akwa. Afte haf-ora li tiri lash aus akwa e kuydem separi masu fon osta. Den masu li lansi inu riva, e den osta li woshi e pon inu basketa. Den sey basketa li porti bak inu vilaja, kovri it bay un borya e pendi on sima de stolba kel stan miden ofnelok. Den stolba li sirkumi bay barana e deklari ke it es tabu: eniwan kel tachi it, ta ve bi kili-ney. Yoshi oni pon on basketa den dushte ligne boh-figura fo garda.

Pa sekwi-sabah oli shefa de visin-vilaja departi a ley guvernilok. Li hasti, bikos taim es nokalme, avan-dasta de Seguii mog apari in sirkumlok pa eni minuta. Emaii dai a kada gasta kelke gwerjen fo garda. Longe pirogas fulifi bay jen e muvi kway versu kontra-ney sahil.

Он с удивлением взглянул в лицо людоеда, у которого хватило благородства сознаться в своей неправоте.

Не сказав ни слова, Рутерфорд втащил тело своего убитого друга в дом и закрыл дверь.

Внезапное нападение

Рутерфорд похоронил Джека Маллона возле частокола, в нескольких шагах от своего дома. На могильный холмик он поставил деревянный крест. Оставалось только сделать надпись, что здесь лежит матрос Джек Маллон, двадцати лет, убитый новозеландцами. Но, к сожалению, Рутерфорд не умел ни читать, ни писать.

Новозеландцы хоронили мать своего вождя. Они отнесли труп старухи к реке и положили его в воду. Через полчаса, вытащив труп из воды, они тщательно отделили мясо от костей. Побросав мясо в реку, они вымыли кости и сложили их в корзину. Эту корзину отнесли назад в деревню и, покрыв циновкой, повесили на верхушку столба, стоявшего посреди пустыря. Столб окружили забором и объявили его табу – всякий, кто к нему прикоснется, будет убит. Для охраны могилы на корзину поставили злого деревянного божка.

Следующим утром вожди соседних деревень, прибывшие на похороны, отправились в свои владения. Они торопились, потому что время было неспокойное и в окрестностях каждую минуту могли появиться передовые отряды войска Сегюи. Эмаи дал каждому своему гостю для охраны несколько воинов. Длинные пироги переполнились народом и помчались к противоположному берегу реки.

"Nau haishi bu treba nokalmi," Emaii shwo-te a departi-sha. "Nu he lyu Seguii bli muh de riva Piako. Dar ta fai gwer kontra blisahil-ney vilajas. Sey gwer ve okupi mucho taim. Me es serte ke li ve mog lai a nu afte amini shi dey. Shi dey es sufi-she taim fo tayari fo defensa."

– Беспокоиться нам пока нечего! – кричал Эмаи уезжавшим вождям. – Мы оставили Сегюи возле устья реки Пиако. Он там занят войной с приморскими селениями. Эта война займет много времени, и, я уверен, они будут здесь не раньше, чем через десять дней. А за десять дней мы успеем приготовиться к защите.

Departi-sha pa hor en-gani gwer-gana. Al gani, li krosi riva e desapari in shulin. Pirogas resti pa kontra-ney sahil, dabe ti akompani shefa na gwerjen mog returni.

Отъезжающие вожди и воины хором запели военную песню. С этой песней они переправились через реку и исчезли в лесу. Пироги остались на противоположном берегу реки, чтобы воины, сопровождавшие вождей, могли возвратиться.

Iven dwa ora haishi bu pasi afte ley departa, wen ol vilaja turan alarmifi. Tambur en-baji. Ti somni-ki sub shaisa na man en-stan pa salta e fa-lansi a geit. Raterford audi-te shum e lopi kun li. Tu pasi tra geit es hampi noposible. Gwerjen kun lanza, mer, acha, sikin, banduk zai pushi mutu, fa-drangi inu geit, mah mutu lwo. Pa fin jenmenga porti Raterford aus vilaja, e ta stopi on flanka de kolina kel krutem desendi a riva. E ta en-vidi dashat-ney vidiwat.

Не прошло и двух часов после их отъезда, как вся деревня всполошилась. Забил барабан. Мужчины, дремавшие на солнцепеке, вскочили и кинулись к воротам. Рутерфорд, услышав шум, побежал вместе с ними. В ворота протискаться было почти невозможно. Воины, таща копья, мэры, топоры, ножи, ружья, толкались, ломились, сбивали друг друга с ног. В конце концов толпа вынесла Рутерфорда за частокол, и он остановился на склоне холма, который круто спускался к реке. И увидел страшное зрелище.

Baken riva, dar wo vilaja-ney legum-garden loki, mucho tume haf-nude jen kun banduk zai lopi ahir-adar, al raskiki bumature melon e nangwa. Li es gro-mucho, toy jen, li mengi on kontra-ney sahil kwasi furmi. Li kapti ti gun in legum-

За рекой, где были расположены деревенские огороды, разбрасывая ногами незрелые дыни и тыквы, сновали темные полуголые люди с ружьями в руках. Их было много, этих людей, весь противоположный берег кишел ими, как муравьями. Они хватали

garden na gina, ligi li e trani a shulin. Mucho gina fai resista, kusi, skrapi, e por to gei bati bay kunda norahimem.

"Seguii! Seguii!" Emaii-ney gwerjen krai, al sheiki lanza pa sinmahta-ney furia.

Li zai vidi komo oni pleni ley molya, mata e docha, bat li bu mog helpi, bikos oli piroga es pa otre sahil de riva.

"Fon wo Seguii pai-te tanto mucho banduk fo suy gwerjen?" Raterford dumi. "Emaii krushisi-te un ship e pai-te sol shi-dwaka banduk. Den kwanto ship Seguii treba-te krushisi, dabe furni banduk a ol suy armee?"

Emaii lopi a akwa, lifti suy banduk e shuti. Kelke suy gwerjen kel hev banduk, li shuti toshi. Pa otre sahil para gwerjen ek-krai e lwo. Bat tuy jawaba-ney salpa aus kelke stoka banduk ek-guruhi. Vilaja-defenser fa-reveli muy hao nishan. Al audi kula-wisling Raterford en-lagi on herba. Ta vidi komo sirkum-ney jen lwo. Armee de Emaii fa-lansi a tange geit, al krashi kili-neys e wundi-neys. Raterford yao en-stan bat por fa-dranging koy lopi-sha stepi on suy fas. E kada ves ke ta yao en-stan gwerjen-ney nude peda mah ta lagi snova. Myati-ney, krashi-ney, ta dekonsi.

Bat afte un minuta ta rikonsi. Suy korpa tungi gro. Al lifti kapa, ta vidi pirogas kel zai muvi tra riva. Gwerjen de Seguii zai lai fo sturmi vilaja de Emaii. Li zai gani

женщин, работавших на огороде, связывали их и тащили в лес. Многие женщины пытались сопротивляться, кусались, царапались, и их безжалостно били прикладами.

– Сегюи! Сегюи! – кричали воины Эмаи, в бессильной ярости потрясая копьями.

Они видели, как уводили в плен их жен, матерей, дочерей, и ничем не могли помочь, потому что пироги находились на другом берегу реки.

«Откуда Сегюи достал столько ружей для своих воинов? – подумал Рутерфорд. – Эмаи, разгромив корабль, достал только дюжину ружей. Сколько же кораблей должен был разгромить Сегюи, чтобы снабдить ружьями всю свою армию?»

Эмаи подбежал к самой воде, поднял свое ружье и выстрелил. Некоторые из его воинов, имевшие ружья, выстрелили тоже. На том берегу двое воинов, вскрикнув, упали. Но сейчас же грянул ответный залп из нескольких сотен ружей. Защитники деревни, стоявшие кучкой на склоне холма, оказались отличной мишенью. Услышав вокруг себя свист пуль, Рутерфорд лег на траву. Он видел, как вокруг него падали люди. Войско Эмаи стремглав кинулось к узким воротам частокола, давя убитых и раненых. Рутерфорд хотел встать, но кто-то из бегущих в давке наступил ему на лицо ногой. И всякий раз, когда он хотел подняться, босые ноги перепуганных воинов бросали его снова на землю. Измятый, раздавленный, он потерял сознание.

Но через минуту он очнулся. Тело его мучительно ныло. Подняв голову, он увидел пироги, плывущие через реку. Воины Сегюи переправлялись на другой берег, чтобы штурмом взять

lautem den chuyshuke gwerlik gana. Muchos zai teni stik kun kati-ney jen-kapa. On kapa ye pluma kel ondi sub feng. Es kapa de toy shefa kel gasti-te she Emaii nodavem. Gwerjen de Seguii he miti li in shulin e kili. Sol dwa ora bak toy shefa gani-te same gana ke nau ley kiler gani.

In un piroga oni transporti plenisi-ney ligi-ney gina. Plengina zai krai iven pyu lautem kem ley pleniser gani.

Raterford en-stan mushkilem e fai sirkum-kansa a kolina kovri-ney bay morte korpa. Jive-las he yo ahfi baken stakatot. Gwerjen de Seguii on piroga merki ta e begin shuti. Ta audi komo kula wisli-flai bli. Al trai salvi swa-ney jiva, ta fa-lansi a geit.

Bat geit es yo bari-ney fon nicha til uupara bay grose balkas. Vilaja es tayar fo defensa. Gao stakatot es glume e notrapasibile. Raterford en-krai lautem, pregi lasi ta inu. Bat vilajer zai mangi, li bu audi suy kraisa. Iven si li wud audi, al tanto danja-ney momenta li bu wud debloki geit, dabe lasi un jen zin, tem pyu ke sey jen es gariba. Raterford krai oltaim pyu lautem, e duran to kula zumbi sirkum e fa-nagi inu stakatot. Si maoris wud janmog goli pyu hao, ta zaruu wud bi kili-ney. Al kada ek-reming pirogas blisifi oltaim pyu.

Raterford lusi nada om geti inu vilaja e en-lopi along stakatot. Stakatot turni kway, e sun ta es yo baken turna. Hir kula yo bu mog ateni ta. Dense shulin es

деревню Эмаи. Они громко пели хвастливую военную песню. Многие в руках держали палки, на которых торчали отрубленные головы с развевающимися перьями. Это были головы тех вождей, которые недавно гостили в деревне Эмаи. Воины Сегюи встретили их в лесу и убили. Всего два часа назад эти вожди пели ту же самую песню, которую теперь поют их убийцы.

В одной из пирог везли связанных женщин, взятых в плен. Пленницы кричали так громко, что заглушали пение своих поработителей.

Рутерфорд с трудом поднялся на ноги, озирая склон холма, усеянный мертвыми телами. Живые уже все укрылись за частоколом. Воины Сегюи заметили его с пироги и начали стрелять. Он слышал, как пули пролетали мимо него. Стараясь спасти свою жизнь, он кинулся к воротам, ведущим в деревню.

Но ворота были уже доверху заложены толстыми бревнами. Деревня приготовилась к защите. Высокий частокол был угрюм и неприступен. Рутерфорд стал громко кричать, прося впустить его. Но обитатели деревни, готовясь к обороне, не слышали его криков. Да если бы и слышали, они не стали бы в такую опасную минуту раздвигать тяжелые бревна, загораживавшие вход, чтобы впустить одного человека, и притом чужака. Рутерфорд кричал все громче, а между тем пули жужжали вокруг, впиваясь в бревна частокола. Если бы новозеландцы умели лучше целиться, он давно был бы убит. С каждым взмахом весел пироги подходили все ближе и ближе.

Отчаявшись попасть в деревню, Рутерфорд побежал вдоль частокола. Частокол круто поворачивал, и через минуту он укрылся за поворотом. Здесь пули уже не могли его настигнуть.

bifoo ta. Ta fa-lansi inu densika de gigante farna e en-lopi sin kan bak.

Tu salvi Eshu

Ta lopi til exosti. Pa fin ta lwo inu syao yaruga-ki sirkumkovri-ney bay farna. Longtaim ta lagi al slu shuting kel guruhi in dalitaa, tufi-ney bay shum de shulin.

Un-nem ta bu dumi om nixa e sol spiri gro. Bat poy ta remembi komo gwerjen de Seguii plenisi-te gina.

"Eshu!" ta hamsi pa dashat.

Ela ya toshi gun-te in agra. Way ta dumi om se sol nau? Ela bin dar, baken riva. Sertem, ela toshi es in plen.

Ta en-sidi. Gluhe shum de mucho vos, kliking de shuta fa-audi fon dalitaa. Ta zai sidi miden farna, zai slu e dumi. Eshu sindubem es plenisi-ney, e gwerjen de Seguii he transporti ela kunem tra riva. Nau ela zai lagi koylok hir, in ley kampa, ligi-ney e bati-ney.

Raterford pren sikin fon kamar e examini it atentem. Poy ta en-stan e chaukem en-go bak versu vilaja. Ta go muy lentem e trai bu shumi. Si koywan merki ta, ta ve tabahi.

Fa-aksham. Raterford vidi tra pina-brancha, ke surya

Перед ним был дремучий лес. Он кинулся в заросли исполинского папоротника и пустился бежать без оглядки.

На помощь!

Он бежал до тех пор, пока не выбился из сил. И наконец упал в мягкую ложбинку, укрытую со всех сторон папоротником. Долго лежал он, прислушиваясь к выстрелам, которые громко ухали вдали, заглушаемые шумом леса.

Сначала он ни о чем не думал и только тяжело дышал. Но потом вдруг вспомнил, как воины Сегюи брали в плен женщин.

– Эшу! – в ужасе прошептал он.

Ведь она тоже работала в поле. Как это ему раньше не пришло в голову. Она была там, за рекой, и, конечно, тоже попала в плен.

Он сел. Из-за леса доносился гул многих голосов, щелканье выстрелов. Он сидел среди папоротников, прислушивался и думал. Эшу безусловно попала в плен, и воины Сегюи перевезли ее с собой через реку. Она лежит где-нибудь здесь, в их лагере, совсем недалеко, связанная и избитая.

Рутерфорд вынул из-за пояса нож и внимательно осмотрел его. Потом встал и осторожно побрел назад, к деревне. Шел он очень медленно, стараясь не шуметь. Если кто-нибудь заметит его в лесу, он погиб.

День клонился к вечеру. Рутерфорд сквозь ветви сосен видел,

es yo aika nise. Ta go longem, mucho pyu longem kem ta expekti-te. Muy dalem hi ta he lopi in shulin al salvi swa! Shuting fini. Bat voses bikam oltaim pyu laute. Also Seguii haishi bu he dukti suy armee wek. Raterford lentem ahfi-go avan al rasmuvi farna-stemes. Al en-loki bli vilaja, ta en-lagi on herba e kripi. Lentem ta serpi, kwasi serpenta, al trai bu kraki bay brancha-ki, bu tuki bay ston-ki. Pa fin ta vidi avanen, inter pina-tronka, den muvi-she figura de jen.

что солнце стоит уже довольно низко. Идти ему пришлось долго, гораздо дольше, чем он предполагал. Как далеко убежал он в лес, спасаясь от пуль! Стрельба прекратилась. Но голоса становились все слышнее – значит, Сегюи не увел еще своего войска. Рутерфорд раздвигал стебли папоротника и тихонько крался вперед. Оказавшись в окрестностях деревни, он лег на траву и пополз. Медленно извивался он, как змея, стараясь не хрустнуть веточкой, не стукнуть камнем. И наконец впереди, между стволами сосен, увидел фигуры двигавшихся людей.

Ta stopi. Sirkum-vilaja-ney shulin es fule de gwerjen. Baum shirmi li fon Raterford, bat por voses ta samaji ke li mengi e ke li es ga bli. Koyves ta vidi li. Li wandi inter baum e jami suhbranchika. Dwa gwerjen hampi imbati kontra ta, li pasi pa tri stepa fon ta. Ta ahfi swa in herba al deri spira, e li bu merki ta. Gwerjen de Seguii farki fon gwerjen de Emaii sol bay ke hampi kadawan hev banduk baken. Fon wo li pai-te tanto mucho banduk?

Он замер. Окраина леса, прилегавшая к деревне, была полна воинов. Деревья заслоняли их от Рутерфорда, но по голосам он знал, что они очень многочисленны и находятся совсем близко. Иногда он видел их. Они бродили между деревьями и собирали хворост. Однажды два воина чуть не наткнулись на Рутерфорда. Они прошли в трех шагах от него. Он притаился в траве не дыша, и они его не заметили. Воины Сегюи отличались от воинов Эмаи только тем, что почти у каждого за плечами было ружье. Откуда они достали столько ружей?

Surya lwo, fa-tume. Raterford zai weiti tumitaa nosabrem. Pa fin in haf-tumitaa agnis de asadi-sha en-brili, haishi bu yarkem. Raterford chaukem en-kripi avan, versu vilaja. Ta fa-ahfi baken bush e farna-densika, also oni bu merki ta. Ewalaa, avanen kontra hampi ga tumifi-ney skay ta en-vidi stakatot.

Солнце зашло, и наступили сумерки. Рутерфорд с нетерпением ждал темноты. Наконец в полумраке засверкали пока еще бледные костры осаждающих. Рутерфорд осторожно пополз вперед, к деревне. Он держался кустов, зарослей папоротника, и его не замечали. И вот впереди на фоне почти совсем потемневшего неба, он увидел частокол.

Vilaja silensem weiti ataka. Raterford dumi ke tu pren sey ligne fortesa ve bi mushkile hi fo ataki-sha. Eni kurajnik kel probi klimbi on stakatot, ta ve bi mah-lwo-ney bay lanza tuy. Kom pruva de to, mucho lash lagi

Деревня, притаившись, молча ждала нападения. Рутерфорд подумал, что нападающим нелегко будет взять эту деревянную крепость. Всякий смельчак, который рискнет взобраться на частокол, будет немедленно сброшен оттуда копьем.

sirkum, lumisi-ney bay salti-she luma de agnis. E nul kula ve mog pirsi grose balka.

Bat sun Raterford samaji ke nove sturma ve yok. Seguii desidi-te pren fortesa bay otre dao. Suy gwerjen zai jami suhbranchika in shulin e montoni it bli stakatot. Un hi jal-she brancha aus agni ve sufi fo agnisi ol fortesa. Agni hi ve mah sey notrapasibile mur lwo. Emaii fai-te gaf wen ta lasi-te dushman lai tanto blisem a suy vilaja. Yedoh, komo ta mog-te stopi li? Ta hev stopetshi gwerjen, e Seguii hev amini dwa mil. Ta hev shidwaka banduk, e Seguii hev amini dwa mil. Ta hev pluri shi-dwaka sikin, e Seguii hev pluri stoka. Al vidi suhbranchika montoni-ney bli stakatot, Raterford samaji ke kisma de vilaja es desidi-ney.

Ta zai kripi tra kampa de asadi-sha. Gwerjen zai sidi bli yarke agni, e ta resti in tumitaa, also li bu merki ta. Ta lentem muvi fon un agni a otre, shuki-yen plengina.

Pa fin ta findi li.

Gina es ligi-ney a pina, pa sirke petshi stepa fon janmavilaja. Kada gina es ligi-ney al sina versu tronka, shayad dabe li bu mog vidi lo sirkum. Plengina zai silensi kwasi morte, e Raterford gesi ke oni he tapi ley muh.

Bu dalem fon li un agni jal. Sirkum agni da gwerjen zai sidi, sirke shi jen, e rosti fish on ston. Li mangi gro e fai nul atenta om gina. Luma de agni fadi inter baum,

Доказательством этому служили трупы, разбросанные вокруг и освещенные прыгающим светом костров. А сквозь толстые бревна стен не пройдет никакая пуля.

Но скоро Рутерфорд понял, что нового штурма не будет, Сегюи решил овладеть крепостью другим способом. Его воины собирали в лесу сухой хворост и складывали его кучками возле частокола. Достаточно будет одной головни из костра, и всю крепость охватит пламя. Огонь заставит пасть эти неприступные стены. Эмаи совершил ошибку, подпустив врагов так близко к своей деревне. Впрочем, как он мог им помешать? У него полтораста воинов, а у Сегюи не меньше двух тысяч. У него дюжина ружей, у Сегюи не меньше двух тысяч. У него дюжины ножей, у Сегюи несколько сотен. Увидев сложенный вокруг частокола хворост, Рутерфорд знал, что участь деревни решена.

Он полз по лагерю осаждающих. Воины сидели возле ярких костров, а он держался в темноте, и они не видели его. Он медленно передвигался от костра к костру, ища взятых в плен женщин.

И наконец он нашел их.

Женщины были привязаны к соснам шагах в пятидесяти от частокола родной деревни. Каждую из них прикрутили к стволу не спиной, а грудью, вероятно для того, чтобы они не видели происходящего вокруг. Пленницы молчали, словно мертвые, и Рутерфорд догадался, что им заткнули рты.

Неподалеку от них горел костер. Вокруг костра сидели воины – человек десять – и жарили на камнях рыбу. Они были так заняты своим делом, что на женщин не обращали никакого

e plengina es hampi in tumitaa. Raterford kyetem ahfi-muvi inter li, shuki-yen Eshu. Ta examini pyu kem dwashi sinmuva-ney gina-figura e poy merki ela. Fas de yungina es fortem presi-ney kontra pina-tronka. Elay korpa es sirkumligi-ney bay menga de korda-ki, also ela bu mog muvi ni bracha ni gamba.

Raterford chaukem en-stan e tiri suy sikin. Ta kway kati oli korda-ki, un afte otre. Yungina senti ke impedi-korda yok e turni. Sol nau ela rekoni swa-ney libriser.

"Nu go ba, Eshu," ta hamsi.

Ela jawabi nixa e tachi swa-ney muh bay ambi handa. Turan ta merki un gran pes de ligna inserti-ney inu elay chaurem ofni-ney muh. Kun forsa ta tiri ligna aus elay muh. Ela en-gemi.

Yus al toy momenta un shuta ek-guruhi. Ti sidi bli agni na gwerjen he merki ta. Ta graspi handa de yungina e gro-kway en-tiri ela inu shulin, inu tumitaa. Nove shuta guruhi, e suon de peda-tomping fa-audi baken. Oni persekwi li.

Ta senti ke Eshu bu mog lopi.

внимания. Свет костра терялся среди деревьев, и пленницы находились почти в темноте. Рутерфорд тихо крался между ними, ища Эшу. Он осмотрел больше двадцати неподвижных женских фигур, прежде чем заметил ее. Лицо девушки было крепко прижато к стволу сосны. Тело ее оказалось опутанным, словно паутиной, множеством тонких веревочек, и она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой.

Рутерфорд осторожно поднялся на ноги и вынул свой нож. Быстро перерезал он все веревки, одну за другой. Девушка, почувствовав, что связывавшие ее путы уничтожены, обернулась. Только теперь увидела она своего освободителя.

– Идем, Эшу, – прошептал он.

Она ничего не ответила и схватилась обеими руками за свой рот. Он вдруг заметил, что в ее широко раскрытый рот вложен большой кусок дерева, мешающий ей говорить. Он с силой выдернул деревяшку у нее изо рта. Она застонала.

И в ту же минуту сзади прогремел выстрел. Воины, сидевшие у костра, заметили его. Схватив девушку за руку, он стремительно потащил ее в лес, в темноту. Грянули новые выстрелы, и он услышал сзади топот ног. За ними гнались.

Он чувствовал, что Эшу не может

Elay gambas es neme por liging. Ela lwo oftem, e ta majbur trani ela pa arda afte swa. Ta lifti ela, pon on swa-ney plechas e en-lopi.

Ol kampa de asadi-sha alarmifi. Yo menga de jen persekwi li. Kula zumbi, bat bu trefi por tumitaa. Persekwa blisifi oltaim pyu. Ti ta porti na loda mah suy loping meno kway. Ta lopi pa ol mogsa sin selekti dao, al rupti bush e brancha. Kelkeves ta abruptem shanji direksion, dabe mah-konfusi persekwer. Bat kada ves li snova merki ta, e persekwa ribegin.

Suy kordia tuki gro. Ta senti ke ta lopi pyu lentem. Fon baken ta audi yo spiring de un gwerjen kel lopi avanen oli kun lanza in handa. Raterford jan ke sey lanza sal nagi suy bey.

"Kwiti me," Eshu hamsi al fa-tufi. "Fugi selfa. Me impedi yu."

Bat Raterford jami laste forsa e lopi for sin kan bak. Persekwa es yo ga blisem. Ta bu nadi om nixa yo bat lopi for.

Ewalaa turan arda sub gamba fa-yok. Ta senti ke ta zai flai koylok nich, inu swate abisma. Kun gro-forsa ta fa-darbi kontra koysa. Suy muh e okos fa-kovri bay mole arda.

бежать. У нее затекли от веревок ноги. Она падала при каждом шаге, и ему приходилось волочить ее за собой по земле. Он поднял ее, взвалил себе на плечи и побежал.

Весь лагерь осаждающих всполошился. За ним гналась уже целая толпа. Жужжали пули, но он оставался невредим, так как плохо был виден во тьме. Погоня настигала его. Тяжелая ноша, которую он тащил на плечах, замедляла его бег. Он мчался, сам не зная куда, не разбирая дороги, ломая кусты и ветви. Иногда он неожиданно менял направление, чтобы сбить своих преследователей с толку. Но они всякий раз опять замечали его, и погоня возобновлялась.

Сердце его стучало. Он чувствовал, что бежит медленнее. За спиной он уже слышал дыхание воина, который бежал впереди всех с копьем в руках. Рутерфорд знал, что сейчас это копье вонзится ему в спину.

– Брось меня, – задыхаясь, прошептала Эшу. – Убегай сам. Я мешаю тебе бежать.

Но Рутерфорд собрал последние силы и, не оглядываясь, помчался дальше. Погоня была уже совсем близко. Он ни на что не надеялся и все же бежал.

И вдруг земля выскользнула у него из-под ног. Он почувствовал, что летит по воздуху куда-то вниз, в черную пропасть. Со страшной силой ударился он обо что-то. Рот и глаза залепило ему рыхлой землей.

Batala

Kun mushkilitaa Raterford en-sidi, al spuki e farfari. Por ushiba ol bey tungi. Al kan uupar, ta vidi dwa gao arda-ney mur, inter kel tange tume-blu riva de skay serpi, kovri-ney bay yarke stara. Ta en-sta buhao al samaji ke ta he lwo fon tal gaotaa.

"Wo nu es?" Eshu kwesti apena audibilem.

Ela zai lagi bli ta e kan uupar kun foba.

"Nu es in yaruga," Raterford shwo. "In yaruga ausen vilaja. Pa fortuna, nu lwo-te on ramla-monton. Se hi salvi-te nu.

"E wo es toy gran foba-ney gwerjen kel persekwi-te nu?"

"Ta he resti dar, uuparen. Nau li bu ve persekwi nu," Raterford ek-ridi. "Li es serte ke nu es morte."

Along diba de yaruga un syao ruchey flui al pleski-ki. Raterford merki it por reflekting de stara. Ta lai a ruchey-ki e kun juisa woshi garmifi-ney fas. Ob es toy hi ruchey kel flui aus ta-ney subardalok? Trefi-ney bay sey duma, Raterford turni versu yungina e shwo:

"Nu go ba!"

"A wo?" Eshu kwesti. "Zuy blise chusa aus sey yaruga es

Битва

Рутерфорд с трудом сел, плюясь и фыркая. От ушиба ныла вся спина. Глянув вверх, он увидел две высокие земляные стены, между которыми извивалась узкая темно-синяя речка неба, усеянная яркими звездами. Ему сделалось дурно при мысли, что он упал с такой высоты.

– Где мы? – спросила Эшу чуть слышным голосом.

Она лежала рядом с ним и испуганно глядела вверх.

– Мы в овраге, – сказал Рутерфорд. – В овраге за деревней. К счастью, мы упали на кучу песка. Только это спасло нас.

– А где тот большой страшный воин, который гнался за нами?

– Он остался там, наверху. Они больше не будут преследовать нас, – рассмеялся Рутерфорд. – Они уверены, что мы разбились насмерть.

По дну оврага с тихим плеском бежал ручеек. Рутерфорд заметил его, потому что в нем отражались звезды. Подойдя к ручейку, Рутерфорд с наслаждением вымыл разгоряченное лицо. Неужели это тот самый ручеек, который течет из его подземелья? Пораженный этой мыслью, Рутерфорд обернулся к девушке и сказал:

– Идем!

– Куда? – спросила Эшу. – Ближайший выход из этого оврага в

pa dwa dey de going fon hir."

"Nu go ba!" Raterford repeti zidem e extendi handa a ela, dabe helpi en-stan.

Eshu en-stan, bat tuy ek-krai e snova lwo on ramla. Por lwosa inu yaruga ela stiri-te tendon de lefte gamba e bu mog go. Raterford lifti-pon ela on plechas e en-go kway along diba de yaruga kontra fluisa de ruchey.

Kadalok on yaruga-diba ye agude ston. Si li wud he lwo idyen pyu desnen o leften, li wud he morti.

Al rupti bush e rasmuvi kana, Raterford zai go for. Pa fin ruchey turni abruptem, e Raterford palpi-findi zinsa inu guha. Ta porti astoni-ney e fobisi-ney Eshu along subarda-ney koridor, al palpi-shuki dao in fule tumitaa. Bay lefte handa ta teni yungina on plecha, e bay desne-la ta oltaim tachi tavan, dabe bu go pas toy shahta kel dukti uupar, a suy dom. Pa fin ta findi sey shahta e stopi.

"Fa-teni hao-hao!" ta hamsi a gela.

Eshu sirkumpren luy galsa e fa-pendi on luy bey. Ta en-klimbi uupar stanga. Shahta es tange kom forna-tuba, li sta tange e apena fa-drangi uupar. Stanga kurvifi por dwaple gravitaa. Yedoh al fin li ateni it-ney uupara sukses-nem.

"Stepi-stan on may plechas, Eshu, e lifti ba planka ke yu ve findi sobre kapa," Raterford shwo.

двух днях пути отсюда.

– Идем! – настойчиво повторил Рутерфорд и протянул руку, чтобы помочь ей встать.

Эшу поднялась, но сейчас же, вскрикнув, снова повалилась на песок. Падая в овраг, она растянула себе связки на левой ноге и ходить не могла. Рутерфорд взвалил ее на плечи и понес. Он быстро шагал по дну оврага, направляясь против течения ручья.

Почти все дно оврага было завалено острыми камнями, и, упади они немного правее или левее, их ждала смерть.

Ломая кусты, раздвигая тростник, Рутерфорд шел все дальше. Наконец ручей круто свернул, и Рутерфорд нащупал руками вход в пещеру. Он тащил удивленную и испуганную Эшу по темным подземным коридорам, ощупью находя себе путь во мраке. Девушку он придерживал на плече левой рукой, а правой беспрерывно касался потолка, чтобы не пропустить шахты, ведущей наверх, в его дом. В конце концов он нашел эту шахту и остановился.

– Держись крепче! – прошептал он девушке.

Эшу обхватила его шею руками и повисла у него на спине. Он полез по шесту вверх. В узкой, как печная труба, шахте им двоим было тесно, и они с трудом протискивались вперед. Шест гнулся под их двойной тяжестью. И все же они благополучно добрались до его верхушки.

– Становись мне на плечи, Эшу, и подыми доску, которую найдешь у себя над головою, – сказал Рутерфорд.

E afte un minuta li es yo inen dom de plenjen. Bat Eshu haishi bu samaji wo li loki. Fobisi-nem ela fa-presi a swa-ney salver. Raterford deshuani dwar e ofni it.

Luma, blindisi-she luma trefi ley fas. Fo un momenta li klosi-presi okos. Shadas zai lopi on arda. Flama-lisan zai salti inu swate skay pa oli taraf.

"Nu es in nuy vilaja!" Eshu exklami.

"Gwerjen de Seguii he agnisi stakatot," Raterford shwo.

Stakatot zai jal in mucho plasa pa same taim. Kun guruha grose balka zai lwo. Jen, sirkumi-ney bay agni-halka, sinmahtem lopi ahir-adar al ke doga wauki e kinda plaki. Gwerjen lifti-sheiki lanza, li yao batali kontra dushman nau hi. Bat dushman es buatakibile, shirmi-ney bay flama-mur.

Feng zai porti agninka tra aira, e slama-huta en-flami un afte otre. Li jal kway: afte kelke minuta sol un syao pepla-monton resti on plasa de gran huta. Masta bu iven probi salvi swa-ney habitilok; li jan ke oni bu mog tushi agnifi-ney slama.

Turan pa fin de gata, bli geit inkombren bay balka, stakatot krushi, e un chaure ofnitura fa-formi. Inu sey ofnitura mucho asadi-sha en-stromi, al salti bay nude peda tra jal-she lwo-ney staka. Vilaja-defenser bari ley dao. Pa fin kontrajen miti mutu fas kontra fas. Al sey

И через минуту они были уже в доме пленников. Но Эшу все еще не понимала, где она находится, и испуганно жалась к своему спасителю. Рутерфорд отодвинул щеколду и распахнул дверь.

Им в лицо хлынул такой ослепительный свет, что они на мгновение зажмурились. По земле бегали тени. Прыгающие языки пламени со всех сторон лизали черное небо.

– Мы в нашей деревне! – воскликнула Эшу.

– Воины Сегюи подожгли частокол, – сказал Рутерфорд.

Частокол горел сразу во многих местах. С грохотом рушились тяжелые бревна. Люди, окруженные кольцом огня, беспомощно метались под гам собак и плач детей. Воины подымали копья – им хотелось скорее сразиться с врагом. Но враг был неуязвим, заслоненный стеной пламени.

Ветер носил искры по воздуху, и соломенные хижины вспыхивали одна за другой. Они сгорали сразу, с необыкновенной быстротой – в одно мгновение на месте большой хижины оставалась маленькая темная кучка пепла. Хозяева даже не пытались спасать свои жилища – они знали, что загоревшуюся солому потушить невозможно.

В самом конце улицы возле заложенных бревнами ворот частокол внезапно рухнул, образовав широкое отверстие. В это отверстие хлынули осаждающие, прыгая босыми ногами через горящие поваленные столбы. Защитники деревни преградили им дорогу. Наконец-то враги сошлись лицом к лицу. На таком

distansia banduk es sinutile, e ferose handa-batala begin.

Al yarke flaming Raterford vidi fon daklis de suy dom, komo Emaii-ney longe pluma fliti avanen defensi-sha. Sobreshefa yusi mer gro-kushalem, suy handa nulves fai gaf. Bli ta suy gwerjen zai batali. Li es tayar fo defensi kada incha de janmavilaja. Bat li to kuraje defenser es ya shao. E ataki-sha es ya mucho! Oli gwerjen kel akompani-te visin-shefa, li he tabahi. Otres morti-te on kolina-flanka bifoo vilaja. Also al nau Emaii hev sol kelke shika jen kel bari dao a gro-menga de dushman.

Lentem li zai stepi bak inter dwa fila de jal-she huta. Oltaim li bikam pyu shao. Nau un jen, nau otre jen lwo bifoo dushman kel avansi furia-nem. Emaii es oltaim in un-ney fila de defenser, yus in mida de batala. Ta sembli nowundibile. Kadawan kel probi blisifi a ta, ta lwo por suy mer bifoo samaji lo eventi-she. Den lanza kel flai fon dalem, ta kapti li al flaisa bay handa e lansi bak. Yedoh ta shao-po-shao stepi bak.

Dushman kontroli yo haf de vilaja. Kelkes zai kapti fobisi-ney swina kel salti-te aus barilok. Emaii bakmuvi pas pendi-kabra de suy mata, pas swa-ney flami-she huta kel es zuy gran in vilaja. Sun plasa fo bakmuvi yok. Baken, pa sirke charshi stepa, es jal-she stakatot, e baken stakatot es glube yaruga.

Mucho gwerjen de Seguii sirkumi huta de sobreshefa e

близком расстоянии ружья были бесполезны, и завязался отчаянный рукопашный бой.

При ярком пламени пожара Рутерфорд с порога своего дома видел, как впереди защитников мелькали длинные перья Эмаи. Верховный вождь с необыкновенной ловкостью владел мэром, и рука его не знала промаха. Рядом с ним стояли его воины, готовые защищать каждый вершок родной улицы. Но как их мало, храбрых защитников, и как многочисленны нападающие! Все воины, которых Эмаи послал сопровождать соседних вождей, погибли. Другие пали на склоне холма перед деревней. И теперь у Эмаи осталось всего несколько десятков человек, преграждающих путь целому полчищу врагов.

Они медленно отступали меж двух рядов горящих хижин. С каждой минутой их становилось все меньше. То один, то другой падал под ноги врагам, ожесточенно продвигающимся вперед. Эмаи находился все время в первом ряду защитников, в самой гуще боя. Он, казалось, был неуязвим. Всякий, кто пробовал приблизиться к нему, падал под тяжестью его мэра прежде, чем успевал опомниться. Копья, летящие издалека, он ловил на лету рукой и швырял назад. И все же он отступал.

Враги овладели уже половиной деревни и ловили перепуганных свиней, выскочивших из своих загородок. Эмаи отступил мимо висячей могилы своей матери, мимо своей пылающей хижины – самой большой во всей деревне. Скоро ему некуда будет отступать. Сзади, шагах в сорока, пылающий частокол, а за частоколом – глубокий овраг.

Окружив хижину верховного вождя, многие воины Сегюи непременно захотели проникнуть в нее, надеясь найти в ней

yao penetri inu it, nadi-yen findi dar koy gro-tresor. Al ek-jal handa, li rasmuvi flami-she kana e raslansi it a oli taraf. Ewalaa ye un explosa kel ek-sheiki ol kolina. Huta rasflai. On suy plasa apari un glube yama in arda. Sikrum yama mucho jal-ney lash lagi. Es barela kun barut bringi-ney fon "Agnesa": it explosi-te in huta de shefa.

Explosa es tanto ruini-she fo ataki-sha e fobisi li tanto, ke li fai garbar e en-stromi bak al krashi mutu.

"Avan!" Emaii krai.

Handafula de kurajnik fa-lansi avan kun Emaii. Dushman en-hili sub sey nochauke dranga e muvi bak inter dwa fila de jal-ney huta. Incha afte incha Emaii zai returni janmavilaja. Snova ta en-posesi peplalok de suy palas, snova pendi-kabra de suy mata es baken chaure bey de son. Al sertene minuta sembli ke Emaii sal forsi dushman aus vilaja.

Bat gwerjen de Seguii sun rifai samaja om situasion. Bak-filas drangi avan-filas, also avan-filas stopi e snova en-go avan ataki. Vilaja-defenser es nau tro shao. Li es tanto shao ke li fobi sirkuma. Li zai batali kun nochauke, sinnada-ney kuraja, bat li snova zai bakmuvi, al sey ves pyu kway.

Sun oni drangi li a fin de vilaja. Nau Emaii hev amaxi trishi jen. Baken ta stakatot jal. Li oli jan yo, ke sun batala sal fini.

несметные богатства. Они, обжигаясь, голыми руками разгребали пылающий тростник и разбрасывали его во все стороны. И вдруг раздался взрыв, встряхнувший весь холм, на котором стояла деревня. Хижина взлетела в воздух. На ее месте в земле появилась глубокая воронка, вокруг которой лежали обгорелые трупы. Это в хижине вождя взорвалась бочка с порохом, привезенная с «Агнессы».

Взрыв произвел среди наступающих такие опустошения и так испугал их, что они, растерявшись, в тревоге хлынули назад, давя друг друга.

– За мной! – крикнул Эмаи.

Горсть храбрецов не отставала от него ни на шаг. Враги дрогнули под этим отчаянным натиском и покатились обратно меж двух рядов догоравших хижин. Эмаи пядь за пядью возвращал себе родную деревню. Вот он вновь овладел пепелищем своего дворца, вот опять висячая могила его матери находится за широкой спиной сына. Была минута, когда казалось, что Эмаи выгонит врагов из деревни за частокол.

Но воины Сегюи скоро опомнились. Под напором задних рядов передние остановились и снова перешли в наступление. Защитников деревни оставалось слишком мало. Их было так мало, что они с трудом загораживали улицу и опасались, как бы их не обошли с тылу. Они бились с отчаянным, безнадежным мужеством, но опять отступали, и на этот раз быстрее, чем прежде.

И вот их загнали в самый конец деревни. У Эмаи теперь было не больше тридцати человек. За ним горел частокол. Они уже все твердо знали, чем кончится битва: их вдавят в огонь, и они сгорят.

Turan ga blisem da Emaii vidi balka-dom de suy blan plenjen. Gran jen do agnilik har zai stan pa daklis e swingi suy gro-handa a ta. Syao dasta de drangi-ney gwerjen, shuki-yen shirma fon baken, desidi bakmuvi versu masbute mur de sey dom. Wen Emaii en-loki bli dwar, Raterford graspi ta pa plechas e tiri inu. Oli arma-dun es ofne, agni-luma e Emaii en-vidi un yungina sidi-she on poda.

"Eshu!" ta ek-krai bay ek-tremi-ney vos. "Yu es hir? Me dumi-te ke yu es she li, in plen..."

Raterford bay peda mah-wek planka e diki a shefa den swate yama.

"Yur salva es hir," ta shwo. "Hay oli gwerjen desendi adar, un afte otre, e yu oli ve bi libre."

Shefa bu shwo, bu muvi.

"Yu bu kredi a me, Emaii? Kwesti yur docha."

"Ta shwo veritaa, patra," gela shwo.

Oni yo zai batali yus bli dom-dwar. Emaii tiri gwerjen, un afte otre, inu shamba e komandi ke li desendi inu yama. Gwerjen bu samaji, yedoh obedi sin kwesti.

"Go ba along fluisa de ruchey!" Raterford krai a li inu yama.

Вдруг совсем рядом Эмаи увидел бревенчатый дом своего белого пленника. На пороге стоял огромный человек с огненными волосами и махал ему здоровенной рукой. Маленький отряд теснимых воинов, ища прикрытия сзади, решил отступить к плотным стенам этого домика... Едва Эмаи оказался возле двери, как Рутерфорд схватил его за плечи и втащил внутрь. Все бойницы были открыты, и свет пожара проникал в комнату. Эмаи увидел девушку, сидевшую на полу.

– Эшу! – вскричал он дрогнувшим голосом. – Ты здесь? Я думал, что ты у них, в плену...

Рутерфорд откинул ногой доску и показал вождю черную яму.

– Здесь ваше спасение, – сказал он. – Пусть воины по одному спустятся туда, вниз, и все вы будете свободны.

Вождь молчал и не двигался с места.

– Ты мне не веришь, Эмаи? Спроси свою дочь.

– Он говорит правду, отец, – сказала девушка.

Бой происходил возле самых дверей дома. Эмаи по одному втаскивал своих воинов в комнату и каждому приказывал спуститься в яму. Воины не понимали, в чем дело, но повиновались беспрекословно.

– Идите по течению ручья! – кричал им вслед Рутерфорд.

In dom fa-garme, en-ye fauha de fum. Ataki-sha repeti ley manovra: li agnisi- bake mur de dom. Wen ausen bu resti gwerjen, Raterford klosi-klapi dwar e shuani it.

"Nau yu treba desendi," ta shwo a Eshu e Emaii.

Oni gro-bati dwar bay stik. Suy masbute pina-planka tremi.

"Go ba yu toshi kun nu," Emaii shwo a Raterford.

"Non, me mus resti," Raterford jawabi. "Me mus inkombri zinsa inu subarda-pasaja, dabe li bu findi it e bu persekwi nu."

В доме стало жарко и запахло дымом. Нападающие повторили свой маневр – они подожгли заднюю стену дома. Когда снаружи не осталось ни одного воина, Рутерфорд захлопнул дверь и закрыл ее на задвижку.

– Теперь вы должны спуститься, – сказал он Эшу и Эмаи.

В дверь бешено колотили палками. Ее крепкие сосновые доски гнулись.

– Иди и ты с нами, – проговорил Эмаи, обращаясь к Рутерфорду.

– Нет, я останусь, – ответил Рутерфорд. – Я должен завалить вход в подземелье, чтобы они не нашли его и не пустились за нами в погоню.

Ta tiri pistola fon sub senu, sovi it inu arma-dun kel es yus bli dwar, shuti. Tuking tuy stopi. Ta snova e snova sharji suy pistola e shuti. Tra ronde ofnitura de arma-dun ta vidi ke asadi-sha he bakmuvi dalem e bu osi blisi a dwar. Shamba es fule de tufi-she fum, tu spiri es hampi buposible. Smola on mur fai pao. Tra gap-ki inter balka da flama fa-diki. Bat Emaii haishi zai

Он вынул из-под сена свой пистолет, сунул его в бойницу возле самой двери и выстрелил. Стук в дверь сразу прекратился. Он снова и снова заряжал свой пистолет и снова стрелял. Сквозь круглое отверстие бойницы он видел, что осаждающие отошли далеко в сторону и не смеют приблизиться к двери. Комната наполнилась удушливым дымом, дышать стало почти невозможно. На стенах от жары пузырилась смола. Сквозь щели между бревнами врывалось пламя. А Эмаи все еще стоял возле ямы, не

stan bli yama, ta bu osi desendi e lyu Raterford sole.

"Go ba!" Raterford krai. "Yu mus porti docha, bikos ela bu mog go. Bu fobi," ta adi al ek-smaili, "me ve hunti a yu sun."

Emaii lifti-pon Eshu on plechas e desapari in yama. Al resti sole, Raterford pon suy pistola in kamar e pren acha. Bay un hi darba ta kati tel kel ligi ruf-stangas a uupare balkas de karkasa. Ruf-stangas tuy kurvifi e idyen sinki sub gravitaa de sobrepon-ney arda. Al teni in handa den fin de tel, Raterford desendi inu yama e fixi gambas on uupare fin de stanga. Al apogi bey kontra mur de shahta, ta pa ol mogsa ek-tiri tel.

Ruf-stangas glidi wek fon karkasa-balkas, e olo tuy lwo nich inu shamba. Zinsa inu subardalok es inkombri-ney bay tri-fut-ney sloy de arda.

"Wel, nau li bu ve gesi a wo nu he desapari," Raterford shwo a swa al desendi along stanga.

Afte para minuta ta es yo in yaruga. Emaii, Eshu e gwerjen zai weiti ta. Ta hungem inuspiri-spiri freshe nocha-ney aira: suy pulmones es ya toxinen bay fum.

решаясь спуститься и оставить Рутерфорда одного.

– Иди! – крикнул ему Рутерфорд. – Ты должен нести свою дочь, потому что она не может ходить. Не бойся, – прибавил он усмехаясь, – я скоро догоню вас.

Эмаи взвалил на плечи Эшу и исчез вместе с нею в яме. Оставшись один, Рутерфорд сунул свой пистолет за пояс и взял топор. Одним ударом разрубил он проволоку, которая привязывала жерди крыши к верхним бревнам сруба. Жерди сразу погнулись и осели под тяжестью наваленной на них земли. Держа в руке конец проволоки, Рутерфорд спустился в яму и крепко обхватил ногами верхнюю часть шеста. Опершись спиной о стену шахты, он изо всех сил дернул за проволоку.

Жерди крыши съехали с бревен, и все сразу рухнуло вниз в комнату. Вход в подземелье был завален трехфутовым слоем земли.

– Ну, теперь они никогда не догадаются, куда мы исчезли, – сказал себе Рутерфорд, опускаясь по шесту.

Через минуту он был уже в овраге. Эмаи, Эшу и воины ждали его. Он с жадностью вдыхал свежий ночной воздух – легкие его были отравлены дымом пожара.

She Taranaki

"Me bu nidi tal gulam kom yu, Hwan-har-ney," Emaii shwo. "Me nidi tal shefa. Yu es durte, yu es kuraje, yu es janmi-ney fo bi shefa."

Nocha zai fini. Skay fa-pale, bat on diba de yaruga es haishi tume. Li zai go kway inter dwa gao vertikale yaruga-flanka. Koyves yaruga es tanto tange ke li majbur go pa fila, un afte otre. Li pleski bay nude peda pa akwa de ruchey kel akompani li fon guha.

"Me fai kasam ke me ve mah yu shefa, Hwan-har-ney, afte ke me wekgoni Seguii aus may landa, bikos yu es mahan e saje," Emaii shwo for. "E Seguii, me ve venji a ta. Bay sey hi handa me ve rasrupti suy kapa e extirpi ol suy klan."

Li resti sol dwashi-sit jen, inklusi-yen Eshu ke gwerjen porti on plechas pa tur. Oli hi es wundi-ney: koys topali, otres bu mog muvi bay rupti-ney brancha, koy otres he fa-yoksuni de un oko oda aur. Emaii, skrapi-ney fon peda til kapa, ta es mokre por swa-ney hema. Yedoh li dumi sol om venja. Tu ribildi janmavilaja, tu librisi swa-ney molya, sista, docha aus gulamtaa – se hi es ley sole drima, om se hi li dumi oltaim.

"Non, yu ve bi shefa bifoo ke me kili Seguii," Emaii shwo. "Sin yu ol may tribu wud bi yo morte. Me ve mah yu shefa tuy ke nu lai inu Taranaki landa, a may amigas e alianser. Me es sobreshefa, me mog mah eniwan shefa, eniwan ke me yao."

В Таранаки

– Мне не нужен такой раб, как ты, Желтоголовый, – говорил Эмаи. – Мне нужен такой вождь. Ты хитер, ты храбр, и ты рожден быть вождем.

Ночь кончалась, небо бледнело, но на дне оврага было еще темно. Они быстро шли вперед меж двух отвесных высоких склонов. Овраг был порой так узок, что им приходилось идти гуськом. Они шлепали босыми ногами по воде ручья, который сопровождал их от самой пещеры.

– И клянусь, я сделаю тебя вождем, Желтоголовый, когда прогоню Сегюи из моей страны, потому что ты велик и мудр, – продолжал Эмаи. – А Сегюи я отомщу. Я собственной рукой разобью ему голову и истреблю весь его род.

Их осталось всего двадцать шесть человек, считая Эшу, которую воины поочередно несли на плечах. Все до одного были ранены – кто хромал, кто не мог двинуть перебитой рукой, кто лишился уха и глаза. Эмаи, исцарапанный с ног до головы, был мокрый от собственной крови. И все же они думали только о мести. Снова выстроить родную деревню, освободить своих жен, сестер, дочерей из рабства – это была их единственная мечта, и они не забывали о ней ни на минуту.

– Нет, ты будешь вождем раньше, чем я вернусь и убью Сегюи, – говорил Эмаи. – Если бы не ты, от нашего племени не осталось бы в живых ни одного человека. Я возведу тебя в вожди, едва мы придем в страну Таранаки, к моим друзьям и союзникам. Я верховный вождь и могу сделать вождем кого пожелаю.

Raterford silensi. Es yo ga luma-ney, e Emaii desidi ke tu kontinu safara al dey es tro danja-ney: koywan mog vidi li fon sobre. Li findi un bugran holika sub ti pendi sobre yaruga na roka e refuji in it. Gwerjen kili bay lanza den kelke titar-faula kel nesti pa menga on diba de yaruga. Li chi li kru, bikos es danja-ney tu zwo agni: dushman mog merki fum. Raterford, malgree hunga, chi muy shao: til nau hi ta bu es abyasen a chi kru masu.

Li sidi sub roka duran ol dey, bat tuy afte fa-tume li en-go for along sinfin-ney yaruga. Shao-po-shao yaruga bikam meno glube, suy mur bikam meno krute. Pa fin al tri-ney nocha de safara li pai geti aus it. Li zin shulin.

Emaii dukti suy syao dasta versu suda, a dale landa Taranaki.

"Lao Otako to sobreshefa de Taranaki tribu, ta bin amiga de may patra," Emaii shwo. "Ta ve resivi me kom brata, ta ve helpi a me tu jiti may dushman.

Pa beginsa li go sol al nocha, e al dey li refuji in zuy dense shulin. Koyves in shulin li miti jen. To es fuger fon vilaja rauben bay Seguii. Inter li koyves ye i gina. Maiste fuger perteni a tribu de Emaii. Bat koyves ye i jen de otre tribu: Seguii ya he krushisi ol norde parta de Norde isla de Nyu-Siland. Oli toy jen, hungi-ney, fobisi-ney, persekwi-ney, li hunti a Emaii e go a suda kun ta. Dasta oltaim fa-gran, e afte tri wik de going tra

Рутерфорд молчал. Стало уже совсем светло, и Эмаи решил, что продолжать путешествие днем слишком опасно: кто-нибудь может увидеть их сверху. Найдя небольшое углубление под скалой, висевшей над оврагом, они все укрылись в нем. Воины убили копьями несколько куропаток, которые во множестве гнездились на дне оврага. Они съели их сырыми, потому что разводить огонь было опасно – враги могут заметить дым костра. Рутерфорд, несмотря на сильный голод, съел очень немного – он так и не привык есть сырое мясо.

Они просидели под скалой весь день, но, едва стемнело, снова тронулись в путь по бесконечному оврагу. Мало-помалу овраг становился не таким глубоким, а стены его не такими отвесными. В конце концов на третью ночь пути им удалось выбраться из него. Они вступили в лес.

Эмаи повел свой маленький отряд к югу, в далекую страну Таранаки.

– Старый Отако, верховный вождь племени Таранаки, был другом моего отца, – говорил Эмаи. – Он примет меня, как брата, и поможет мне победить моих врагов.

Первое время они шли только по ночам, а днем укрывались в самой глухой чаще леса. Иногда в лесу они встречали людей. Это были беглецы из разграбленных Сегюи деревень. Между ними иногда находились и женщины. Большинство беглецов принадлежало к племени Эмаи. Но порой среди них попадались представители и других племен – ведь Сегюи разгромил всю северную часть Северного острова Новой Зеландии. Все они, изголодавшиеся, перепуганные, преследуемые, присоединялись к Эмаи и вместе с ним шли на

ruini-ney landa li es yo sirke 500 jen.

Koyves li imbati kontra peplalok de jal-ney vilaja. On plasa de stakatot sol rare jal-ney staka ragi, kom rupti-ney denta. Glodi-ney jen-osta gavahi om dashat-ney chia kel eventi-te hir nodavem. Safari-sha trai dalem sirkumpasi sey dashat-ney ruina, fobi-yen miti dushman.

Li nutri ga buhao. Rarem hi oni pai kili un savajifi-ney swina, fugi-ney a shulin fon koy rauben vilaja. Li gloti olo ke li findi: paloma-ney ovo, slika, wurma, spaida, farna-riza. Emaii prohibi zwo agni, oni majbur chi ol fan kru. Raterford sufri por to pyu kem oli. Ta fa-magre.

Gamba de Eshu sun fa-haili, e nau gela go pa selfa, sin helpa de otres. Kwasi fidele doga, ela klingi a Raterford. Ela pai farna-riza fo ta, dai a ta parta de paloma-ovo ke ela findi in nesta.

Landa sirkum li shao-po-shao bikam oltaim pyu monta-ney. Ronde kolina de isla-ney norda-parta fa-replasi bay vere monta-kadena. Safari-sha majbur go along tange monta-gap inter gran grey roka. Tu go on montaflanka wud bi riska-ney, bikos oni wud mog merki li fon dalem. Oftem li majbur krosi pa chyenlok den stromi-she riva-ki do ais-lenge akwa. Sey riva-ki es tanto lenge bikos li formi aus snega kel fusi on monta-

юг. Отряд все увеличивался, и после трех недель пути по разоренной стране их было уже около пятисот человек.

Иногда они натыкались на пепелища сожженных деревень. Там, где прежде был частокол, торчали обгорелые бревна, редкие, словно поломанные зубы. Обглоданные человеческие кости свидетельствовали о страшных пирах, которые недавно здесь происходили. Наши путники всегда огибали стороною эти жуткие развалины, боясь встретиться с врагами.

Питались они очень скверно – редко-редко удавалось им убить одичалую свинью, убежавшую в лес из какого-нибудь разграбленного селения. Они глотали все, что попадалось им под руку: голубиные яйца, улиток, червей, пауков, корни папоротника. Эмаи запрещал жечь костры, и всю пищу приходилось есть сырой. Рутерфорд страдал от этого больше всех и сильно похудел.

Нога Эшу скоро поправилась, и теперь девушка шла сама, без посторонней помощи. Она, как верный пес, не отставала от Рутерфорда ни на шаг. Она доставала для него папоротниковые корни и делилась с ним птичьими яйцами, которые находила в гнездах.

Страна вокруг них становилась мало-помалу все гористее. Круглые холмы северной части острова сменились настоящими горными кряжами. Путники пробирались узкими ущельями меж огромных серых скал. Взбираться на склоны гор было слишком рискованно, потому что там их могли бы заметить издалека. Часто им приходилось перебираться вброд через стремительные речки с ледяной водой. Эти речки были так холодны потому, что они образовались из снега, тающего на вершинах гор. Но несколько раз им попадались и горячие

sima. Bat kelke ves li miti i garme sursa, kuti-ney bay vapor-badal. Akwa in sey sursa es tanto garme ke oni bu mog tachi it. Garme sursa stromi gao uupar aus arda, kom gigante fontan. Se pruvi ke vulkanike forsas kel koytaim lifti-te Nyu-Siland fon osean-diba, li haishi bu fadi. Duran sey safara Raterford kelke ves vidi vulkan kun fum-ki sobre.

ключи, окруженные клубами пара. Вода в этих ключах так горяча, что к ней невозможно прикоснуться. Горячие ключи били из земли высоко вверх, словно исполинские фонтаны. Они доказывали, что вулканические силы, поднявшие некогда Новую Зеландию со дна океана, еще не утихли. Рутерфорд во время этого путешествия не раз видел вулканы, над которыми вились дымки.

Emaii dukti li a gro-gran dale monta kel-ney snega-ney sima brili yarkem sub surya. Sey monta es mucho pyu gao kem oli otre sirkum-monta.

Эмаи вел их к огромной далекой горе, снежная вершина которой ослепительно сверкала на солнце. Гора эта была гораздо выше всех окрестных гор.

"Baken it Taranaki-landa loki," Emaii shwo al diki monta a Raterford. "Wen monta es baken nu, nu es she amigas."

– За ней находится страна Таранаки, – сказал Эмаи, показывая Рутерфорду гору. – Когда гора окажется сзади нас, мы будем у наших друзей.

Raterford en-remembi ke ta vidi-te sey snega-sima-ney monta fon mar, wen "Agnesa" wandi-te bli sahil de Nyu-Siland al shuki byen baya fo fai anka. Kapitan Koffain nami-te it monta de Egmont.

Рутерфорд вспомнил, что видел эту снежноглавую гору с моря, когда «Агнесса» блуждала возле берегов Новой Зеландии, подыскивая удобную бухту, чтобы пристать. Капитан Коффайн называл ее горою Эгмонта.

Pa fin li kwiti ruini-ney landa. Li begin miti vilaja kel bu es trefi-ney bay gwer e agni. Habiter

Наконец они вышли из разоренного края. Им стали попадаться деревушки, не тронутые войной и пожаром. Жители этих

de sey vilaja resivi safari-sha muy amigem. Li fobi ke Seguii lai a li toshi. Por to li opini oli dushman de Seguii kom ley alianser. Armee de Seguii fobisi li maistem bay banduk. Sey habiter de sentra-ney parta de isla ga bu hev agni-arma.

Oli shefa de vilaja lyu Eshu e Emaii in swa-ney huta fo nochi. Li ugosti gasta abundantem. Oli vidi respekta, kun kel Emaii trati Raterford, e trati ta samem. Onishwoka om komo ta penetri-te inu dushman-kampa, komo ta librisi-te un plengina, komo ta auskavi-te subarda-pasaja e bay to trompi-te Seguii, sey onishwoka propagi fon vilaja a vilaja. Suy gro-gaotaa, agnilik har e blan derma mah nodurte maoris admiri. Kadalok oni aksepti ta kom shefa, obwol ta haishi bu es shefa. Ta somni kun shefas, desnen Emaii. Oli mah-chi ta yao-shem, e sun ta demagrifi.

Nau oni mog go al dey, e li go mucho pyu kway. Li sirkumpasi monta de Egmont e zin landa Taranaki om kel Emaii drimi-te pasion-nem.

деревушек встречали путешественников очень дружелюбно. Они боялись, что Сегюи явится и к ним. Поэтому всех врагов Сегюи они считали своими союзниками. Армия Сегюи страшила их главным образом своими ружьями. Эти обитатели центральной части острова совсем не имели огнестрельного оружия.

Вожди деревень оставляли Эшу и Эмаи ночевать в своих хижинах. Они щедро угощали гостей. Все видели, с каким уважением Эмаи относился к Рутерфорду, и относились к нему так же. Слава о том, как он пробрался во вражеский лагерь, как он освободил пленницу, как он вырыл подземный ход и обманул этим Сегюи, распространялась из деревни в деревню. Его огромный рост, огненные волосы и белая кожа восхищали простодушных новозеландцев. Рутерфорда всюду встречали как вождя, хотя он не был еще вождем. Спал он вместе с вождями, по правую руку Эмаи. Все охотно кормили его, и он скоро опять пополнел.

Теперь, когда можно было идти днем, они шли гораздо быстрее. Обогнув гору Эгмонта, они вошли в страну Таранаки, о которой так страстно мечтал Эмаи.

Un blan maori

Taranaki es bli-mar-ney landa. It loki pa sahil de chaure Kuk-martanga. Mar! Sol mar mog bringi libritaa a Raterford, sol mar mog returni ta a dom. Bay hunge kansa ta examini horisonta, al nadi vidi parus koylok. Bat mar es vakue e sahralik.

In Taranaki li visiti mucho vilaja kel sembli a Raterford pyu riche kem vilaja de Emaii-ney tribu. Legumgarden sirkum li es vaste, in barilok swina fai gru-gru. Bat shefe zunsa de Taranaki tribu es fishing. Flot do menga gran piroga muvi ahir-adar bli sahil duran ol dey. Kelke ves Raterford vidi komo, al stan on kapa de piroga, fisher kili gro-gran sharka bay lanza. Den chou sharka-fet Taranaki-jen opini kom lakma, li pri it pyu kem swina-fet. Al kada defluisa ol populasion de landa lai a sahil fo jami fish e shel. Den shel oni chi sol kru.

Pa fin li arivi a zuy gran vilaja de sey landa. Otako to sobreshefa de tribu habiti hir. Bay grantaa sey vilaja superi oli otre-las ke Raterford gwo vidi in Nyu-Siland. Amini mil jen habiti in it.

Otako miti gasta bli geit. Jenmenga zai krai "Airmaree!" pa extas. Gina skrapi swa-ney fas. Gasta zin geit e tuy gei lokisi in huta. Sobreshefa dukti Eshu, Emaii e Raterford a swa.

Otako es yo ga grey-har-ney, bat ta go fasilem, kom yunga. Ta go tanto kway ke gasta mushkilem sekwi ta.

Белый новозеландец

Таранаки – приморская страна. Она расположена на берегу широкого Кукова пролива. Море! Ведь только море могло принести Рутерфорду избавление, могло вернуть его на родину. Жадным взором оглядывал он горизонт, не видно ли где-нибудь паруса. Но море было нелюдимо и пустынно.

Они посетили в Таранаки много деревень, которые показались Рутерфорду богаче деревень племени Эмаи. Огороды вокруг них были обширны, в загородках хрюкали свиньи. Но главным промыслом племени Таранаки было рыболовство. Флот, состоявший из множества больших пирог, шнырял целыми днями у берега. Рутерфорд не раз видел, как рыбаки, стоя на носу пироги, убивали копьями колоссальных акул. Вонючий акулий жир таранакцы считали лакомством и любили больше свиного сала. Во время каждого отлива все население страны выходило на берег собирать рыб и раковины. Раковины ели только сырыми.

Наконец они прибыли в самую большую деревню страны, где жил Отако, верховный вождь племени. Эта деревня по своим размерам превосходила все, которые до сих пор видел в Новой Зеландии Рутерфорд. В ней жило не меньше тысячи человек.

Отако встретил гостей у ворот. Толпа восторженно кричала: «Айр-маре!» Женщины царапали себе лица. Гости прошли за частокол и сейчас же были размещены по хижинам. Верховный вождь отвел Эмаи, Эшу и Рутерфорда к себе.

Отако был уже совсем сед, но ходил легко, словно молодой человек, и так быстро, что гости едва поспевали за ним.

Gao, magre, muskulaful, ta sembli ga masbute e forte malgree suy yash. Suy kapa es ornen bay sinnamba-ney pluma, un de kel astoni Raterford bay nopinchan grantaa. Es pluma de ausmorti-ney faula moa ke Otako heredi-te fon patra e opa.

Huta de Otako es haishi pyu gran kem huta de Emaii. Bifoo suy dwar un agni jal, sirkum agni shi o shi-dwa man zai sidi. Es subshefa de Taranaki tribu. Li zai rosti un gran swina. Al vidi gasta li rasmuvi e dai a gasta plasa bli agni.

Emaii begin rakonti komo Seguii destrukti suy vilaja. Generalem ta rakonti verem, bat chuyshu gro om kuraja e fabulalik fortitaa de suy gwerjen. Ta nami dushman kom doga, swina, papagay, sharka, ta kun bicha shwo om ley nokuraja, podlitaa, stupiditaa. Kun rare mahanatmitaa ta bu bashani om swa-ney selfa-ney merita, bat ta gro-laudi swa-ney amigas e rishtas.

"May brave dal-son Kaimoroo," ta krai, "ta kili sto-sitshi toy chou doga e morti tak kom un prakinda de mahan hero gai morti."

Oda:

- Gaula to boy kel nulves gwo bi in batala, ta bay kada darba de lanza kili-te tri toy stupide papagay. Me ridi-te al kan komo sey grose swinas lopi fon syao kinda kel fon nodavem hi janmog go. Li ataki lu pa gro-menga, sol dan ta lwo.

Высокий, худощавый, мускулистый, он, несмотря на свой возраст, казался очень крепким и сильным. Голову его окружали бесчисленные перья, одно из которых поразило Рутерфорда своей необычайной величиной. Это было перо вымершей птицы моа, доставшееся Отако по наследству от отца и деда.

Хижина Отако была еще больше, чем хижина Эмаи. Перед ее дверью горел огонь, вокруг которого сидело человек десять – двенадцать мужчин. Это были младшие вожди племени Таранаки. Они жарили большую свинью. Увидев гостей, они подвинулись и уступили им место возле костра.

Эмаи стал рассказывать о том, как Сегюи разрушил его деревню. Рассказывал он, в общем, правдиво, но необыкновенно хвастал храбростью и сказочной силой своих воинов. Врагов он называл собаками, свиньями, попугаями, акулами и с презрением говорил об их трусости, подлости, глупости. Свои достоинства он с редким благородством оставлял в тени, но зато своих друзей и родственников превозносил свыше всякой меры.

– Мой храбрый племянник Кайморо, – кричал он, – перебил сто шестьдесят этих вонючих псов и умер, как подобает умирать потомку великих героев.

Или:

– Гаула, мальчишка, никогда не бывавший в сражении, каждым ударом копья убивал трех этих глупых попугаев. Я хохотал, глядя, как толстые, словно свиньи, воины Сегюи убегали от ребенка, который недавно научился ходить. Они набросились на него целым войском, и только тогда он упал.

Pa kada minuta Emaii en-stan pa salta, virti mer e diki komo kada suy gwerjen batali-te. Malgree troisa, rakonta de Emaii klarisi toy tri kausa dank a kel Seguii he jiti. Un-nem, dushman apari-te bli vilaja pa un-e-haf wik pyu ranem kem li gei-te expekti. Dwa-nem, li bin mucho. Tri-nem, oni bu mog batali bay lanza e mer kontra banduk e kula.

"Ob li verem oli hi hev banduk?" Otako kwesti.

"Hampi oli," Emaii jawabi. "Si li bu wud hev banduk, nu wud mog fai chu-ataka e bu wud lasi li agnisi stakatot."

Wen Emaii rakonti om salving de Eshu, om subarda-pasaja, oli fai respekta-ney kansa a Raterford.

Bat Raterford bu audi Emaii-ney worda. Duran ol suy rakonta ta fixi-nem kan un jen kel zai sidi bli agni e chabi swinamasu.

Pluma on kapa de bukoniwan e tatu on suy frenta gavahi ke ta es un de subshefas de Taranaki tribu. Suy plechas es kovren bay borya, in handa ta teni mer, bli pedas un lanza lagi. Kelke ves duran Emaii-ney rakonta ta fai kurte remarka, ta shwo pa maori librem, fasilem, pravem, kom vere maori. Bat fas de sey jen, noglate por tatu, bu es brun. It es blan, sam kom Raterford-ney.

Wen swina es chi-ney e oli en-stan fo go somni, blan-

Эмаи поминутно вскакивал, размахивал мэром и показывал, как сражался каждый из его воинов. Но, несмотря на такие преувеличения, из его рассказа стали совершенно понятны те три причины, благодаря которым Сегюи оказался победителем. Во-первых, враги появились возле деревни на целые полторы недели раньше, чем их ожидали. Во-вторых, их было много. В-третьих, копьями и мэрами ничего не сделаешь против ружейных пуль.

– Неужели у всех были ружья? – спросил Отако.

– Почти у всех, – ответил Эмаи. – Если бы у них не было ружей, мы могли бы делать вылазки и не позволить им поджечь частокол.

Когда Эмаи рассказал о спасении своей дочери, о подземном ходе, все с уважением взглянули на Рутерфорда.

Но Рутерфорд не слушал слов Эмаи. Во время всего его рассказа он пристально разглядывал человека, который сидел тут же, возле костра, и жевал свинину.

Перья на голове незнакомца и татуировка на лбу свидетельствовали, что он был одним из младших вождей племени Таранаки. Плечи свои он покрыл циновкой, в руке держал мэр, у ног его лежало копье. Несколько раз во время рассказа Эмаи он вставлял короткие замечания и говорил по-новозеландски свободно, легко, правильно, как прирожденный новозеландец. Но кожа на лице этого человека, изрытая татуировкой, была не коричневая, а белая, как у самого Рутерфорда.

Когда свинью съели и все встали, чтобы идти спать, белокожий

derma-ney maori lai a Raterford e bulautem shwo a ta pa inglish:

"Lai a may huta. Tri-ney-la leften geit."

Toka

Raterford pasi nocha in huta de Otako. Pa savera, wen oli haishi somni, ta en-stan e go shuki habitilok de blan maori. Ti blan wan habiti na huta aspekti samem kom otre huta de vilaja. Raterford stopi bli zinsa.

"Zin ba," koywan shwo pa pure inglish lingwa.

Raterford fa-inklini e zin. In haf-luma ta vidi un man kel sidi on senu, semblem yus afte en-jagi. Bli ta un gina somni, al pon bracha on dwa syao somni-she kinda. In huta ye sol un Europa-ney obyekta: gro-hao dwa-tuba-ney banduk pendi-she pa mur.

"En-sidi ba, Raterford," masta de huta shwo.

Raterford ek-tremi al audi suy nam. Maoris nami ta

новозеландец подошел к Рутерфорду и сказал вполголоса по-английски:

– Приходи ко мне в хижину. Третья слева от ворот.

Беседа

Проведя ночь в хижине Отако, Рутерфорд встал на рассвете, когда все еще спали, и пошел искать жилище белого новозеландца. Хижина, в которой жил белый, по внешнему виду ничем не отличалась от прочих хижин деревни. Рутерфорд остановился у входа.

– Заходи, – произнес кто-то на чистом английском языке.

Рутерфорд нагнулся и вошел. В полумраке он увидел человека, который сидел на сене, очевидно только что проснувшись. Рядом спала женщина, придерживая во сне руками двух маленьких спящих детей. В хижине был только один европейский предмет – превосходное двуствольное ружье, которое висело на стене.

– Садись, Рутерфорд, – сказал хозяин хижины.

Рутерфорд вздрогнул, услышав свое имя.

Hwan-har-ney. Komo sey jen mog jan suy vere nam?

"Hu shwo-te a yu may nam?" ta kwesti.

"Yur amiga Jon Wotson," blan maori jawabi. "Ta rakonti-te a me om yu oli. Me remembi suy worda e rekoni yu por yur gaotaa e rudish har."

"Jon Wotson! Yu vidi-te Jon Wotson?" Raterford krai.

"Ya, vidi-te. In pasi-ney yar nu kun Otako fai un gran safara a norda e pasi kelke dey in vilaja de shefa Rengadi. Wotson es beklosi-ney. Ot gwerjen gardi ta al dey e al nocha. Bat oni lasi me toki kun ta, bikos me es shefa e me jivi hir fon davem. Wotson rakonti a me, ke malgree garda ta fugi-te shi-un ves. Kada ves oni kapti ta in shulin e dukti bak. Ta bin nobridibile jen, ta bu mog-te rekonsili kun plen."

"Bin? Way yu shwo 'bin'?" Raterford kwesti kun alarma. "Ob nau ta bu es yo?"

"Oni he kili ta."

"Por kwo?"

"Por ke ta kili suy masta, lao shefa Rengadi. Al nocha, pa kelke ora afte nuy toka. Ta rupti bakmur de suy huta e fugi snova, pa shi-dwa-ney ves. Oni merki ta wen ta es yo bli geit. Al sey taim Rengadi kontroli

Новозеландцы называли его Желтоголовым. Откуда этот человек может знать, как его зовут на самом деле?

– Кто сказал тебе, как меня зовут? – спросил он.

– Твой приятель Джон Уотсон, – ответил белый новозеландец. – Он рассказывал мне о вас всех. Я, вспомнив его слова, сразу узнал тебя по твоему росту и твоим рыжим волосам.

– Джон Уотсон! Ты видел Джона Уотсона? – вскрикнул Рутерфорд.

– Да, видел. В прошлом году мы с Отако совершили большое путешествие на север и провели несколько дней в деревне вождя Ренгади. Уотсона держали взаперти. Днем и ночью его сторожили восемь воинов. Но мне позволили поговорить с ним, потому что я вождь и живу здесь очень давно. Уотсон рассказал, что, несмотря на охрану, ему удавалось одиннадцать раз убежать из деревни. Всякий раз его настигали в лесу и приводили обратно. Он был неукротимый человек и не мог примириться с пленом.

– Был? Почему ты говоришь – был? – в тревоге спросил Рутерфорд. – Разве сейчас его уже нет?

– Его убили.

– За что?

– За то, что он убил своего хозяина, старого вождя Ренгади. Ночью, через несколько часов после моего разговора с ним. Он проломил заднюю стену своей хижины и бежал – в двенадцатый раз. Его заметили, когда он находился уже возле самых ворот. А в это время Ренгади проверял стражу,

garda de vilaja. Ta vidi fuger e kun tri gwerjen lopi a ta. Jon Wotson graspi mer aus handa de un gwerjen e rupti kapal de shefa. Afte un momenta ta selfa es kili-ney bay lanza."

охранявшую деревню. Увидев беглеца, он вместе с тремя воинами кинулся ему наперерез. Джон Уотсон вырвал из рук одного воина мэр и раскроил вождю череп. Через минуту он сам был заколот копьем.

Raterford lasi lwo kapa. Ta en-sta mushkile e griva-ney. Povre Wotson! Also aus li, sit jen, bu sol Jek Mallon morti-te.

Рутерфорд низко опустил голову. Ему стало тяжело и больно. Бедный Уотсон! А он-то думал, что из них шестерых погиб только Джек Маллон.

"Ob yu vidi-te yoshi koy otre marjen fon 'Agnesa'?" ta kwesti kyetem afte longe silensa.

– Не видел ли ты еще кого-нибудь из матросов «Агнессы»? – тихо спросил он после продолжительного молчания.

"Vidi-te."

– Видел.

"Den hu?"

– Кого?

"Jefferson. Nu gasti-te she suy masta, shefa Wana. Jefferson he fa-pagale."

– Джефферсона. Мы гостили у его хозяина, вождя Ваны. Джефферсон сошел с ума.

"Yus tak me dumi-te!" Raterford exklami.

– Я так и думал! – вскричал Рутерфорд.

"Karim Wana lubi ta gro, garwi por ta, diki ta a oli. Jefferson bu remembi nixa. Ta iven he delerni shwo. Me kwesti-te ta, komo ta sta, ob ta sinian om janmalanda, ob koywan ofensi ta. Bat ta sol fai sinsensu-ney suon. Duran ol dey ta lagi on senu, kwasi balka, e kan uupar. Ta defai stupor sol wen oni bringi fan. Ta chi mucho, gro-hungem. Wana mah-chi ta abundantem, e ta es tanto grose ke apena pasi tra huta-dwar..."

– Добрый Вана очень его любит, гордится им и всем его показывает. Джефферсон ничего не помнит. Он разучился даже говорить. Я спрашивал его, как ему живется, не скучает ли он по родине, не обижает ли его кто-нибудь. Но в ответ он только бессмысленно мычал. Целыми днями он лежит, словно бревно, на сене и смотрит вверх. Из оцепенения он выходит, только когда ему приносят еду. Ест он много и с необыкновенной жадностью. Вана кормит его очень щедро, и он так растолстел, что едва пролезает в дверь хижины...

"Ob yu miti-te Jon Smit e Tompson?" Raterford kwesti. "Kwo he eventi a li?"

"Non, me bu miti-te li. Li es oda kili-ney, oda in plen she Seguii. Seguii ya he ruini ti li jivi na vilaja."

Ti somni on senu na gina ofni okos e en-examini Raterford.

"Es may molya, Otako-ney docha," blan savaja shwo. "Ela samaji nul worda pa inglish. May kinda kresi kom vere maori, li bu farki fon otre hir-ney kinda. Sol derma es idyen pyu klare."

"E yu, hu es yu?" Raterford kwesti.

"Me nami Jeims Mor," blan savaja jawabi. "Me es fugi-ney Ostralia-ney katorga-jen."

Ta kan Raterford-ney fas atentem, dabe vidi komo sey konfesa impresi Raterford. Bat fas de Raterford bu shanji. Dan fugi-ney katorga-jen kontinu:

"Me bin inglish texer. Nu gun bay handa, kadawan in swa-ney dom. Nuy gunsa manteni nu, obwol nu es muy povre. Bat komersa-jen bildi un kapra-fabrika. Oni stavi mashina in sey fabrika. Fabrika-ney kapra kosti pa dwa ves pyu chipe kem nuy-la. Also nulwan kupi nuy kapra pyu. Ye nixa fo chi. May docha morti por hunga. Dan nu to oli texer jami tuhun, pa menga go a fabrika e rupti oli damni-ney mashina. Oni aresti nu e sendi a Ostralia fo katorga. Duran tri yar me porti

– А не встречал ли ты Джона Смита и Томпсона? – спросил Рутерфорд. – Что с ними?

– Нет, повидать их мне не удалось. Они либо убиты, либо находятся в плену у Сегюи. Ведь Сегюи уничтожил деревни, в которых они жили.

Женщина, спавшая на сене, открыла глаза и стала внимательно разглядывать Рутерфорда.

– Это моя жена, дочь Отако, – сказал белый дикарь. – Она ни слова не понимает по-английски. Дети мои растут, как настоящие новозеландцы, и ничем не отличаются от прочих здешних детей. Только кожа у них немного светлее.

– А кто ты такой? – спросил Рутерфорд.

– Меня зовут Джемс Маури, – ответил белый дикарь. – Я беглый австралийский каторжник.

Он пристально взглянул Рутерфорду в лицо, чтобы увидеть, какое впечатление произвело на него это признание. Но лицо Рутерфорда не изменилось. Тогда беглый каторжник продолжал:

– Я был английским ткачом. Мы работали вручную, каждый у себя на дому. Наша работа кормила нас, хотя мы были очень бедные люди. Но скоро купцы построили суконную фабрику. На этой фабрике поставили машины. Фабричное сукно стоило вдвое дешевле нашего. И никто не стал покупать наше сукно. Нечего стало есть. Моя дочка умерла от голода. Тогда мы, ткачи, собрались толпой, пошли на фабрику и сломали все проклятые машины. Нас арестовали и отправили в Австралию на каторжные работы. Три года я носил кандалы и мостил

kao e pavimenti Ostralia kamina. Pa fin me suksesi fugi, me ahfi-go a Port-Jekson. Dar me zin marjen-tim de un ship. Nuy ship visiti Nyu-Siland e fai anka hir, bli sey sahil, in Kuk-martanga, dabe pren nosolte akwa e raubi savajas. Duran ke nu fai anka, me kwereli kun un maryuan kel es podle e karke jen. Ta jan may sekret. Ta irifi om me, go a kapitan e shwo a ta ke me es fugi-ney katorga-jen. Kapitan deklari ke al returni a Ostralia ta ve handi me a polis. Dan me fugi fon ship e lai a sey vilaja. Otako resivi me muy karimem. Me jivi hir yo duran ot yar, e sey yar es zuy felise in may jiva. Me bu ve departi fon hir, iven si oni wadi a me komplete pardona. Me heni Ingland."

"E komo yu bikam-te shefa, Jeims Mor?"

"Me he fa-distinti in mucho batala. Otako gro-lubi me. Sin may konsila ta bu zwo nixa. Me es kwasi prime minista hir. Me dukti ol politika e ol komersa de tribu, me fai aliansa e deklari gwer. Bat me es salam-ney jen, me preferi salam, bu gwer. Dank a aliansa kun nuy visin ke me he fai, Taranaki tribu es nau zuy forte tribu pa ol sahil de Kuk-martanga. Si Seguii wud yok, nu wud bi zuy mahtaful in ol isla. Bat kontra banduk de Seguii nu mog zwo nixa."

"Shwo ba, Jeims Mor, fon wo Seguii pai-te banduk?"

"Inglish rega doni-te li a ta."

австралийские дороги. Наконец мне посчастливилось бежать, и я пробрался в Порт-Джэксон. Там я поступил матросом на корабль. Наш корабль зашел в Новую Зеландию и остановился вот здесь, у этих берегов, в Куковом проливе, чтобы набрать пресной воды и пограбить дикарей. Пока мы стояли на якоре, я поссорился с одним матросом, подлым и грубым человеком. Он знал мою тайну. Рассердившись на меня, он пошел к капитану и сказал ему, что я беглый каторжник. Капитан заявил, что, вернувшись в Австралию, он отдаст меня полиции. Тогда я бежал с корабля на берег и пришел в эту деревню. Отако принял меня очень ласково. Я живу здесь уже восемь лет, и это самые счастливые годы в моей жизни. Я не уеду отсюда, даже если мне пообещают полное прощение. Я ненавижу Англию!

– А как ты стал вождем, Джемс Маури?

– Я отличился во многих боях. Отако очень любит меня. Он ничего не предпринимает без моего совета. Я здесь вроде первого министра. Веду всю политику и всю торговлю племени, заключаю союзы, объявляю войны. Впрочем, я человек миролюбивый и мир предпочитаю войне. Благодаря союзам, которые я заключил с нашими соседями, Таранаки теперь самое сильное племя на всем побережье Кукова пролива. И, если бы не Сегюи, могущественнее нас не было бы никого на всем острове. Но против ружей Сегюи мы ничего поделать не можем.

– Скажи, Джемс Маури, откуда у Сегюи ружья? – перебил его Рутерфорд.

– Их подарил ему английский король.

"Inglish rega! Ob inglish rega visiti-te Nyu-Siland?"

– Английский король! Разве английский король был в Новой Зеландии?

"Non. Bat Seguii bin in Ingland e prisenti-te swa a inglish rega."

– Нет. Но Сегюи был в Англии и представлялся английскому королю.

"Wen?"

– Когда?

"Ta returni-te sol un-e-haf yar bak. Ob yu bu he audi om se? Dan yu bin ya in plen yo."

– Он вернулся на родину всего полтора года назад. Неужели ты не слышал об этом? Ведь ты тогда уже находился в плену.

"Me audi se pa un-ney ves!" Raterford exklami.

– Я в первый раз это слышу! – воскликнул Рутерфорд.

"Sirke sit yar bak Seguii es sobreshefa de un syao tribu pa esta-ney sahil de nuy isla. Kapitan de koy komersa-ship transporti ta a Ingland. Dar oni resivi ta kom gaurawe ofisiala. Un-e-haf yar bak un inglish gwership pon ta snova on sahil de Nyu-Siland tuhun kun dwa mil banduk."

– Лет шесть назад Сегюи был верховным вождем одного маленького племени на восточном побережье нашего острова. Капитан какого-то торгового судна отвез его в Англию. Там Сегюи приняли как вельможу, а полтора года назад английский военный корабль высадил его снова на берег Новой Зеландии вместе с двумя тысячами ружей.

"Un inglish gwership lai-te ahir! It wud mog-te sundi me a janmalanda, e me jan-te nixa om se", Raterford dumi kun karwitaa. Bat ta bu shwo sey duma lautem, bikos Jeims Mor es patriota de Nyu-Siland, tu konfidi a ta den plan de fuga wud bi danja-ney. Inplas to Raterford kwesti:

«Сюда приходил английский военный корабль, который мог взять меня на родину, а я ничего не знал об этом!» – с горечью подумал Рутерфорд. Но мысли своей вслух не высказал, потому что Джемс Маури стал таким новозеландским патриотом, что доверять ему планы о побеге было опасно. Вместо этого Рутерферд спросил:

"Way inglish rega dai-te tanto mucho banduk a ta?"

– А зачем английский король дал ему столько ружей?

"Inglish rega fai-te kontrakta kun Seguii om ke Seguii konkesti ol Nyu-Siland e doni it a Ingland. Dan Ingland wud pai yoshi un riche kolonia, e Seguii wud

– Английский король заключил с Сегюи договор, что тот покорит всю Новую Зеландию и подарит ее Англии. Тогда Англия получила бы еще одну богатую колонию, а Сегюи был

bi kwasi kolonia-guverner. Walaa komo Seguii pai-te banduk. Bat Seguii yao jiti inglish rega bay durtitaa. Ingland es dale. Ta zai konkesti Nyu-Siland bay banduk, yedoh bu fo Ingland, bat fo swa selfa."

Jeims Mor silensi idyen, poy adi:

"Seguii es durte, bat pa fin Ingland ve sobredurti ta."

"Komo?" Raterford kwesti.

"Sey gwer zai extirpi tote tribus. Kelke shika mil de maori gwerjen es yo kili-ney. Mucho masbute ipu es yo jal-ney. Seguii es ferose jen-chier. Depos ke ta returni-te fon Europa, suy armee chi hampi sol jen-masu. Gwer impedi shikaring e agra-gunsa, hunga ugrosi landa. Kelke yar pyu de tal ruini-she gwer, ewalaa Nyu-Siland ve bikam jen-yok-ney landa. Dan Ingland ve konkesti it sin mushkila."

Raterford audi kunshwoer atentem, ta kapti kada worda. Til nau ta jivi-te kwasi in tumitaa, ta bu samaji-te kwo eventi sirkum ta. Bat dabe akti pravem, pa selfa, ta gai samaji hao den jiva de sey landa, a kel fata he lansi ta.

"Nyu-Siland ve bikam jen-yok-ney landa," Jeims Mor shwo for, "si nu bu stopi sey ruining. Seguii kontroli ol norde e sentrale parta de isla. Nu kontroli sey sahil. Monta separisi nu fon Seguii. Si ta chu kontra nu, nu ve miti ta in nuy monta ke nu jan gro-hao, e ta ve fai

бы здесь чем-то вроде королевского наместника. Вот какой ценой Сегюи достались его ружья. Но Сегюи решил перехитрить английского короля. Англия отсюда далеко. Он покоряет своими ружьями Новую Зеландию, но не для Англии, а для самого себя.

Джемс Маури помолчал и наконец прибавил:

– Хитер Сегюи, но в конце концов Англия перехитрит его.

– Каким же образом? – спросил Рутерфорд.

– Эта война целые племена стирает с лица земли. Десятки тысяч новозеландских воинов уже пали в бою. Множество крепких и-пу сожжено. Сегюи свирепый людоед. С тех пор как он вернулся из Европы, его войско ест почти одно только человеческое мясо. Война отвлекает жителей от охоты, от земледелия, стране грозит голод. Еще несколько лет такой истребительной войны, и Новая Зеландия превратится в пустыню. Тогда Англия завоюет ее голыми руками.

Рутерфорд сосредоточенно слушал своего собеседника. Он боялся пропустить хотя бы одно слово. До сих пор он жил как впотьмах, он не понимал, что совершается вокруг него. А для того чтобы правильно поступать, чтобы действовать самому, нужно знать решительно все о жизни той земли, куда его забросила судьба.

– Новая Зеландия превратится в пустыню, – продолжал Джемс Маури, – если мы не положим предел этому разорению. Вся северная и центральная часть острова в руках Сегюи. Но этим побережьем владеем мы. Нас от Сегюи отделяют горы. Если он выступит против нас, мы встретим его в наших горах, где нам

hasima malgree oli suy banduk. Ta jan se e weiti ke nu hi begin gwer e lai a ta. Wel, ta ve tilweiti se. Wen taim lai, nu go e jiti."

"Wen hi sey taim lai?"

"Wen nu ve hev pyu banduk kem nau."

"Ob nau yu hev banduk?"

"Walaa, kan," Jeims Mor shwo al indiki ti pa mur pendi na banduk.

"Yu dumi ku ke un yur banduk es pyu hao kem Seguii-ney dwa mil banduk?" Raterford ek-ridi.

"Nu hev bu un banduk, nu hev dwasto. E sun nu ve hev pyu," Jeims Mor jawabi. "Balena-ship bringi li. Sey ship fai anka hir in Kuk-martanga dabe pren akwa e ligna. Nu permiti a balener tu landi, tu pren akwa e haki ligna. Pur to nu pren paga bay banduk e barut. Balener aksepti sey komersa-akta, li jan ya ke otrekas li bu ve mog go a sahil."

"E oftem ku sey balena-ship visiti yu?"

"Sirke un ves per dwa yar. Koyves pyu oftem, koyves pyu rarem."

"Es ya gro-hao ke me he geti a Taranaki!" Raterford dumi kun joisa. Nada, yo fadi-ney, snova animifi in suy kordia.

известна каждая тропинка, и он будет разбит, несмотря на все свои ружья. Он знает это и ждет, чтобы мы первые пошли на него войной. Ну что ж, он дождется. Настанет время – мы пойдем и победим.

– Когда же настанет это время?

– Когда у нас будет немного больше ружей, чем сейчас.

– А разве у вас сейчас есть ружья?

– Вон гляди, – сказал Джемс Маури, показывая Рутерфорду ружье, висевшее на стене.

– И ты думаешь, что одно твое ружье лучше тех двух тысяч, которые у Сегюи! – рассмеялся Рутерфорд.

– У нас не одно ружье, а двести, и скоро будет еще больше, – ответил Джемс Маури. – Ружья нам привозят китоловные суда, которые останавливаются здесь, в Куковом проливе, чтобы запастись водой и лесом. Мы разрешаем китоловам выйти на берег, набрать воды, нарубить дров и за это берем с них дань ружьями и порохом. Китоловы охотно соглашаются на такую сделку. Они отлично знают, что, если мы не захотим, им не удастся выйти на берег.

– И часто вас посещают эти китоловы?

– Примерно раз в два года. Иногда чаще, иногда реже.

«Как хорошо, что я попал в Таранаки!» – радостно подумал Рутерфорд. Погасшие было надежды снова вспыхнули в его сердце.

Weita

Longtaim hi Raterford jivi in Taranaki landa, bat ship de balener bu lai. Kada dey ta go a sahil e longem kan an ondi-she mar. Bat, exepte maori piroga, ship yok. Tristem ta returni a vilaja. Bat ta bu lusi nada e pa sekwi-sabah snova go a mar.

Otako e Mor weiti balener kun same nosabra, obwol por otre kausa. Li yao pai banduk e begin gwer kontra Seguii pyu sun.

"Li tardefai, bat li zaruu ve lai," Jeims Mor shwo sigurem. "Treba sol weiti idyen pyu."

Raterford pri Mor, e ambi inglish sun bikam amiga. Bat Raterford bu konfesi a suy nove amiga, ke ta drimi returni a janmalanda. Fugi-ney katorga-jen bikam-te vere maori, ta heni Ingland wo ta sufri-te, e verem en-lyan a nove patralanda. Tu rakonti a ta den plan om returna a Ingland es sam danja-ney kom tu rakonti it a Emaii oda Otako.

Raterford selfa toshi en-lubi Nyu-Siland. Ta pri mahanatmitaa e kuraja de sey kruele, povre, sintalim-ney jen. Ta admiri ley do-janma-ney rasum, ley fidelitaa versu amiga. Si nafra-ney tradision de jen-chiing wud yok, ta wud fulem rekonsili kun li. Ta pri natura de Nyu-Siland yoshi pyu kem it-ney jen. Kun juisa hi ta wandi in kyete jamile shulin al persekwi un savajifi-ney swina, klimbi pa krute flanka de monta, pi

Ожидание

Долго прожил Рутерфорд в стране Таранаки, а суда китоловов не появлялись. Каждый день выходил он на берег и подолгу смотрел в бушующее море. Но море было пустынно. Он не видел никаких судов, кроме новозеландских пирог. Грустный возвращался он в деревню. Но надежды не терял и на следующее утро снова шел к морю.

Отако и Маури ждали китоловов с таким же нетерпением, хотя совсем по другим причинам. Им хотелось поскорее получить ружья и начать войну против Сегюи.

– Они запоздали, но они непременно явятся, – уверенно говорил Джемс Маури, – нужно только подождать еще немного.

Маури очень нравился Рутерфорду, и оба англичанина скоро подружились. Но Рутерфорд не признавался своему новому другу в том, что мечтает вернуться на родину. Беглый каторжник стал настоящим новозеландцем, ненавидел Англию, в которой испытал столько мук, и всем сердцем привязался к своей новой отчизне. Рассказывать ему свои планы о возвращении в Англию было так же опасно, как рассказывать их Эмаи или Отако.

Рутерфорд и сам полюбил Новую Зеландию. Ему нравились благородство и мужество этих жестоких, нищих, невежественных людей. Он восхищался их природным умом, их верностью в дружбе. И если бы не отвратительный обычай людоедства, он совсем примирился бы с ними. Еще больше, чем люди, нравилась ему природа Новой Зеландии. Он с наслаждением бродил по безмолвным темным лесам, преследуя одичавшую свинью, лазил по неприступным горным

ais-lenge akwa aus stromi-she riva, inuspiri mole e sempre warme aira.

Yedoh ta sinian gro. Al nocha ta sonji om gata de gran urba, shum de sinnamba-ney gari e keb, gao ston-dom, dikiwinda e jaopay de shop, marjen-ney taverna, hom-ney inglish shwosa pa kada daokrosa. Ta en-jagi e longem gemi al fa-turni fon un flanka a otre. Ta hev ya gami-ney sistas, kelke dal-son, amigas in Ingland, e ta gro-yao vidi li.

Dwa blan jen hev farke plan, e li jivi farkem. Jeims Mor trai simili maori tanto kwanto posible. Ta hev banduk, bat ta shikari bay lanza. Longtaim ta lerni yusi mer. Ta hev fer-ney acha, bat ta preferi yusi ston-ney. Ta kuki fan sol pa maori dao, e ti ta habiti na huta bu distinti fon otre huta de vilaja.

Raterford, kontrem, pri zuy den toy Europa-ney kosa ke ta haishi hev: un acha, un sikin e un pistola. Til nau ta bu janmog yusi lanza. Al go shikari ta oda pregi-pai banduk fon koywan oda stavi jatile korda-kaptika fo faula. Otako doni a ta den arda-pes, e ta kultivi it bu bay stik bat bay selfa-zwo-ney ligne pluga ke ta selfa trani, inplas kaval. Ta snova bildi un europalik dom aus grose balka. Nau ta bu nidi fortesa, ta nidi dom, also ta haki-zwo vere winda in mur. Por yoksa de glas winda fa-klosi bay ligne klosika.

Yoshi ta talimi maoris idyen. Ta diki a li, pa exampla, komo oni texi neta. Bifoo ta maoris hev-te nul idea om

кручам, пил ледяную воду из стремительных речек, дышал мягким, всегда теплым воздухом.

Но все же он мучительно тосковал. По ночам снились ему улицы больших городов, грохот бесчисленных дилижансов и кэбов, высокие каменные дома, витрины и вывески магазинов, шум матросских кабаков, родная английская речь на всех перекрестках. Он просыпался и, лежа на земляном полу, долго стонал и охал, переворачиваясь с боку на бок. Ведь у него в Англии остались замужние сестры, племянники, друзья, и он страстно хотел их повидать.

У обоих белых были разные планы, и они по-разному жили. Джемс Маури изо всех сил старался как можно больше походить на новозеландца. У него было ружье, но на охоту он ходил с копьем и долго учился владеть мэром. У него был железный топор, но он предпочитал пользоваться каменным. Пищу он готовил только по-новозеландски, и хижина, в которой он жил, ничем не отличалась от прочих хижин деревни.

Рутерфорд, напротив, больше всего любил те европейские предметы, которые у него еще оставались, – топор, нож и пистолет. Владеть копьем он так и не научился – отправляясь на охоту, он выпрашивал у кого-нибудь ружье или расставлял птицам хитроумные силки. Отако подарил ему клок земли под огород, и он возделывал ее не палкой, а самодельной деревянной сохой, в которую впрягался сам вместо лошади. Жилище себе он опять построил на европейский лад – не из тростника, а из толстых бревен. Ему теперь нужен был дом, а не крепость, и он прорубил в стенах настоящие окна, которые, за неимением стекол, закрывались деревянными ставнями.

Кое-чему он обучил и новозеландцев. Он показал им, например, как надо плести сети. До него новозеландцы о сетях не имели

neta. Pa dwa yar afte suy ariva a Taranaki ol bli-sahil-ney populasion yo kapti fish bay neta, also kaptura fa-gran pa kelke ves.

Un-ney neta es texi-ney bay Eshu aus fibra de savaje lin segun instrukta de Raterford. Kun neta Raterford raki piroga inu mar. Wen ta returni, suy piroga es fule de fish. Dan oli begin texi neta. Sun ye tanto mucho fish ke oni bu mog chi it ol. Iven doga e swina chi fish til sta sate. Also oni begin fumi fish fo futur.

ни малейшего представления. Через два года после его прибытия в Таранаки все прибрежное население ловило рыбу сетями и улов увеличился в несколько раз.

Первые сети были сплетены Эшу из волокон дикого льна по указанию Рутерфорда. Рутерфорд вышел на пироге в море, и, когда вернулся, его пирога была полна рыбой. Тогда все стали плести сети. Скоро рыбы оказалось столько, что ее не успевали съедать всю и стали коптить впрок. Даже собаки и свиньи досыта нажирались рыбой.

Raterford rakonti suy drima om returni a janmalanda sol a Eshu. Ta jan ke ela bu ve gadari ta.

Одной только Эшу рассказывал Рутерфорд свои мечты о возвращении на родину, так как знал, что она его не выдаст.

"Me ve sta triste por separi fon yu, Hwan-har-ney," yungina shwo. "Me yao ke ship de yur tribu lai ahir zuy tarde posible. Bat me samaji ke tu jivi sole miden garibe jenmin es mushkile. Me piti yu. Kan ba, may patra gro-sinian om nuy vilaja ke Seguii he ruini. Bat it es ya blise, e yur janmalanda es ya dale. Oo, si me wud majbur kwiti sey isla fo sempre e en-loki miden garibe jen kel shwo pa garibe lingwa, me wud lusi rasum."

– Мне грустно будет с тобой расставаться, Желтоголовый, – говорила девушка. – Я хочу, чтобы корабль твоего племени пришел сюда как можно позже. Но я понимаю, что жить одному среди чужого народа очень тяжело, и мне тебя жалко. Смотри, как тоскует мой отец по нашей деревне, которую уничтожил Сегюи. А ведь он находится от нее гораздо ближе, чем ты от своей родины, и окружен друзьями. Нет, если бы мне пришлось навсегда покинуть этот остров и попасть к чужеземцам, которые говорят на чужом языке, я бы потеряла рассудок.

"Ya, kelkes lusi rasum por to," Raterford dumi al remembi nofortune Jefferson.

Emaii lubi for den Raterford e bu fogeti suy wada tu mah ta shefa. Pa un dey (se eventi yo pa dwa-ney yar de jiva in Taranaki) ta jami oli suy gwerjen in maidan. Lai-ney jen es sol syao resta de gran tribu kel koytaim habiti-te in kelke shi-dwaka de mucho-jen-ney vilaja. Emaii fai longe bashan in kel ta deskribi kuraja, fortitaa e rasum de Raterford in zuy yarke expresa. Sey bashan duri amini un ora. Al fini shwo ta voki mah-lai Raterford. Raterford en-genui bifoo sobreshefa. Emaii mah ta stan e longem fai nos-froting. Poy Emaii doni a ta den gran borya pinti-ney bay rude okra e komandi ke oni tatui frenta de nove shefa. Frenta-tatu es shefe distintive marka de maori shefa, nulwan exepte shefa hev raita de mah swa-ney frenta tatui-ney. Sin un hi gema Raterford tratoleri tungaful operasion kel duri pyu kem haf-ora. Wen tatuing es fini-ney, al ahfi tunga ta orni swa-ney kapa bay pluma e aranji festachia fo gwerjen de Emaii. Gasta chi kelke shika kilo de solten fish, kapten bay Raterford e solten kom reserva. Yoshi li chi dwa swina, donen a ta bay visin-shefas pur ke ta talimi-te li tu texi neta. Festachia duri ol nocha til sabah. Al sabah Otako lai a maidan e pa signa de amigitaa doni a Raterford un banduk, kelke handafula de kula e kelke paun de barut.

Nau, wen Raterford es shefa, gwerjen de Emaii tribu obedi ta sin diskusa. Gwerjen de Taranaki tribu trati ta kun honor. E ta selfa mus obedi sol Emaii. Nau kada

«Да, некоторые от этого теряют рассудок», – подумал Рутерфорд, вспомнив несчастного Джефферсона.

Эмаи по-прежнему любил Рутерфорда и не забыл своего обещания сделать его вождем. Как-то (это было уже на второй год жизни в Таранаки) он собрал на поляне всех своих воинов – жалкие остатки прежде большого племени, обитавшего в нескольких дюжинах многолюдных деревень, – и сказал длинную речь, в которой восхвалял храбрость, ум и силу Рутерфорда самыми пышными выражениями. Речь эта длилась больше часу. Окончив говорить, он подозвал к себе Рутерфорда. Рутерфорд опустился перед верховным вождем на колени. Эмаи поднял его с земли и долго терся с ним носом. Потом подарил ему большую циновку, выкрашенную красной охрой, и приказал татуировать новому вождю лоб. Татуировка на лбу – главный отличительный признак новозеландского вождя, так как, кроме вождей, никто не имеет права татуировать себе лоб. Рутерфорд без единого вздоха вынес мучительную операцию, длившуюся больше получаса. Когда татуировка была кончена, он, скрывая боль, накинул себе на плечи новую циновку, украсил голову перьями и устроил пиршество для воинов Эмаи. Гости съели несколько пудов соленой рыбы, пойманной Рутерфордом и засоленной на всякий случай про запас, и двух свиней, подаренных ему вождями соседних деревень за то, что он научил их плести сети. Пиршество длилось всю ночь до утра. Утром на поляну явился Отако и в знак дружбы преподнес Рутерфорду ружье, несколько пригоршней пуль и несколько фунтов пороху.

Теперь, когда Рутерфорд стал вождем, воины племени Эмаи беспрекословно ему подчинялись. Воины племени Таранаки относились к нему с почетом. А сам он обязан был повиноваться одному только Эмаи. И ни одно важное совещание по вопросам

muhim konsilum om gwer e politika bu duyfu sin ta.

E tu fai konsilum treba hi. Kada mes a Taranaki landa fuger lai fon norda. Hunge, fatige, wundi-ney, sey man e gina fon ruini-ney vilaja es syao resta de mahtaful e mucho-jen-ney tribus. Li lai a Otako e gro-pregi ta tu go a norda pa ol armee e tu extirpi hema-pyase dogamenga de sey chou doga Seguii. Li wadi a protekter menga de riche kosa in kasu de jita.

Kada ves Otako konvoki oli suy subshefa e oli alianser-shefa kel gasti in suy vilajas. Pinchanem konsilum eventi bifoo huta de Otako. Un-nem lai-sha fon norda rakonti om ley beda e gro-pregi helpi venji. Poy oli shefa pa hunta damni Seguii lautem duran kelke ora e preshwo zuy dashat-ney morta a ta. Poy oni chi un swina. Wen sol osta resti fon swina, pinchanem Jeims Mor en-stan e bashani. Ta shwo ke sun ship de blan jen ve lai e bringi banduk e ke tu begin gwer kontra Seguii bifoo to, se wud signifi tabaha. Lai-sha fon norda en-krai ke oni bu mog ajorni gwer pyu, bat Otako sempre konsenti kun suy prime minista, e konsilum desidi weiti ship de blan jen.

Yedoh taim pasi, bat longem-weiten ship bu apari.

Muchos fobi ke Seguii kel yo konkesti-te ol norde isla-parta, ta selfa ve lai gweri kontra Taranaki. Bat Jeims Mor opini se kom shao-probable.

войны и политики не обходилось без него.

А совещаться было о чем. Каждый месяц в страну Таранаки приходили с севера голодные, усталые, покрытые ранами мужчины и женщины, беглецы из разоренных деревень, жалкие остатки могущественных и многолюдных племен. Они приходили к Отако и умоляли его немедленно отправиться со всем своим войском на север и истребить кровожадную свору вонючего пса – Сегюи. Чего-чего только они не обещали своему покровителю в случае победы!

И каждый раз Отако созывал к себе на совещание всех своих младших вождей и всех вождей союзных племен, которые гостили в его деревнях. Совещание собиралось обыкновенно перед хижиной Отако. Сначала пришельцы с севера рассказывали о своих несчастьях и умоляли помочь им отомстить. Потом все вожди сообща в течение нескольких часов громко проклинали Сегюи и предрекали ему самую ужасную смерть. Затем съедали свинью. Когда от свиньи оставались только кости, вставал Джемс Маури и говорил, что скоро придет корабль белых и привезет ружья, а до тех пор начинать войну с Сегюи – это значит идти на верную гибель. Пришельцы с севера принимались кричать, что откладывать войну больше невозможно, но Отако неизменно соглашался со своим первым министром, и совещание решало ждать корабля белых.

Но время шло, а долгожданный корабль не появлялся.

Многие опасались, что Сегюи, который покорил уже всю северную часть острова, сам пойдет войной на страну Таранаки. Но Джемс Маури считал это маловероятным.

"Seguii bu es stupide," ta shwo. "Ta jan muy hao ke hir she nuy monta nu mog fai ambush sobre koy monta-gap e lansi-pluvi ston on li fon uuparen. Non, ta zai weiti ke nu selfa lai a ta. Si nu kwiti nuy monta, nu kun nuy shma-arma ve bi sinmahta-ney."

Tak lentem hi fatigi-she weita de buevitibile gwer pasi.

– Сегюи не так глуп, – говорил он. – Ему отлично известно, что у нас в горах мы подстережем его где-нибудь в ущелье и сверху забросаем камнями. Нет, он ждет, чтобы мы сами пришли к нему. Едва наши горы останутся у нас за спиной, мы со своим жалким вооружением будем перед ним бессильны.

Так тянулось это утомительное ожидание неминуемой войны.

Trafuger

Pa un dey Otako pai turdi-she habar om ke gro-menga de koy jen he zin montalok fon norda e ke miden li ye amini mil gwerjen. Segun onishwoka, li gro-simili Seguii-suporter, bikos li porti menga de banduk. Yedoh li suluki ya stranem: inplas krushisi monta-vilaja li trati habiter kom amiga, yoshi li kadalok shatami Seguii e laudi Otako. Al arivi a nicha de Egmont-monta, li fai gro-kampa dar, e ley shefa go a Taranaki pa sole.

Wen ta zin huta de sobreshefa, dar krome Otako ye yoshi Emaii, Jeims Mor e Raterford. Sin kan eniwan, garibe shefa genui bifoo Otako. Otako silensi e weiti kwo eventi for. Sol un gro-gran pluma de moa faula idyen muvi on suy kapa. Gariba silensi toshi. Turan

Перебежчик

Однажды Отако получил ошеломляющее известие, что с севера вошло в горы полчище каких-то людей, среди которых одних воинов не меньше тысячи человек. Судя по слухам, они были очень похожи на сторонников Сегюи, так как несли множество ружей. Но вели они себя очень странно – вместо того чтобы громить горные деревушки, они обращались с их жителями как с друзьями, всюду поносили Сегюи и громко восхваляли Отако. Дойдя до подножия горы Эгмонта, они остановились там большим лагерем, а вождь их пошел к Таранаки один.

Когда он вошел в хижину верховного вождя, там, кроме Отако, находились Эмаи, Джемс Маури и Рутерфорд. Незнакомый вождь, ни на кого не глядя, упал перед Отако на колени. Отако молчал, ожидая, что будет дальше. Только огромное перо птицы моа слегка колыхалось у него на голове. Незнакомец тоже молчал. И вдруг тишина была

silensa es rupten bay furia-ney kraisa de Emaii:

"Me jan ta! Es Togaree, fidele doga de Seguii. Me he vidi ta wen may vilaja jal. Ta stan-te al kan flama e ridi-te lautem."

Emaii graspi galsa de lai-sha e lifti mer sobre ta.

"Stopi!" Otako krai. "Hay ta shwo. Nu mog kili ta enitaim."

Emaii lasi suy viktima wek e en-sidi in angula al grumbli gluhem.

"Me lai a yu pa sole, oo shefas," Togaree en-shwo. "Sertem, tu kili me es nomushkile fo yu. Bat un-nem audi ba me. Ya, me e oli may gwerjen batali-te tuhun kun Seguii, bikos Seguii es sobreshefa de may tribu. Ya, yu es prave, Emaii, me bin yur dushman e me joi-te al ke yur vilaja jal. Bat nau me es yur amiga, Emaii. Me es yur amiga, bikos me e yu hev un komune dushman. Sey dushman es Seguii."

Al beginsa Togaree shwo kalmem, bat nau ta fa-agiti. Oli audi gro-atentem.

"Seguii he konkesti ol nuy isla," Togaree kontinu. "Sol Taranaki tribu es haishi nodepende. Ta he ruini dushman-ney landa, e in suy vilaja ye pyu morte kapa kem jive-la. Gulam sekwi ta pa menga. Ta mah-chi li bay swinamasu, bat ta selfa chi sol jenmasu. Ta dumi

прервана яростным криком Эмаи:

– Я знаю его. Это Тогаре, верная собака Сегюи. Я видел его, когда горела моя деревня. Он стоял, глядел на пламя и громко смеялся.

Эмаи схватил пришельца за горло и занес над ним свой мэр.

– Остановись! – крикнул Отако. – Пусть он говорит. А убить его мы всегда успеем.

Эмаи отпустил свою жертву и, глухо ворча, сел в угол.

– Я пришел к вам один, вожди, – заговорил Тогаре, – и вам, конечно, нетрудно убить меня здесь. Но раньше выслушайте меня. Да, я и все мои воины сражались вместе с Сегюи, потому что Сегюи верховный вождь моего племени. Да, ты прав, Эмаи, я был твоим врагом и радовался, когда горела твоя деревня. Но теперь я твой друг, Эмаи. Я твой друг, потому что у нас есть один общий враг. Этот враг – Сегюи.

Тогаре начал говорить спокойно. Но тут он заволновался. Все слушали его с напряженным вниманием.

– Сегюи покорил весь наш остров, – продолжал Тогаре. – Одно только племя Таранаки осталось ему неподвластно. Он опустошил вражеские земли, и в деревне его больше мертвых голов, чем живых. Рабы ходят за ним толпой – он их кормит свининой, а сам ест только человеческое мясо. Но он думает, что мы, вожди его племени, тоже обязаны служить ему, как

ke nu to shefas de suy tribu toshi mus servi a ta kom gulam. Ta fogeti ke via nu hi, via nuy hi gwerjen ta he pai oli suy jita. Nu batali-te pro ta, bat nau ta yoksuni nu de nuy kaptura, ta mah-wek stakatot de nuy vilaja, dabe nu to ta-ney subshefas bu mog rebeli kontra ta. Ta sempre bin hemapyase e fobishil, bat afte ke ta visiti landa de blan jen, ta bikam yoshi pyu hemapyase e fobishil. Me toleri-te se, oo shefas, bat me bu mog-te toleri pyu!" ta krai. "Me he mah-rebeli habiter de tri vilaja de nuy tribu, e me he dukti li a yu. Me hev mil gwerjen e sitsto banduk. Oli may gwerjen aspiri batali. Li oli yao librisi swa-ney tribu. Me he lai a yu dabe kwesti yu, oo shefas, ob yu konsenti ko-gweri kun nu kontra Seguii?"

Togaree en-silensi al kan Otako-ney fas atentem. Mor fa-inklini versu Raterford e shwo a ta pa inglish:

"Nu hev dwasto banduk, Togaree hev sitsto. In suma otsto. Seguii nau hev sol mil charsto."

Otako kwestem kan Jeims Mor, Jeims Mor niki a ta. Dan sobreshefa de Taranaki tribu en-stan e shwo solemnem:

"Nu aksepti yur amigitaa, Togaree. Manya pa sabah oni mog begin marsha."

Emaii fai glume kansa a suy bifoo-ney dushman, bat shwo nixa e go asembli suy gwerjen.

рабы. Он забыл, что это нашими руками и руками наших воинов он добыл все свои победы. Мы сражались за него в боях, а теперь он отнимает у нас нашу добычу и снимает частоколы наших селений, селений своего собственного племени, чтобы мы, его младшие вожди, не могли восстать против него. Он всегда был кровожаден и труслив, но, с тех пор как побывал за морем у белых людей, стал еще кровожадней и трусливее. Я не в силах был терпеть, вожди, и я не вытерпел! – кричал он. – Я поднял жителей трех селений нашего племени и привел их к вам. У меня тысяча воинов и шестьсот ружей. Все мои воины рвутся в бой. Все они стремятся освободить свое племя. Я пришел сюда спросить вас, вожди, согласны ли вы идти вместе с нами войной против Сегюи?

Тогаре замолчал, пристально глядя в лицо Отако.„Маури нагнулся к Рутерфорду и сказал ему по-английски:

– У нас двести ружей, у Тогаре шестьсот. Итого восемьсот. У Сегюи осталось всего тысяча четыреста.

Отако вопросительно взглянул на Джемса Маури. Джемс Маури кивнул ему головой. Тогда вождь племени Таранаки встал и торжественно произнес:

– Мы принимаем твою дружбу, Тогаре. Завтра утром можно выступить в поход.

Эмаи хмуро взглянул на своего бывшего врага, но, не сказав ни слова, пошел собирать своих воинов.

Bifoo batala

Duran ol nocha jen aus visin-vilaja arivi a she Otako.

Li bu mog fa-plasi inen stakatot, also muchos kampi on sirkumlok-ney kolina. Til sabah gro-agnis jal, til sabah chuyshuke gana suoni. Oli joi por lai-she gwer kwasi por festa, oli festi e triumfi pa bifooen. Sey gwerlik jenmin bu koni nul otre felisitaa krome batala.

Sol un jen in ol kampa bu joi: es Raterford. Ta bu yao kwiti sahil, bli kel ship mog apari pa eni taim, ta bu yao snova go a inenlanda. Bat majbur obedi. Ta pren un banduk, mer, acha, pistola, sikin, fan-reserva fo kelke dey, klosi suy dom e hunti a gwerjen de Emaii. Eshu lai a ta.

"Me ve go kun yu," ela shwo. "Me ve sekwi yu ga bli. Dai ba banduk a me, me ve porti it."

Segun maori fenshan, gina oftem akompani man al gwer-marsha e porti parta de arma. Raterford yao-shem konsenti pren Eshu kunem, ta bu yao separi fon ela.

Pa sabah ol armee departi. Versu aksham bli nicha de Egmont-monta it hunti kun gwerjen de Togaree, kel pa signa de joisa fai un salpa aus sitsto banduk. Nau

Перед боем

Всю ночь к селению Отако шли люди из соседних деревень.

Частокол не мог вместить всех, и они располагались табором на окрестных холмах. До утра горели огромные костры, до утра гремели хвастливые песни. Все радовались предстоящей войне, как празднику, все заранее торжествовали и ликовали. Этот воинственный народ не знал никакого другого счастья, кроме боя.

Во всем стане не радовался только один человек – Рутерфорд. Ему не хотелось покидать берег, возле которого каждый день мог появиться корабль, и снова идти внутрь страны. Но что делать – нужно было подчиняться. Он взял ружье, мэр, топор, пистолет, нож, запас провизии на несколько дней, запер свой дом и присоединился к воинам Эмаи. К нему подошла Эшу.

– Я пойду вместе с тобой, – сказала она. – Я не отстану от тебя ни на шаг. Дай мне ружье. Я понесу его.

По новозеландским обычаям, женщины часто сопровождали мужчин во время военных походов и несли часть их оружия. Рутерфорду не хотелось расставаться с Эшу, и он охотно согласился взять ее с собой.

Утром все войско вышло в путь и к вечеру у подножия горы Эгмонта соединилось с воинами Тогаре, которые в знак радости дали залп в воздух из своих шестисот ружей. Теперь под начальством Отако было по крайней мере

sub komanda de Otako ye amini pet mil gwerjen. Segun maori konsepta it es gro-gran armee.

Duran dwa mes li go tra ruini-ney landa, fai shikaring, jal agnis, gani gana. Armee gei gidi bay Togaree e Emaii kel jan loko gro-hao. Peplalok de vilaja ke Raterford vidi-te dwa yar bak, it nau es bekresen bay gao herba, ti longem bu go na shulin-daokin es sub moh. Pur to ol-sorta-ney shikar he multipliki gro, e Raterford kada dey sin mushkila kili kelke kiwi-faula o titar. Eshu pluki chibile planta fo ta: farna-riza, savaje selri. Pa aksham li dwa zwo un syao agni apartem fon otres e chi akshamfan til sta sate al sidi un kontra otre.

Kem pyu dalem fon Taranaki li go, tem pyu chaukem shefas suluki. Li fobi ambush. Kada dey explorer gei sendi avan, li mus tuy warni Otako si dushman apari.

Pa un dey sey explorer dukti a kampa den sirke tristo garibe gwerjen. Amini haf de li hev banduk. Un yunge shefa es sobreyuan de sey gwerjen. Ta lwo-genui bifoo Otako, skrapi swa-ney fas e deklari ke ta bu yao pyu subordini a Seguii e ke ta yao hunti a Taranaki armee. Segun ta-ney worda, ta sol tri dey bak he kwiti armee de Seguii. Ta shwo ke oli gwerjen de Seguii indigni por sinsensu-ney opresa bay Seguii, ke li ve batali pro ta sin yaosa hi. E iven sey bufidival armee bu es tro gran, sol sirke tri mil jen, bikos Seguii he kili zuy hao gwerjen por foba de kompeta. Seguii fobi armee de

пять тысяч бойцов – по новозеландским представлениям, огромная армия.

Два месяца шли они среди превращенной в пустыню страны, охотились, жгли костры, пели песни. Путь войску указывали Тогаре и Эмаи, превосходно знавшие местность. Пепелища деревень, которые Рутерфорд видел два года назад, теперь заросли высокой травой, а давно не хоженные лесные тропинки утонули во мху. Зато всякой дичи расплодилось множество, и Рутерфорд без труда убивал каждый день несколько киви или куропаток. Эшу собирала для него съедобные растения – корни папоротника, дикий сельдерей. По вечерам они вдвоем разводили маленький костер в стороне от остальных и сытно ужинали, сидя друг против друга.

Чем больше становилось расстояние, отделявшее войско от страны Таранаки, тем осторожнее были вожди. Они опасались засады. Каждый день вперед высылали разведчиков, которые, заметив врагов, должны были немедленно предупредить о них Отако.

Однажды эти разведчики привели с собой в лагерь человек триста каких-то незнакомых воинов, из которых не меньше половины имели ружья. Воинами этими предводительствовал молодой вождь. Он упал перед Отако на колени, расцарапал себе лицо и заявил, что не хочет больше подчиняться Сегюи и желает вступить в армию племени Таранаки. По его словам, он всего три дня назад покинул армию Сегюи. Все воины Сегюи, говорил он, возмущены бессмысленными притеснениями, которые терпят от своего правителя, и будут сражаться за него без большой охоты. Да и этого ненадежного войска у него осталось совсем не так уж много, всего тысячи три, так как лучших своих бойцов Сегюи предал казни, боясь соперничества.

Otako, ta yao-te iven armisi suy sinnamba-ney gulam, bat rejekti-te sey plan por foba de rebela.

"Avan!" Emaii krai, ta tremi por joisa al dumi ke nau pa fin ta ve mog venji a dushman.

"Avan!" Jeims Mor exklami al froti handas alegrem.

"Avan!" Otako komandi.

Armee en-marshi kway tra shulin, al prejui jita e riche kaptura.

Afte dwa dey ambi gweri-she armee miti pa sahiles de un riva, chyen bat aika chaure. Gwerjen de Otako okupi lefte sahil, gwerjen de Seguii okupi desne-la. Pa surprisa fo Raterford, ambi partia, inplas tuy fa-lansi batali, stopi e begin examini mutu atentem. Raterford selfa toshi examini dushman kun jigyas. Ta tuy merki ke armee de Seguii es amini pa dwa ves meno gran kem armee de Otako. Yedoh Seguii hev pyu banduk.

Raterford lai a shefas kel zai stan bli pina.

"Way batala bu begin?" ta kwesti.

"Nu yao ke Seguii pa un-ney hi ataki nu," Otako jawabi. "Wen suy gwerjen krosi riva, li ve bi hao nishan."

"E li weiti ke nu hi ataki li," Emaii shwo.

В страхе перед армией Отако он собирался даже вооружить своих бесчисленных рабов, но отказался от этого плана, опасаясь измены.

– Вперед! – закричал Эмаи, дрожа от радости при мысли, что ему наконец-то удастся отомстить врагу.

– Вперед! – воскликнул Джемс Маури, весело потирая руки.

– Вперед! – приказал Отако.

Войско быстро зашагало по лесу, предвкушая победу и богатую добычу.

Через два дня обе враждебные армии встретились на берегах мелкой, но довольно широкой речки. Левый берег заняли воины Отако, правый – воины Сегюи. К удивлению Рутерфорда, обе стороны, вместо того чтобы немедленно ринуться в бой, остановились и принялись внимательно друг друга разглядывать. Рутерфорд и сам с любопытством рассматривал вражеский стан. Он сразу заметил, что войско Сегюи по крайней мере вдвое меньше, чем войско Отако. Но ружей у Сегюи все же было больше.

Рутерфорд подошел к вождям, стоявшим у подножия сосен.

– Почему не начинается битва? – спросил он.

– Мы хотим, чтобы Сегюи первый напал на нас, – ответил Отако. – Когда его воины станут переходить через реку, нам легко будет стрелять в них.

– А они ждут, чтобы мы первые напали на них, – сказал Эмаи.

"Li sol fai aspekta," Togaree remarki. "Me he batali tuhun kun Seguii mucho ves, me jan oli suy durte inventa. Ta bu weiti nuy ataka, ga non. Ta weiti tumitaa. Al tumitaa tu krosi riva e tu ataki nu es mucho pyu fasile."

"In lao taim," Emaii shwo indignem, "gwerjen batali sol al surya-luma. Sol fobnik mog batali in tumitaa, sol toy wan kel fobi miti dushman in juste batala."

Wen nocha lai, ambi kampa zwo menga de agni. In kampa de Otako ye pa dwa ves pyu mucho agni kem in kampa de Seguii. Nulwan somni, naturalem. Oli silensi. Gwerjen sirkum Raterford gro-atentem kan-kan tume riva, pa kel-ney otre sahil dushman-ney agnis brili. Mogbi nau hi Seguii sal krosi riva e batala begin.

Yedoh taim pasi bat dushman bu lai. Sol amaxi dwa ora resti til suryachu wen turan un trafuger lai a kampa de Otako. Ta bin gulam she Seguii, por to ta hev nul arma. Pa bifoo-ney taim ta bin gwerjen she Emaii, Seguii he plenisi ta al krushisi koy vilaja. Bat plenjen resti fidele a swa-ney tribu. Ta yus he krosi riva, e akwa guti fon suy har.

"Agnis pa toy sahil es durte truk," ta shwo al spiri gro, "dar ye nul jen. Agnis es lyu-ney fo trompa. Tuy afte fa-tume Seguii dukti suy arme along sahil uupar, kontra fluisa. Dar li he krosi riva, li es yo pa sey taraf. Sun li ve arivi hir. Li yao ataki yu turan-nem e pushi yu inu riva."

– Это они только притворяются, – заметил Тогаре. – Я много раз сражался вместе с Сегюи и знаю все его хитрые выдумки. Он вовсе не ждет нашего нападения. Он ждет темноты. В темноте гораздо легче перейти реку и напасть на нас.

– В старое время, – возмущенно сказал Эмаи, – воины сражались только при солнечном свете. В темноте может сражаться лишь трус, который боится встретить врага в открытом бою.

Когда наступила ночь, оба лагеря разложили множество костров. И в лагере Отако костров было вдвое больше, чем в лагере Сегюи. Никто, конечно, не ложился спать. Все молчали. Воины, окружавшие Рутерфорда, напряженно вглядывались в скрытые мраком воды реки, на противоположном берегу которой сверкали огни врагов. Вот-вот Сегюи перейдет реку и начнется бой.

Но время шло, а враг не появлялся. До рассвета оставалось уже не больше двух часов, когда вдруг в лагерь Отако примчался перебежчик из стана врагов. У Сегюи он служил рабом и поэтому не имел никакого оружия. Когда-то он был воином Эмаи, и Сегюи взял его в плен во время разгрома одной из деревень. Но пленник остался верен своему племени. Он только что перешел реку, и вода капала с его волос.

– Огни на той стороне только хитрость, – сказал он задыхаясь, – там нет ни одного человека. Едва стемнело, Сегюи, оставив для обмана эти костры, повел свое войско по берегу вверх, против течения реки. Там они перешли реку и находятся уже на этом берегу. Сейчас они будут здесь. Они хотят напасть на вас врасплох и оттеснить в воду.

Otako e Emaii kan mutu glumem. Bat Jeims Mor exklami alegrem:

"Kuraja, amigas! Nu ve trompi li pa same dao ke li yao trompi nu. Nu ve kwiti sey loko. Wen Seguii ve lai, ta ve findi sol jal-she agnis."

Afte kelke minuta animi-ney kampa bikam vakue. Yarkem jal-she agnis zai lumisi sol silense pina-tronka. Jeims Mor zai dukti armee tra shulin versu un single blise kolina ke ta merki-te yo al dey. Wen gwerjen begin klimbi uupar pa krute kolina-flanka, furia-ney skwiling fa-audi fon baken. To es Seguii-ney jen, li samaji ke li fai gaf.

Fa-luma. Agnis debrilifi. Surya chu e goldisi pina-sima.

Strane mita

"Avan!" Emaii krai e fa-lansi nich kolina al teni banduk in un handa e mer in otre-la.

"Avan!" Otako krai e toshi lopi nich.

Gwerjen fa-lansi tuhun kun shefas, oli yao ataki dushman bifoo ke li go wek. Ti akompani armee na gina toshi en-lopi. Li sekwi man pa kelke stepa baken, kada-la lopi afte swa-ney mursha o brata.

Отако и Эмаи угрюмо переглянулись. Но Джемс Маури весело воскликнул:

– Не унывайте, друзья! Мы обманем их так же, как они собираются обмануть нас. Мы покинем это место, и, когда Сегюи придет сюда, он не найдет здесь ничего, кроме пылающих костров.

Через несколько минут лагерь, недавно такой оживленный, опустел. Ярко горящие костры озаряли только молчаливые стволы сосен. Джемс Маури вел свое войско через лес к одинокому, стоявшему совсем близко холму, который он высмотрел еще днем. Едва воины начали взбираться вверх по крутому склону, как позади раздался отчаянный, яростный вопль. Это приверженцы Сегюи поняли, что попали впросак.

Рассвело. Огни костров потускнели, взошло солнце и позолотило вершины сосен.

Странная встреча

– За мной! – крикнул Эмаи и ринулся вниз с холма, держа в одной руке ружье, а в другой мэр.

– За мной! – крикнул Отако и тоже помчался вниз.

Воины понеслись вместе со своими вождями, стремясь напасть на врага прежде, чем он успеет уйти. Женщины, сопровождающие войско, тоже побежали вниз. Они держались в нескольких шагах позади мужчин – каждая бежала за своим мужем или братом.

"Resti hir!" lopi-she Raterford krai, al vidi ke Eshu sekwi ta.

"Non, non, me yao bi kun yu!" lopi-she Eshu jawabi.

Gwerjen de Seguii lifti banduk e weiti laisa de kontrajen. Distansia inter ambi armee fa-syao kway. Wen it es sirke petshi stepa, gwerjen de Seguii fai salpa. Kula mah-lwo kelke shika jen bat ataka bu stopi. Gwerjen de Otako lopi nich fon kolina e bu mog stopi. Li shuti al lopi, poy lansi swa-ney banduk a ti lopi baken na gina, dabe librisi handas fo handa-batala. Raterford toshi shuti e toshi lansi swa-ney banduk a Eshu.

Al wuli, al skwili, al hisi por furia gwerjen de Otako ataki gwerjen de Seguii. Meres fa-virti kwasi melidom-rada. Kadawan kel hev acha, ta trai graspi har de dushman-gwerjen bay lefte handa e haki suy galsa bay desne-la. Si se suksesi, ta lansi kati-ney kapa a gina, dabe aften exposi it bifoo swa-ney huta.

Furia-ney draka duri bulongem. Dushman bu resisti dranga, en-hili e fugi. Duran batala Raterford fa-lansi a farke taraf e grauli ugrosem al swingi stal-ney acha. Ta bu darbi nul jen, bat dushman rasstepi bifoo ta, li gei fobisi bay suy grantaa e terible aspekta. Sol un kurajnik, bifoo fugi kun otres, probi darbi ta-ney kapa bay mer. Bat kapa de Raterford loki tro gao, also ston lwo on suy plecha. Raterford ek-krai por tunga e lopi afte ofenser kel zai fugi pa fule ajilitaa.

– Оставайся здесь! – крикнул на бегу Рутерфорд, увидя, что Эшу следует за ним.

– Нет, нет, я хочу быть с тобой! – ответила Эшу на бегу.

Воины Сегюи, подняв ружья, молча ожидали приближения неприятеля. Расстояние, отделявшее обе армии, уменьшалось с каждой секундой. Когда оно стало не больше пятидесяти шагов, воины Сегюи дали залп. Пули повалили несколько десятков человек, но остановить наступление этим не удалось. Воины Отако бежали с горы и не могли остановиться. Они на бегу выстрелили и кинули свои ружья бежавшим сзади женщинам, чтобы освободить руки для рукопашного боя. Рутерфорд тоже выстрелил и тоже кинул свое ружье Эшу.

Воя, визжа, шипя от бешенства, накинулись воины Отако на воинов Сегюи. Мэры крутились, как мельницы. Те, у кого были топоры, норовили схватить вражеского бойца левой рукой за волосы, а правой перерубить ему шею. Когда это удавалось, они швыряли отрубленную голову женщинам, чтобы потом выставить ее напоказ перед своей хижиной.

Отчаянная свалка продолжалась недолго. Враг не выдержал натиска, дрогнул и побежал. Во время боя Рутерфорд метался из стороны в сторону и грозно рычал, размахивая стальным топором. Он ни разу никого не ударил, но враги расступались перед ним, устрашенные его огромным ростом и грозным видом. Только один какой-то смельчак, перед тем как обратиться в бегство вместе с остальными, обернулся и попытался стукнуть его мэром по голове. Но голова Рутерфорда находилась слишком высоко, и камень мэра обрушился ему на плечо. Рутерфорд вскрикнул от боли и погнался за своим обидчиком, убегавшим во всю прыть.

Longem li lopi tra shulin. Gwerjenes de krushisi-ney armee zai rasfugi a oli taraf. Eshu resti baken, e sun Raterford merki ke exepte ta e persekwi-ney gwerjen sirkum bu ye jen. Yo duran haf-ora ta goni afte suy ofenser, e ta en-fatigi. Ti darbi ta bay mer na gwerjen fa-reveli gro-hao loper e pa fin desapari fon vida. Raterford stopi e al gro-spiri apogi bey kontra baum.

Turan ta merki yus bifoo ta, sub giganta-ney farna, den koy strane jivika. Un-nem ta dumi ke es un maimun. Sey jivika hev syao brun rugi-ney nafra-ney fas, yarkem blan denta kel ragi gro, e nude magre kurve gambas-ki. Tronka de jivika es klaidi-ney in fet-ney frak-ney jaketa do gro-longe lapas. Un gran blan orden ye on suy sina. Bat dar, wo panta mus bi, ye sol un kurte jupa zwo-ney aus pes de gande borya. In desne handa jivika teni un pistola kel-ney tuba es dirigen yus a sina de Raterford.

"Shwo adyoo a jiva, blan gwerjen," jivika shwo pa deformi-ney inglish al smaili badem. Triger kliki. Bat shuta yok. Pistola fai fala.

Raterford rifai konsa e muvi versu dushte jivika al lifti-ney acha. Snova triger kliki. Snova fala. Inter li ye sol dwa stepa yo. Triger kliki pa tri-ney ves, e pa tri-ney ves pistola fai fala. Raterford shwai acha a taraf e bay un darba de kulak mah-wek fali-she pistola aus handa de dushman. Ta graspi galsa de maimun-simile jen, mah-lwo ta on herba e myati ta til ke frak-buton flai wek kun kraking. Nude tatui-ney sina fa-diki.

Они долго неслись по лесу. Воины разбитой армии разбегались в разные стороны. Эшу отстала, и Рутерфорд скоро заметил, что, кроме него и воина, за которым он гонится, кругом нет никого. Он уже полчаса гнался за своим обидчиком и начал уставать. Воин, ударивший его мэром, оказался отличным бегуном и в конце кондов скрылся из виду. Рутерфорд остановился и, тяжело дыша, прислонился спиной к дереву.

И вдруг прямо перед собой, под исполинским папоротником, он заметил какое-то странное существо, которое он сначала принял за обезьяну. У существа этого было маленькое, сморщенное, коричневое, отвратительное личико с крупными, выдвинутыми далеко вперед ослепительно белыми зубами и голые, тощие кривые ножки. Туловище существа было облачено в засаленный фрачный пиджак с длиннейшими фалдами. На груди у него висел большой белый орден. Но зато там, где должны были быть брюки, болталась коротенькая юбчонка, сделанная из обрывка грязной новозеландской циновки. В правой руке существо держало большой пистолет, дуло которого было направлено прямо в грудь Рутерфорду.

– Прощайся с жизнью, белый воин, – сказало существо на ломаном английском языке, погано улыбаясь. Щелкнул курок. Но выстрел не раздался. Пистолет дал осечку.

Рутерфорд, опомнившись, двинулся к злобному существу, высоко подняв топор. Снова щелкнул курок. И снова осечка. Между ними было уже не больше двух шагов. Курок щелкнул в третий раз, и в третий раз пистолет дал осечку. Рутерфорд отбросил свой топор далеко в сторону и ударом кулака выбил забастовавший пистолет из рук врага. Схватив обезьяноподобного человечка за горло, он повалил его на траву и мял до тех пор, пока пуговицы фрака с треском не отлетели, открыв голую татуированную грудь.

"Bu tori may frak," jen rauki. "In sey frak me prisenti-te swa a yur rega..."

– Не рви моего фрака, – прохрипел человечек. – В этом фраке я представлялся твоему королю...

Sol nau hi Raterford samaji ke sey strane jivika kel-ney galsa ta zai teni, ta es mahtaful shefa Seguii, toy Seguii kel he extirpi tanto mucho tribu.

Тут только Рутерфорд догадался, что странное существо, горло которого он держит в руках, – могущественный вождь Сегюи, истребивший столько племен.

"Lasi me go," Seguii murmuri al fa-tufi e plaki (ya, ya, larma flui aus suy okos). "Wen me ve jiti oli may dushman e bikam masta de Nyu-Siland, me ve doni a yu kelke tribu, yu ve bi mahtaful shefa. Lasi me go, dan inglish rega ve mah yu lorda, ta es ya may alianser, sertem ta ve sekwi may konsila. Si yu bu lasi me go, sun may gwerjen ve lai, li ve venji a yu saktem pur may morta. Lasi me go..."

– Отпусти меня, – бормотал Сегюи, задыхаясь и плача (да, да, из глаз его текли слезы). – Когда я разобью всех своих врагов и стану владыкой Новой Зеландии, я подарю тебе несколько племен, и ты будешь могущественным вождем. Отпусти меня, и английский король сделает тебя своим лордом, потому что ведь он мой союзник и, конечно, послушает моего совета. А если ты меня не отпустишь, сейчас сюда придут мои воины и жестоко отомстят тебе за мою смерть. Отпусти меня...

Fo Raterford ta es gro-nafra-ney, sey kruele jen-chier kel he ruini tote landa. Bat Raterford hev karim kordia. Al vidi sub swa den syao pitival musla-ki, mokre por larma, Raterford fai tal akta ke nul patriota de Nyu-Siland wud pardoni a ta.

Рутерфорду был омерзителен этот жестокий людоед, опустошивший целую страну. Но у Рутерфорда было доброе сердце и, видя под собой жалкую, мокрую от слез мордочку, он совершил поступок, который ему не простил бы ни один новозеландец, любящий свою страну.

Ta graspi vilaja-destrukter pa kolar, lifti ta bay un handa gao uupar e sheiki ta kwasi vakue sak. Poy, afte un hao nuka-darba, ta lasi ta go librem.

Он взял разорителя селений за шиворот, поднял его одной рукой высоко в воздух, встряхнул, словно пустой мешок, и, дав ему на прощание здоровенный подзатыльник, отпустил на все четыре стороны.

Seguii en-lopi wek pa fule kwaytaa. Bat baken zuy blise bush ta stopi, pren un lanza fon arda e lansi it a Raterford. Lanza-nok fa-nagi inu molika de lefte gamba de Raterford. Raterford graspi suy pistola, bat Seguii yo desapari inter baum.

Hema flui aus wunda. Raterford bu mog stan for e lwo. Afte haf-ora Eshu findi ta. Ela tiri lanza aus wunda, stopi heming bay lif de koy lekiherba e helpi a swa-ney blan amiga tu arivi a kampa de jiter.

Drima de Jeims Mor

"Armee de Seguii bu existi pyu," Jeims Mor zai shwo. "It es partem kili-ney, partem difusi-ney, partem it es pro nu. Haishi resti kelke banda kel fa-ahfi in shulin koylok bli Esta-kabu, bat nu ve extirpi li sin mushkila pa kelke wik. Nuy armee bikam pyu gran e pyu forte kada dey, bikos gulam de Seguii pa menga fugi a nu. Maiste banduk ke Seguii bringi-te fon Ingland, li es yo she nu."

Raterford e Jeims Mor zai go along sahil de toy riva wo batala eventi-te. Bat hir riva es mucho pyu chaure, e shum de mar-bata yo fa-audi fon dalem. Pyu kem dwa wik he pasi yo afte jita-ney batala, e wunda on gamba de Raterford haili. Ta sol topali idyen.

"Seguii selfa toshi bu ve eskapi fon nu," Jeims Mor kontinu. "Me es serte ke ga sun ta-ney prope gwerjen

Сегюи опрометью кинулся бежать. Но за ближайшим кустом он остановился, поднял с земли копье и швырнул его в Рутерфорда. Острие копья вонзилось Рутерфорду в мякоть левой ноги. Рутерфорд выхватил из-за пояса свой пистолет, но Сегюи уже исчез среди деревьев.

Из раны текла кровь. Рутерфорд не мог стоять и упал. Через полчаса его нашла Эшу. Она вытащила из раны копье, остановила кровотечение листьями какого-то целебного растения и помогла своему белому другу пробраться в лагерь победителей.

Мечты Джемса Маури

– Войско Сегюи больше не существует, – говорил Джемс Маури. – Оно частью уничтожено, частью рассеяно, частью перешло на нашу сторону. Осталось еще несколько шаек, которые скрываются в лесах где-то возле Восточного мыса, но мы их без всякого труда истребим в несколько недель. Наша армия становится многочисленнее и крепче с каждым днем, потому что рабы Сегюи целыми толпами бегут к нам. Большинство тех ружей, которые Сегюи привез с собой из Англии, находятся в наших руках.

Рутерфорд и Джемс Маури шли по берегу все той же реки, но река здесь была гораздо шире, и издали уже доносился гул морского прибоя. Со времени победоносной битвы прошло больше двух недель, и рана на ноге Рутерфорда уже зажила. Он только слегка прихрамывал.

– Сам Сегюи тоже от нас не уйдет, – продолжал Джемс Маури. – Я уверен, что не сегодня-завтра его нам выдадут его же

ve gadari ta. Li bu gro-lubi ta."

Eshu zai go bli Raterford. Baken li Otako zai marshi, ta dukti un gran dasta de gwerjen. Bat Jeims Mor shwo pa inglish, e nulwan exepte Raterford samaji ta.

"Pa fin single mahta ve bi in Nyu-Siland!" Jeims Mor exklami. "Oli sobreshefa de oli tribu ve subordini a Otako. Li opini swa kom suy alianser, bat pa fakta li oli es sub suy mahta. Pyu-nem, sub may hi mahta, bikos Otako zwo nixa sin may konsila. Dumi ba, ob eni Emaii ve mog resisti a me e Otako, si pyu kem haf de suy tribu es kili-ney e oli suy stakatot jal-ney?

Raterford selfa dumi om Emaii. Emaii, iven sin weiti fin-ney krushisa de Seguii-ney armee, he hasti a peplalok de janmavilaja, dabe ribildi it zuy kway posible. Kwo kuraje Emaii ve zwo wen ta ve samaji ke suy tribu, yus librisi-ney fon un gulamtaa, tuy geti inu otre? Raterford klarem imajini longe seria de ruini-she gwer kel mus kontinu in sey nofortune landa. Bat ta abyas-nem silensi, bu shwo suy opina. E Jeims Mor zai shwo for, al animifi oltaim pyu.

"Afte unifa Nyu-Siland ve bikam zuy mahtaful imperia de Sude haf-sfera. Pa beginsa, sertem, imperator ve bi Otako. Bat Otako es lao, e ta bu hev son. Me es gamijen de suy pyu yash-ney docha, sol me hi mog heredi mahta fon ta. Dan yu ve sta hao, Raterford. Me ya en-lubi-te yu duran laste yares. Yu ve bi may dashi.

собственные воины. Они не слишком его любят.

Рядом с Рутерфордом шла Эшу. За их спиной шагал Отако, который вел большой отряд воинов. Но Джемс Маури говорил по-английски, и никто, кроме Рутерфорда, его не понимал.

– Наконец-то Новая Зеландия будет под одной властью! – воскликнул Маури. – Все верховные вожди всех племен подчинятся Отако. Они считают себя его союзниками, но, в сущности, они все находятся в его власти. Вернее, в моей власти, потому что без моего совета Отако не сделает ни одного шага. Подумай, может ли какой-нибудь Эмаи сопротивляться мне и Отако, раз больше половины его племени истреблено и все его частоколы сожжены?

Рутерфорд и сам думал об Эмаи, который, не дождавшись даже окончательного уничтожения армии Сегюи, поспешил к пепелищу своей деревни, чтобы как можно скорее заново отстроить ее. Что сделает храбрый Эмаи, когда увидит, что его племя, только что освобожденное из одного рабства, попало в другое? Рутерфорд ясно представил себе длинный ряд истребительных, опустошительных войн, которые еще предстоят этой несчастной стране. Но он привык держать свои мысли при себе и не произнес ни слова. А между тем Джемс Маури продолжал говорить, все больше и больше воодушевляясь.

– Новая Зеландия, став единой, превратится в самую могущественную империю Южного полушария. На первых порах императором будет, конечно, Отако. Но Отако стар, и у него нет сыновей. Я женат на его старшей дочери, и никто, кроме меня, не может ему наследовать. Тебе тогда будет хорошо, Рутерфорд. Ведь я тебя полюбил за эти годы. Ты

Yu yao ku? Representer de Nyu-Siland she Landan korta! Yu pri se ku? Un inglish texer kel gwo gun dwashi ora per dey sin pausa pur kelke peni – ewalaa ta hi es mahtaful imperator. Un inglish maryuan – ta es dashi, eminente ofisiala kel-ney favor gei shuki bay korta-dama e shik-ney kavalier. Nu ve ridi gro om li! Bat non, non, me ve komandi ke yu deklari gwer kontra Ingland. Me yao venji a oli sey riche sinior. Li ve pai venja por sendi povre jen a katorga."

"Bat on kwel ship me ve raki a inglish korta?" Raterford kwesti al smaili. "On piroga ku, kati-ney aus pina-tronka?"

"Nu ve hev hi ship," Jeims Mor jawabi, "tanto mucho ship ke nu yao. Depos sey dey nu ve kapti kada ship kel visiti Nyu-Siland. Emaii kapti-te yur 'Agnesa' e jal-te it. Es stupide. Kada ship ke nu ve kapti, nu ve kuydi it gro-hao. Afte shi yar nu ve hev tote flot. Mogbi yu yao ke me mah yu admiral, bu dashi? Yu es marjen, yu ve bi gro-hao admiral..."

Pinas fini, e un chaure mar-baya apari bifoo go-sha. Raterford stopi, turdi-ney.

Ta rekoni sey loko. Hir hi, in sey hi baya gwerjen de Emaii raubi-te brig "Agnesa" sirke pet yar bak. Also sey riva, along kel li go-te, it es Temsa.

Ya, ya, ta bu galti, ta remembi olo klarem. Ahir hi, a muh de sey riva, kapitan Koffain sendi-te ta fo nosolte

будешь моим послом. Хочешь? Представитель Новой Зеландии при лондонском дворе. Как тебе это нравится, а? Английский ткач, который работал по двадцать часов в сутки не разгибая спины из-за нескольких пенсов, – могущественный император. Английский матрос – посол, знатный вельможа, перед которым заискивают придворные дамы и шикарные кавалеры. Вот-то мы посмеемся над ними! Впрочем, я прикажу тебе, как моему послу, объявить Англии войну. Я хочу отомстить всем этим богатым господам. Они будут знать, как отправлять бедных на каторгу.

– На каком же корабле я поеду к английскому двору? – улыбаясь, спросил Рутерфорд. – На пироге, выдолбленной из соснового ствола?

– У нас будут корабли, – ответил Джемс Маури. – Сколько угодно кораблей. С этого дня мы будем забирать себе каждый европейский корабль, который подойдет к берегам Новой Зеландии. Эмаи, захватив вашу «Агнессу», сжег ее. Это было очень глупо. Каждый корабль, который нам удастся захватить, мы будем беречь и холить. Лет через десять у нас наберется целый флот. Хочешь, я сделаю тебя не послом, а адмиралом? Ты моряк, и из тебя выйдет отличный адмирал...

Сосны расступились, и перед путниками открылась широкая морская бухта. Рутерфорд, потрясенный, остановился.

Он узнал это место. Вот здесь, в этой самой бухте, пять лет назад воины Эмаи разграбили бриг «Агнессу». Значит, река, по берегу которой они так долго шли, – Темза.

Да, да, он не ошибается, он все ясно помнит. Сюда, в устье этой реки, капитан Коффайн посылал его за пресной водой. Вон

akwa. Walaa chyenlok kontra kel "Agnesa" imbati-te afte ke gwerjen de Emaii kati-te anka-korda. Walaa toy sahil a kel pirogas kun ligi-ney plenjen landi-te.

Bat... kwo es se?! Shayad es sol sembla. Mogbi ta fa-pagale? Raterford froti okos. Miden baya, yus pa toy plasa wo "Agnesa" koytaim bin, ye klarem vidi-ney tri-mastula-ney komersa-ney brig. Maryuan hasti-muvi on suy dek, al mah-lwo anka.

"Se es un-ney ship de yur futur-ney admiral-ney eskadra, Raterford," Mor shwo al extendi handa. "Manya nu ve raki adar bahani-yen ke nu vendi swina, e afte kelke minuta it ve bi nu-ney."

мель, на которую вынесло «Агнессу» после того, как воины Эмаи перерубили якорные канаты. Вон к тому берегу привез на пирогах Эмаи своих связанных пленников.

Но что это? Ему, вероятно, мерещится! Не сошел ли он с ума? Рутерфорд протер глаза. Посреди бухты, на том самом месте, где когда-то стояла «Агнесса», он ясно видел трехмачтовый купеческий бриг, на котором суетились матросы, спуская якоря.

– Это первый корабль твоей будущей адмиральской эскадры, Рутерфорд, – сказал Маури, протянув вперед руку. – Завтра днем мы поедем туда под предлогом продажи свиней, а через несколько минут он будет наш.

"Adyoo! Adyoo!"

Armee de Otako zai nochi on sima de kolina budalem fon mar. Es toy hi kolina wo koytaim vilaja bin, toy vilaja wo Raterford pasi-te un-ney nocha de plen. Hir sit marjen de "Agnesa" bin kili-ney e chi-ney. Nau nixa resti fon vilaja, bikos Seguii jal-te it fulem e kili-te oli vilajer. Bat Raterford tuy rekoni toy kelke pina a kel ta e suy ko-jen bin ligi-ney pet yar bak.

Gwerjen es fatige por mushkile marsha, e afte fa-tume li en-somni bli agnis. Raterford zai lagi on bey e kan an swate staraful skay. Duma bu lasi ta somni. Taim pasi, stara-figura lentem muvi inter chaure pina-brancha, bat ta haishi bu klosi okos. Al turni kapa ouran, ta merki ke Eshu kel lagi budalem bli agni, ela toshi bu somni e zai kan ta atentem.

"Eshu," ta hamsi, "way yu bu somni?"

"E way yu hi bu somni, Hwan-har-ney?" ela kwesti.

"Me bu jan," ta jawabi.

"Me hi jan," Eshu hamsi. "Yu zai dumi om ship de blan jen, kel es dar miden baya."

Raterford ek-tremi e presi un finga kontra muh, dabe ela en-silensi. Poy ta en-stan, pren elay handa e en-dukti ela wek fon kampa, al chaukem stepi tra somni-she gwerjen. Wahti-sha bu stopi li, bikos Raterford es

"Прощай! Прощай!"

Войско Отако ночевало на вершине холма, невдалеке от моря. Это был тот самый холм, где когда-то стояла деревня, в которой Рутерфорд провел первую ночь своего плена. Здесь были убиты и съедены шестеро матросов с «Агнессы». Теперь от деревни не осталось и следа – Сегюи сжег ее дотла и истребил всех жителей до единого. Но Рутерфорд сразу узнал те несколько сосен, к которым он и его товарищи были привязаны пять лет назад.

Утомленные тяжелым походом, воины, едва стемнело, заснули вокруг костров. Рутерфорд лежал на спине и глядел в черное звездное небо. Мысли не давали ему спать. Время шло, созвездия медленно передвигались среди широких сосновых ветвей, а он все еще не смыкал глаз. Случайно повернув голову, он заметил, что Эшу, лежавшая недалеко от него, возле костра, тоже не спит и внимательно за ним наблюдает.

– Эшу, – прошептал он, – отчего ты не спишь?

– А ты отчего не спишь, Желтоголовый? – спросила она.

– Не знаю, – отвечал он.

– А я знаю, – шепотом сказала Эшу. – Ты думаешь о корабле белых людей, который стоит там, посреди бухты.

Рутерфорд вздрогнул и приложил палец ко рту, чтобы она замолчала. Потом он встал, взял ее за руку и повел прочь из лагеря, осторожно ступая через спящих воинов. Часовые не остановили их, потому что Рутерфорд был вождь и мог ходить,

shefa e mog go a wo ta yao. Raterford e Eshu lentem desendi kolina, poy go along tange shulin daokin al silensi. Sun onda-pleska fa-audi avanen, e li lai a sahil de mar, ahfen bay nocha-ney tumitaa. Obskure lumas de brig glimi dalem.

куда ему угодно. Рутерфорд и Эшу медленно спустились с холма и в полном молчании пошли по узкой лесной тропинке. Скоро впереди раздался плеск волн, и они вышли на берег скрытого ночною мглою моря. Далеко в темноте мерцали тусклые огни брига.

"Yu jan, Eshu," Raterford shwo pa fin, "si me bu returni a janmalanda nau hi, shayad me bu ve returni neva. Tal kasu bu fa-ofri oftem."

– Знаешь, Эшу, – произнес наконец Рутерфорд, – если я сейчас не вернусь на родину, мне уж, пожалуй, не вернуться никогда. Такой случай снова не скоро представится.

Eshu silensi al lasi lwo kapa.

Эшу молчала, опустив голову.

"Sol yu hi reteni me hir," Raterford kontinu. "Me fai gro-amigitaa kun yu, fo me es mushkile tu kwiti yu. Go ba kun me. Yu swimi hao, nu tuhun ve swimi til ship sin mushkila. Me ve shwo a kapitan to li-ney shefa ke yu es may molya. Ta ve pren nu ambi kunem a Ingland, e nu bu ve separi neva."

– Здесь меня удерживаешь только ты, – продолжал он. – Я очень с тобой сдружился, и мне тяжело тебя покидать. Поезжай со мной, ты отлично плаваешь, и мы с тобой без труда доплывем до корабля. Я скажу капитану, их начальнику, что ты моя жена. Он возьмет нас обоих в Англию, и мы никогда не расстанемся.

Eshu en-sidi on ston e longem zai kan inu tumitaa, adar wo brig-ney lumas glimi. Ela zai dumi. Raterford zai stan bli ela e weiti sabrem. Pa fin ela shwo:

Эшу села на камень и долго смотрела в темноту, туда, где мерцали огни брига. Она думала. Рутерфорд стоял рядом с ней и терпеливо ждал. Наконец она сказала:

"Non, Hwan-har-ney, non. Go ba sole. Me bu yao reteni yu. Bat me ve resti hir, miden may jenmin. Yu jivi inter nu e sinian om yur rishta, om yur amiga. Si me ve jivi she yu, me toshi ve sinian om may rishta e amiga, om olo ke me koni fon kinda-yash. Yoshi, ob yu dumi-te komo jen de yur jenmin ve resivi me? Li ve bichi me por ke me bu es kom ley gina, por ke me bu janmog ni shwo, ni chi, ni gun tak kom ley gina."

– Нет, Желтоголовый, нет. Поезжай один. Я не хочу тебя удерживать. Но я останусь здесь, среди моего народа. Живя у нас, ты тоскуешь по своим родным, по своим друзьям. Если я буду жить у вас, я буду также тосковать по своим родным и друзьям, по всему, к чему я привыкла с детства. А подумал ты о том, как встретят меня люди твоего народа? Они будут меня презирать за то, что я не похожа на их женщин, за то, что я не умею так говорить, есть, работать, как они.

Raterford turan remembi ke in Ingland oni oftem trati kun bicha den "kolor-ney wan", den jen do bublan derma. Povre syao savajina! Ela es prave. Si ela geti a Ingland, es posible ke oni ve trati ela kom animal, animal kel mus zwo zuy mushkile e gande gunsa por foba de bating. Non, es pyu hao ke ela resti hir, miden monta e shulin, in landa do elay janma.

Рутерфорд вдруг вспомнил, с каким презрением относятся в Англии ко всем «цветным», ко всем, у кого не белая кожа. Бедная маленькая дикарка! Она права. Если она попадет в Англию, с нею будут обращаться, как с животным, которое из страха побоев и окриков должно исполнять самую трудную и грязную работу. Нет, уж лучше ей оставаться здесь, среди этих гор и дремучих лесов, в стране, где она родилась.

"Hao, Eshu, me ve go sole," ta shwo. "Bat me ve returni. Fo me es tro mushkile tu separi fon yu fo sempre. Me ve jivi in Ingland dwa-tri yar, e poy me ve zin marjen-tim de koy ship kel go a Nyu-Siland. Weiti me, Eshu."

– Хорошо, Эшу, я уеду один, – сказал он. – Но я вернусь. Мне трудно расстаться с тобой навсегда. Я проживу в Англии два-три года, потом наймусь матросом на какой-нибудь корабль, который пойдет в Новую Зеландию, и приеду сюда опять. Жди меня, Эшу.

"Me ve zai weiti yu, Hwan-har-ney," ela shwo resolutem.

– Я буду ждать тебя, Желтоголовый, – твердо промолвила она.

Tanto mucho ves duran plen ta drimi-te om ship, ta drimi-te om kwiti sey landa, sey pet-yar-ney prison! Bat nau, wen dwar de prison es ofni-ney, ta zai deri.

Столько раз за время своего плена он мечтал о том, как придет корабль и как он покинет эту страну, которая в течение пяти лет служила ему тюрьмой, но теперь, когда двери тюрьмы были открыты, он медлил.

Bat skay yo fa-pale, rosish-grey fa-deysa begin. Nocha fini. Raterford go inu akwa e swimi versu ship.

Но вот небо уже стало бледнеть, начался розовато-серый рассвет. Ночь кончилась. Рутерфорд вошел в воду и поплыл к кораблю.

"Ewalaa diva!" un grose bosmen exklami al vidi Raterford klimbi-ney on dek. "Kan ba, kapitan, un

– Вот так чудо! – воскликнул толстый боцман, когда Рутерфорд влез на палубу. –

blan maori!"

"Me bu es maori, me es inglish marjen," Raterford shwo.

Pa shao worda ta expliki a kapitan, hu ta es e kwo eventi-te a ta. Poy ta rakonti ke al dey maoris sal ataki ship e en-posesi it. Sey habar fobisi kapitan. Kelke ves gwo eventi yo ke ship kel visiti Nyu-Siland desapari-te.

"Treba tuy geti aus hir!" kapitan exklami pa foba e komandi stavi parus.

Ronde shulin-ney kolinas lentem en-muvi a dalitaa. Un gina kel zai sekwi ship bay okos, ta bikam un punta, poy desapari.

Fin de historia om marjen Raterford

"Madam e sinior! Also yu he vidi un Nil-ney krokodil kel es pet e haf yarda longe. Yu yus he vidi un fakir fon India kel gloti flama e dansi on sikin-nok. Nau yu ve vidi tri-ney numer de nuy programa: un vere jive savaje jen-chier fon un isla in suda-ney osean. Ta perteni a tribu de gigantas, e me fai dadu pa dwa shiling om ke ta es pyu gao kem eniwan hir pa tote kapa. Sey jen-chier he geti a Ingland bay zuy nopinchan dao: un balena he gloti ta, e ta jivi-te in duza de mar-monsta duran exaktem trishi dey, dwa ora

Глядите, капитан, белый новозеландец!

– Я не новозеландец, я английский матрос, – сказал Рутерфорд.

Он в нескольких словах объяснил капитану, кто он такой и что с ним произошло. Потом рассказал, что новозеландцы днем собираются произвести на корабль нападение и завладеть им. Это известие перепугало капитана. Уже не раз случалось, что корабли, посещавшие берега Новой Зеландии, пропадали без вести.

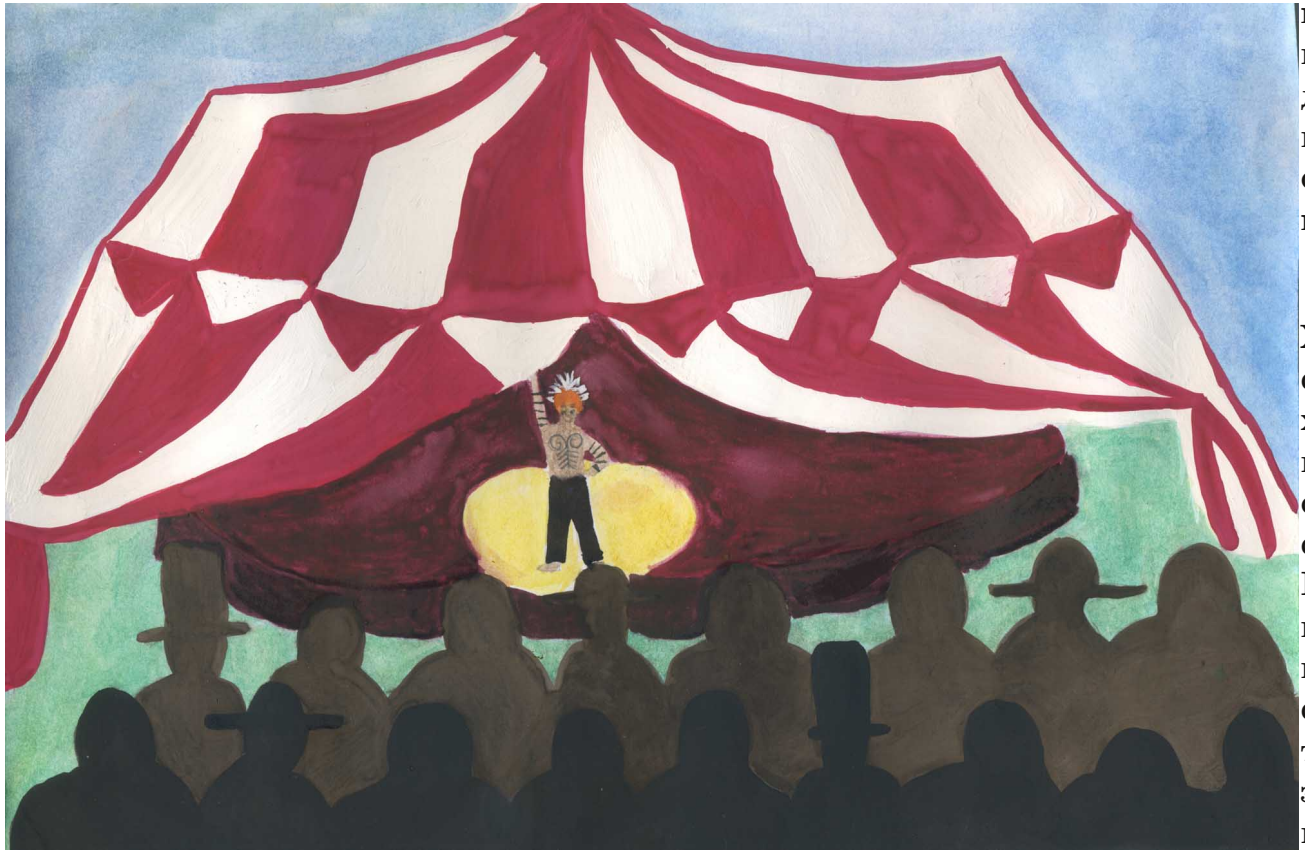
– Нам нужно сейчас же убираться отсюда! – в страхе воскликнул капитан и приказал подымать паруса.

Круглые лесистые холмы медленно поплыли вдаль. Женщина, смотревшая вслед кораблю, превратилась в точку и скрылась из виду.

Конец истории матроса Рутерфорда

– Леди и джентльмены! Вы видели нильского крокодила длиной в пять с половиной ярдов и факира из Индии, который глотал пламя и плясал на остриях ножей. Сейчас вы увидите третий номер нашей программы – живого настоящего людоеда с дикого острова на Южном океане. Он принадлежит к великанскому племени, и держу пари на два шиллинга, что он целой головой выше любого из здесь присутствующих. Наш людоед попал в Англию самым необыкновенным способом: его проглотил кит, и он прожил в утробе морского чудовища ровно тридцать суток, два часа и пять минут. Кита этого убили шотландские китоловы, и наш людоед получил свободу. Сейчас

e pet minuta. Skotish balener kili-te sey balena, e nuy jen-chier pai-te libritaa. Nau yu ve vidi ta. Ta he idyen blanifi por longe resida in norda, bat bu atenti se."



вы его увидите. Он немного побелел от долгого пребывания на севере, но не обращайте на это внимания.

Masta de basar-teatra desapari baken parda do gande kapra, e inplas ta un gran strane-aspekta-ney jen chu. Suy kapa es orni-ney bay bunte pluma. Ol suy klaida es lao lati-ney marjen-panta. On nude sina, plechas, galsa e fas strane bluish linia viti. Linia interplexi inu jatile rasma e kovri ol suy korpa bay ajibe neta. Kan-sha ofni muh por astona.

Хозяин балагана скрылся за грязной холщовой занавеской, и на его место вышел огромный человек странной наружности. Голову его украшали пестрые птичьи перья. Вся одежда его состояла из одних только старых заплатанных матросских штанов. По голой груди, по плечам, по шее, по лицу вились синеватые причудливые линии, сплетаясь в сплошные узоры и опутывая все его тело диковинной сетью. Зрители разинули рты.

"Pyu hao ke nu go wek, profesor," shwo un hao klaidi-ney yunge man kel stan in un-ney fila a un yashen sinior do respektival aspekta. "Es zuy enoisaful teatra-ki in tote basar. Gro-nagle jula! Sey jen-chier es ya blan, sin duba. Me garanti ke ta bu shwo pa eni otre lingwa kem inglish."

– Пойдемте отсюда, профессор, – сказал хорошо одетый молодой человек, стоявший в первом ряду, обращаясь к пожилому джентльмену почтенного вида. – Мы попали в самый скучный балаган на всей ярмарке. Какое наглое надувательство! Ведь этот людоед безусловно белый. Ручаюсь, что он не говорит ни на каком языке, кроме английского.

Bat ti yunge man nami profesor na sinior zai examini ti stan on skena na jen gro-jigyas-nem.

"Non, kan ba," ta shwo al deri spira por agita. "Ob yu vidi sey tatu? Nokredibilem, nosamajibilem, it koinsidi kun toy tatu ke maoris orni swa, segun gavaha de Jeims Kuk. Non, bu es falsifika. Tu falsifiki tanto jatile rasma bu es posible. Atenti ba ke suy frenta es toshi tatui-ney. Jenmin de Polinesia permiti frenta-tatuing sol fo shefas. Sertem, ta es blan jen, bat sey blan jen koni maoris pyu hao kem oli Europa-ney geografier pa hunta. Me treba toki kun ta."

Turan jen-chier tompi bay gamba e lautem en-gani pa garibe lingwa den tanto dashat-ney gana ke publika fobisi-nem fa-kyete, obwol samaji nul worda. Ugrosi-she, glume, savaje motiv sinvolem mah oni fobi. Naturalem! Es ya toy hi gana ke gwerjen de Seguii gani-te al blisifi a vilaja de Emaii.

Jen-chier gani longem. Pa fin ta en-silensi e go wek a baken kanva-ney parda. Dan profesor klimbi a skena al tiri suy yunge akompani-sha kunem. Masta de basar-teatra stopi li ira-nem. Bat profesor sovi a suy handa den kelke argenta-ney moneta, e masta tuy fa-santush. Ta rasmuvi parda, lasi gasta pasi, poy riklosi parda afte li.

Но джентльмен, которого молодой человек назвал профессором, с жадным любопытством рассматривал стоявшего на подмостках человека.

– Нет, погодите, – сказал он, задыхаясь от волнения. – Вы видите эту татуировку? Непостижимо, немыслимо, но она в точности совпадает с той татуировкой, которой, по свидетельству капитана Джемса Кука, украшают себя жители Новой Зеландии. Нет, это не подделка. Такой сложный рисунок подделать нельзя. Обратите внимание на то, что лоб у него тоже татуирован. Полинезийские народы разрешают татуировать лоб только своим вождям. Это, конечно, белый, но белый, который знает новозеландцев лучше, чем все европейские географы, вместе взятые. Мне необходимо поговорить с ним.

А между тем людоед топнул ногой и громко запел на незнакомом языке такую страшную песню, что публика, не понимавшая ни слова, испуганно притихла. Зловещий, сумрачный, дикий мотив невольно нагонял ужас. Еще бы! Ведь это была та самая песня, которую пели воины Сегюи, подступая к деревне Эмаи.

Долго пел людоед, но, когда он наконец смолк и ушел за холщовую занавеску, профессор влез на помост, таща с собой своего молодого спутника. Хозяин балагана сердито преградил им дорогу. Но профессор сунул ему в руку несколько серебряных монет, и хозяин мигом подобрел. Он раздвинул занавеску, пропустил гостей и задвинул ее снова за их спиной.

Li en-loki in un syao shamba, shma-zwo-ney aus planka. Hampi haf de shamba es okupen bay un gro-gran karton-ney krokodil, yo desasembli-ney. In angula ti nodavem gloti flama na fakir zai chi sosis e kwereli kun masta-ney molya pa pure inglish lingwa. Profesor tuy lai a tatui-ney giganta kel zai kan ta nofidem bat jigyas-nem.

"Komo yu nami?" profesor kwesti.

"Raterford," giganta jawabi.

Li lwo in toki. Raterford shao-po-shao animifi, suy nofida fa-wek. Afte begin remembi, ta yo bu mog stopi e rakonti a profesor ol historia de suy plen.

Profesor pren un notidafta e un kalam. Ta skribi afte rakonti-sha al audi gro-atentem.

"Al bakdao a Ingland," Raterford fini suy rakonta, "me fa-infekti bay tropike febra. Duran ot mes me lagi on kama sin en-stan. Kapitan vidi ke me bu mog gun, e hampi bu mah-chi me. Way me bu morti, me selfa bu samaji. Me returni a janmalanda kom invalida. Kun mushkila me fa-trani a dom-ki wo may sistas habiti. Bat reveli ke li he morti, e dom-ki perteni a otre jen. Me hev nixa fo chi, me hev nul plasa fo somni. Me begin shuki gunsa, bat me es haishi morbe e bu mog gun, also oni mah me wek fon kadalok. Me go fon un dom a otre, fon un vilaja a otre, fon un urba a otre, bat nulwan yao atenti me. Tu bi gulam in Nyu-Siland es

Они оказались в маленькой комнатке, наскоро сколоченной из досок. Почти половину этой комнаты занимал огромный, разобранный на части картонный крокодил. В углу факир, недавно глотавший пламя, ел колбасу и ругался с женой хозяина на чистейшем английском языке. Профессор сразу подошел к татуированному великану, смотревшему на него недоверчиво и с любопытством.

– Как вас зовут? – спросил профессор.

– Рутерфорд, – ответил великан.

Они разговорились. Рутерфорд мало-помалу оживился, недоверие его исчезло. Начав вспоминать, он не мог уже остановиться и рассказал профессору всю историю своего плена.

Профессор вынул записную книжку и карандаш. Он записывал фразу за фразой, стараясь не пропустить ни одного слова.

– На пути в Англию, – закончил Рутерфорд свой рассказ, – я заразился тропической лихорадкой. Восемь месяцев, не вставая, лежал я на койке. Капитан, видя, что я не могу работать, почти не кормил меня. Как я не умер, мне самому непонятно. Я вернулся на родину инвалидом. С трудом притащился я к домику, где жили мои сестры. Но, оказалось, они умерли, и домик принадлежит чужим людям. Мне нечего было есть, негде было спать, и я стал просить работы. Но я был еще болен, я не мог работать, и меня отовсюду гнали. Я ходил из дома в дом, из деревни в деревню, из города в город, но никто не хотел даже взглянуть на меня. Лучше быть новозеландским рабом, чем бедняком в Англии! Наконец меня схватили за бродяжничество и бросили в тюрьму, хотя я не сделал ничего

pyu hao kem tu bi povra in Ingland! Pa fin oni aresti me por vagabonding e pon me inu prison, obwol me zwo-te nixa buhao. Sinior, me shwo a yu sinserem, ke in Nyu-Siland-ney prison me sta-te pyu hao, kem in Ingland-ney-la."

Okos de Raterford fa-uupar e en-brili bay strane, morbish brila.

"Nau me servi in sey basar-teatra, gani savaja-ney ganas. E al libre taim me go a portu e kwesti ob koy ship go a Nyu-Siland e ob oni treba un anubav-ney maryuan. Eshu ya zai weiti me."

FIN

плохого. И скажу вам по совести, сударь, в английской тюрьме мне было хуже, чем в новозеландской.

Рутерфорд поднял глаза, и глаза его засверкали странным, болезненным блеском.

– Теперь я служу в этом балагане, пою дикарские песни, – продолжал он, – а в свободное время я хожу в порт, спрашиваю, не идет ли в Новую Зеландию какой-нибудь корабль и не нужен ли им опытный матрос. Ведь Эшу ждет меня.

КОНЕЦ